

АХТ)
959

В РОДНЫХ ДОЛИНАХ

1939

ПЕРВЫЕ СТРАНИЦЫ АЛТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1

В горах Эликманарского аймака, на Алтае, жил некогда замечательный старик — Шонкор Шунеков, что в дословном переводе означает Пламенный Сокол. Он был из сеека Тотош. Имя его, однако, было известно не только в своем роду. Старого Шонкора знали почти во всех долинах Горного Алтая. Пламенный Сокол был известен алтайскому народу, как искусный певец и рассказчик. В его аид с'езжались люди из многих долин, и он пел им свои саги под звуки топшура. Сказки его тянулись долго, иногда две—три ночи. Бывали сказы, которые пел он по семь и больше ночей. И слушатели не расходились.

Старик Шонкор Шунеков, этот низкий и сгорбленный алтаец, с козлиной черной бородкой и узкими веселыми глазами, очаровывал слушателей своими смелыми и красивыми мечтами. Сквозь тонкую узорность его сказа перед слушателями выезжали на белых и игреных конях богатыри народа, которые «годовое расстояние в одно мгновение пробегают», «на месячном расстоянии топот жеребца слышат», «через желтые степи, которых орлы не перелетели, словно вихрь проносятся».

В числе наиболее ревностных слушателей Пламенного Сокола был его маленький внук. Старик любил его и называл ласкательно — Итлаш. На самом же деле имя внука было — Ит-Кулак, что означает Собачьи Уши.

Ит-Кулак родился в год кабана¹, который считался в аилах

¹ Алтайцы до недавнего времени не имели связного летоисчисления. Год получал название в зависимости от снова и снова повторяющегося двенадцатигодичного цикла: год змеи, коня, овцы, малой медведицы, курицы, собаки, кабана, мыши, коровы, льва, зайца и грома. Год имел двенадцать месяцев. Месяц делился на две части: новая и старая луна.

плохим годом для новорожденных. Мать боялась за жизнь сына — все ее дети умирали. И она дала мальчику безобразное имя, чтобы злой дух Эрлик с презрением отвернулся от ребенка.

Первый год своей жизни на земле Ит-Кулак провел завернутым в собачью шкуру. А потом многие годы носил клочок собачьей шерсти, продетый сквозь ухо.

Отец Ит-Кулака Чочуш Кучияк был шаманом и он хотел, чтобы сын его впоследствии стал тоже камом. Но отец умер, когда мальчику было 8 лет. Ит-Кулака отдали в духовное училище Алтайской духовной миссии. Чемальские монахи, окрестившие его, дали ему новое имя — Павел, и высчитали, что он родился в 1897 году.

Павла Кучияк хотели сделать туземным попом. А пока что его поместили в сарае, кормили об'едками на кухне и заставляли каждый день, до начала занятий в училище и после них, рубить дрова и возить воду для попов и монахов. Однажды поп жестоко избил Павла за какой-то незначительный проступок. Павел сбежал из училища и стал дровосеком.

Тогда шла империалистическая война. В горы Алтая пришел царский указ — мобилизовать мужчин на дорожное строительство в прифронтовой полосе. Был мобилизован и Павел Кучияк. И он в первый раз увидел землю без гор, в первый раз узнал, что есть города, железные дороги, автомобили, пароходы.

Новая страница биографии Павла Кучияк началась после установления советской власти на Алтае. На стойбище как-то приехал представитель коммунистической организации и начал создавать комитет деревенской бедноты. Бедняк Кучияк был единственным человеком на стойбище, который умел немного читать и писать, и его избрали секретарем комбеда.

Вскоре после этого Кучияк поехал учиться в Москву, в университет народов Востока. *Павел*

В КУТВ'е он учился четыре года, а когда вернулся в родные долины, был назначен руководителем отряда юрты-передвижки. В отряде работали: женщина врач, учитель, агроном и киномеханик. Они ездили по самым отсталым аймакам Кош-агача и Улагана, делали прививки, организовывали колхозы и читали доклады: о гигиене и земледелии, о методах социалистического труда и советском праве. Отряд показывал фильмы, учреждал пункты ликбеза, боролся с суевериями, родильной горячкой и байской агитацией.

Юртой-передвижкой Павел Кучияк руководил два года. Это была тяжелая работа, но она была прекрасна, иногда Павлу казалось, что для такой жизни мало одного сердца. На его глазах алтайцы переходили из кочевых бедных айлов в новые дома и избы, женщины снимали чегедеки, люди впервые в жизни стали

мыть лица, баи и зайсаны изгонялись из советов и кооперации. Земля становилась своей!

Именно в эти годы Кучияк часто вспоминал своего деда и его замечательные легенды.¹ Старик умер в 1913 году. В последние годы он пел очень тихо, его уже с трудом понимали. Но попрежнему внук Сокола Павел Кучияк с жадностью ловил каждое слово сказителя.

Многое, рассказанное старым Соколом, теперь уже забыто и навсегда потеряно. Но забыто и потеряно к счастью не все. Образы, наиболее любимых богатырей навсегда запечатлелись в памяти Павла. В дни, когда Кучияк вел агитацию за новую жизнь, он садился иногда около костра и так же, как дед его, под единообразное позванивание топшура пел старинные саги. Перед слушателями возникали из глубины веков богатыри: бедные и богатые, добрые и злые, жадные и благородные. Под единообразный звон топшура молодой сказитель пел о победах богатыря Башпарака над семиглавым злым Дельбегеном, о хитром бедняке Аргачи, который сжег на костре злого и жадного бая. И сколько бы ни рассказывал он легенд, в каждой из них слабые становятся сильными, бедные и забитые побеждают богатых и злых.

— Якши!² — восклицали слушатели. И Павел Кучияк тогда говорил:

— Вот о чем веками мечтал наш народ! Теперь настало время, когда сказки превращаются в быль.

— Якши! — подтверждали слушатели.

2

Сказки Пламенного Сокола Павел Кучияк записал позднее на бумаге. И мы, русские читатели, впервые узнали тогда о чудесных творениях алтайского народа.

Алтайцы на редкость поэтически одаренный народ. За многовековую историю свою они накопили богатейшие сокровища уссурийского творчества. Но до революции их поэтические произведения почти не были известны русскому читателю. За полтора столетия, как Ойротия была присоединена к России, всего два—три человека занимались сбором алтайского фольклора. Но, строго говоря, это были не записи, а пересказы, конспекты сказок. Поэтическое дыхание легенд, их богатейшая фантазия, гиперболизм, яркость образов, их музыка вытравливались. Искажалось даже содержа-

¹ В роду Кучияк была сказительницей и его бабушка-Баргаа.

² Хорошо!

ние легенд. Миссионер Вербицкий утверждал, что в алтайских сказках воспеваются богатые, князья и что, следовательно, устное творчество алтайцев пошло не от народа, а от аристократических верхушечных слоев.

Старая, знакомая история! Находились ведь «исследователи», которые то же самое утверждали и относительно происхождения русского былинного эпоса.

Сказки старого Сокола, записанные его внуком, были первым разрушающим ударом по реакционным взглядам на «аристократическое» происхождение народного творчества Ойротии.

Записи Павла Кучияк познакомили русского читателя с образами героических легенд, которые слагались охотниками у дымных костров и пастухами на альпийских лугах. Герои этих сказок — бедняки. В сказках они чудодейственным образом приобретают богатырскую силу и вступают в борьбу со своими поработителями: с ханами, баями, шаманами и даже с самим злым богом Эрликом.

Поработителей народа сказки рисуют жадными, завистливыми, безжалостными, а богатырей народа — смелыми, доблестными, мудрыми и благородными.

Нетрудно догадаться, кто автор этих сказаний, чьи думы и чаяния отображены в них. «В сказках выражено, — как совершенно справедливо замечает современный исследователь алтайского фольклора А. Коптелов, — вековое неудержимое стремление народов освободиться от угнетателей-богачей и утвердить на земле свободную, счастливую жизнь».

Алтайские сказки замечательны еще «выдумкой», «изумительной способностью заглядывать далеко вперед факта» (Горький). Задолго до появления электричества богатыри сказок ловили молнии и, закрепив их в расщелинах деревьев, освещали долины и реки.

За много веков до появления самолета фантазия сказителей создала Кан-Кэрэдэ — прообраз современного аэроплана, а Пламенный Сокол в сказке «Башпарак» мечтал о ячмене, в колосьях которого «было бы по сто ячменных зерен».

По форме своей сказки алтайцев исключительно ярки, образны и величавы. В них каждое слово перевито иносказаниями, краски в них горят, как цветы Алтая, а гиперболы превосходят самую смелую фантазию.

Неоценимая заслуга Павла Кучияк в том, что он не дал погибнуть сказкам Пламенного Сокола, любовно записал и подстроично перевел их на русский язык. Он открыл для русского читателя не известный доселе чудесный поэтический мир, мир прекрасной фантазии и музыки.

Нелегко было Кучияку вести свою работу. Буржуазные на-

ционалисты, пробравшиеся в свое время в руководящие организации Ойротии, всячески тормозили обмен культурными ценностями между русским и алтайским народами. Они пытались «отгородить» алтайский народ от русской культуры и закрыть для русских богатство народного творчества алтайцев.

Одни из этих презренных врагов народа фальшиво утверждали, что алтайский язык настолько-де беден, что на нем никак нельзя изложить произведения русских классиков и советских писателей. Другие говорили: «Язык алтайцев — бедный язык и поэтому на нем не может быть устных произведений высокохудожественной ценности». А третьи выступали даже в печати и нагло заявляли, что алтайские сказки потеряли всякий интерес и значение для современной Ойротии. «Как стали не нужны в литературе Советской страны легенды древней Руси об Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Микуле Селяниновиче и Алеше Поповиче, — писали они, — так мало кого интересуют легенды монголо-ойротского героического эпоса».

О сказках в Ойротии нельзя было тогда говорить вслух. Кучияка, записывавшего их, чуть ли не обвиняли во вредительской деятельности. Буржуазный националист Толуш Енчинов, бывший секретарем Обкома, одну из сказок Пламенного Сокола, записанную по памяти Кучияком, прямо назвал контрреволюционной.

Были дни, когда у Павла Кучияк опускались руки и он надолго прекращал свою полезную, культурную работу. Но в 1934 году ему посчастливилось быть делегатом Всесоюзного съезда писателей. Он услышал там прекрасные слова А. М. Горького:

«Начало искусства слова — в фольклоре. Собирайте ваш фольклор, учитесь на нем, обрабатывайте его. Он очень много дает материала и вам, и нам, поэтам и прозаикам Союза. Чем лучше мы будем знать прошлое, тем лучше, тем более глубоко и радостно поймем великое значение творимого нами настоящего».

Это указание окрылило Кучияка, и он с новой силой взялся за работу над фольклором. Записывал уже не только по памяти сказки своего деда, но и других сказителей, которые еще здравствуют и являются живыми хранителями фольклора. Так Кучияк «открыл» талантливого сказителя Улагашева, которого в этом году правительство наградило орденом «Знак Почета».

Новосибирское Областное Издательство выпустило две книги — 29 ойротских сказок. Из них 26 сказов — в записях Павла Кучияк. Подготовлен к печати третий сборник. В 1940 году будет издан четвертый — сказки Улагашева, записью которых занят сейчас Кучияк. В этот сборник войдет часть героической легенды «Алтай-Куучин», которая полностью поется обычно в течение семи ночей.

О Павле Кучияк на его родине говорят: «Возьмет ружье — охотник, возьмет топшур — певец». Здесь нет преувеличения. Можно было бы добавить: положит гримм — актер, возьмет перо — поэт.

Да, Кучияк не только собиратель фольклора. Он сам сказитель, поэт, актер и драматург. Дарование его богато и разнообразно. Он пишет стихи, рассказы, повести и пьесы и сам играет на сцене первого ойротского драматического театра.

Сказки Пламенного Сокола Кучияк записал по памяти почти через четверть века после того, как слышал их. Это мог сделать человек, имеющий сам поэтическое дарование. Отдельные места сказок память не могла сохранить, и Кучияк восстанавливал их собственной фантазией, не искажая образов сказаний, не уменьшая поэтичности оригинала. Он выступал в данном случае уже не только как собиратель фольклора, но и как сказитель, народный поэт. В сказках, которые любовно записывал Кучияк, народное многое предугадал. Но в них, разумеется, нет сказаний о том, что давно уже стало прекрасной действительностью и что наполняет сейчас сердца всех алтайцев и требует облачения в звучные строки. Павел Кучияк решил помочь сказителям создать такую сказку. И вот под его влиянием колхозник из поселка Айлу Даабы Юдаков взял топшур и начал складывать легенду о Ленине.

Он делал это так же, как все сказители. Бил по струнам топшура и напевал первые две строки глубоким грудным голосом, идущим будто из-под земли. Слова постепенно переходили в гуденье, в бессловесный припев. Припев длился минуту, иногда больше, пока под единообразное позванивание топшура не рождались следующие две строки. Юдаков и Кучияк помогали друг другу подбирать слова этих строк. Топшур переходил из рук в руки. И когда сказка была готова, Кучияк уже самостоятельно изложил ее в стихах.

Так родилась в 1934 году замечательная легенда «Зажглась золотая заря», которой открыт том «Творчества народов СССР», изданный к XX-летию Октябрьской социалистической революции.

«Зажглась золотая заря» — это легенда о Ленине и бедняке-алтайце Анчи. В ней рассказано о том, как «на Алтае под облаком, в горной долине, жил-был бедный охотник Анчи. Он имел одну лошаденку, да одну коровенку и одет он был в ветошь, в худое рваньё». Бай, зайсан и шаман забрали у Анчи лошадь, последнюю корову. От голода умерли дети. Анчи пошел по Алтаю, чтобы узнать, «есть ли сила такая на свете на белом, чтоб зайсан перед нею стоял онемелый, не найдется ли мудрость такая — и в ком, — чтобы хан оказался перед ней дураком?»

Шесть раз Анчи обошел весь Алтай.
И увидел Анчи: богатырь перед ним
Средь бескрайних просторов, народом обильных,
Землю всю сотрясающий словом одним,
Видом — добрый из добрых и сильный из сильных!
И этот богатырь спросил маленького Анчи:
«Ты откуда явился сюда, человек,
Дни и ночи свои проводящий в печали?»

Анчи ответил, что он бедняк, что ему нечем покрыть свои голые плечи и что желудок его пуст, потому что баи, зайсаны и камы, «словно черные вороны, все расклевали». И богатырь «с огненным ликом» сказал бедняку:

«Знай, Анчи: от моих промоносных ударов
Ныне пала навеки зайсанская власть.
Обеззублена у богачей — у байларов
Их ненасытная пасть.
Ваше все то, что было доселе зайсаново.
Бедняки, стройте жизнь свою заново,
Дружной братской семьей общий подвиг творя!»

Кто этот богатырь с огненным ликом? Народ, окружающий богатыря, рассказал Анчи, что это — сын народа и «его имя великое — Ленин!» И тогда на бедняка-алтайца «полились живые, двойные лучи».

И почувствовал он: жизнь к нему возвращается.
И он сам от двух солнц, теплоту их беря,
Наливается силою и превращается
В молодого ойротского богатыря.

Анчи — образ Алтая, олицетворение судьбы всего народа. Над Алтаем зажег золотую зарю Ленин, зарю Октябрьской социалистической революции, и Анчи-Алтай превратился в могущественного богатыря.

«Зажглась золотая заря» — замечательная поэма. Написанная в духе традиционной эпической героики Алтая, она блещет изумительной яркостью красок, смелостью сравнений и гипербола, меткостью и своеобразием образов. Фантастическая по форме, она глубоко реалистична по своему существу. В сказочных событиях и образах она передает весь смысл ленинско-сталинской национальной политики.

Ленин в этой поэме награжден лучшими чертами самых любимых, самых могучих, самых благородных героев алтайского эпоса. Легенда о Ленине как бы замыкает огромный цикл герои-

ческих сказаний, воплотивших вековые мечты народа о новой, свободной, жизни и открывает новую страницу истории алтайского народа.

Золотую зарю Великой Октябрьской социалистической революции алтайский народ встретил нищим, забитым и темным. Большинство народа питалось кореньями кандыка, сараны и дикого пиона. Жилищами ему служили шалаши из древесной коры. Пять человек из ста не были в состоянии иметь даже такие айлы, и они копали ямы, устилали их травой и укладывали в них своих детей. Одевались ветхо. Рубах не снимали, пока они, изношенные в клочья, сами не сваливались с плеч.

До революции в Ойротии невозможна была сколько-либо лучшая жизнь. На плодородных землях Алтая жирными пауками сидели монастыри. Бай и зайсаны, русские купцы и кулаки захватили лучшие угодья и пастбища. Алтайская беднота ютилась в горных ущельях, на «камне», и билась в лапах жестокой эксплуатации, произвола, патриархально-феодалного угнетения.

Алтайский народ был окутан густой паутиной суеверий и родовых предрассудков. «Царизм намеренно культивировал на окраинах патриархально-феодалный гнет для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве». (И. Сталин, Национально-колониальный вопрос, стр. 61).

Особенно тяжела была жизнь алтайской женщины. Она была рабой бая, зайсана, мужа, брата мужа. Она не могла зайти на мужскую половину айла, всю жизнь не имела права снять с себя чегедек. Ее продавали как вещь, ею распоряжались как собственностью.

Первое свое самостоятельное произведение Кучияк посвятил алтайской женщине. В поэме «Арбачи»¹ он нарисовал тяжелый жизненный путь алтайки, дочери бедняка.

Баю Дябы нужны были бесплатные рабочие руки. Он взял девушку Арбачи замуж за своего шестилетнего сына («Отец Арбачи был у бая в долгу»).

Беднякам ли забитым тягаться с баем!

На его стороне и мощна золотая,

И шаман, и продажный зайсанский суд.

Полтора десятка лет Арбачи проработала на бая. Полтора десятка лет — тяжелой горькой жизни:

¹ С алтайского перевел В. Непомнящих.

На работе тяжелой растрачены силы,
Юность, радость, веселость сгорели дотла.

А когда вырос байский сын, и бай мог женить его на другой молодой девушке, он выбросил Арбачи из своего аила, словно обглоданную кость. Она пошла с жалобой к зайсану. Зайсан угрозил ей за дерзость плетью. Она пошла к родителям, но отец сказал ей:

Дерево там сгнивает,
Где выросло.
Девушка там умирает,
Куда выдана.

Алтайская женщина — любимый герой произведений Павла Кучияк. Он показал ее и в гражданской войне, и в борьбе за колхозы, и в борьбе за новый быт. Но жизнь алтайской женщины в старом Алтае произвела в свое время на поэта настолько сильное впечатление, что он возвращается к ней в своих произведениях вновь и вновь. Последнее его стихотворение — «Смерть Янар», стихотворение о бедной девушке-пастушке, доведенной преследованием бая до самоубийства.

— Нет, ни за что я не дамся им!
Лови меня озеро Тюргун-Су!
И воды, мгновенный прыжок отразив,
Пред ней распахнули пучину свою.

Судьба Янар была судьбой многих женщин алтаек. Недаром и сейчас еще в памяти народа живут легенды о самоубийствах. Река Катунь в легенде — это женщина, бросившаяся со скалы, чтобы избежать преследований Бия. Хан Бий однако не оставил ее в покое и после смерти. Превратившись сам в реку, он догнал свою жертву за гранью гор.

Самоубийство — не выход. Нужно бороться. Арбачи Павла Кучияк не заплакала от горя, не бросилась со скалы:

С камнем горькой обиды на сердце,
С жаром ненависти в душе —
По долинам с сухими глазами
Шла суровая Арбачи.

С винтовкой в руках она выступила вместе со всем народом против баев и зайсанов за новую, свободную, счастливую жизнь.

Свободная жизнь! Сквозь все угнетения, через все годы беспросветно тяжелой жизни алтайский народ пронес свою мечту о свободной жизни. Мечта эта, как мы уже указывали выше, была воплощена в героическом эпосе народа. И чаяния народа не обма-

нули его. Алтайский народ с помощью русских трудящихся масс освободился от своих поработителей и угнетателей. Произошло это, однако, не мгновенно и стоило больших усилий, длительной борьбы и многих жертв.

В первые же месяцы, как докатилась до Алтая спасительная волна Великого Октября, бай и зайсаны «снова хотели скрутить руки народа». Они создали Кара-Корум, контрреволюционное буржуазно-националистическое правительство.

Черные дела каракорумцев и колчаковцев на Алтае Кучияк заклеил в своих поэмах («Арбачи», особенно «Аркыт») с большой силой гнева и страсти:

Словно черные ветры чумные, угрюмо
Камы были без умолку ночью и днем.
Волки жадные вышли из Кара-Корума,
На Аркыт собралось Колчака воронье.

(«Аркыт») ¹

В 1918 году им удалось свергнуть Советы. Началась жестокая расправа с каждым, кто хотел распрямить спину, кто выступил за новую свободную жизнь:

Тварь ползучая от роду не была злее,
Как в те дни, о которых не помнить бы рад.
На тропинках шипели и ползали змеи,
Вынося на высоты накопленный яд.

(«Аркыт»).

Расправа была настолько мстительной и бесчеловечной, что алтайский народ никогда этого не забудет, никогда не простит:

Волков одичавшая стая!
Сколько замученных, сколько убитых,
Сколько ограбленных вами!.. На веки
Вас проклянут эти горы и реки,
И травы, и люди Алтая!

(«Арбачи»).

Против колчаковщины, против каракорумцев поднялась грозная волна партизанского движения. На помощь алтайскому народу приходят русские товарищи. Плотник Кареев (пьеса «Чейнеш») организует в горах партизанский отряд. В долине Аркыта (Аргута) храбро бьются красноармейские полки.

В поэме «Аркыт» есть такое обещание поэта: «Мы о героях сложим песни». Алтайский народ сложил эти песни. Песней о

¹ Поэму «Аркыт» перевел с алтайского Н. Алексеев.

победах звучат и некоторые лучшие строфы поэмы Кучияк «Ар-кыт»:

На высотах Алтая победно горит
Знамя алое — Ленина знамя.
Словно солнце второе, с вершины горы
Все залило косыми лучами.
Средь долин, на горах потеплело вдвойне,
Посветлело вдвойне на Алтае.
И так хочется петь о родной стороне,
О житье без постылого бая.

Но свое обещание Кучияк еще не выполнил. Гражданская война на Алтае еще не нашла своего художника, героика ее не воспета, пафос ее не показан. В «Арбачи» Кучияк только упоминает о гражданской войне в чуть-чуть зарифмованных публицистических строчках. В другом произведении — в пьесе «Чейнеш» она проходит где-то за сценой, в тексте о ней говорят только в порядке воспоминаний.

В Ойротии подросло новое поколение. Оно не участвовало в гражданской войне, оно не может сказать: «А помнишь, как мы дрались с белобандитами?». А оно должно знать о героических днях прошлого своего народа. Впереди предстоит еще много боев... Мы вправе ждать от Павла Кучияк произведений и о героическом переходе отряда ЧОН через вершины Яломанских белков, и о многих других боях и походах, в которых сказались храбрость и мужество народа, воля к борьбе за новую жизнь и уверенность в победе.

5

Советская власть на Алтае была восстановлена вновь. И в дни, когда кое-где в горах рыскали еще белые банды, декретом ВЦИК была образована Ойротская автономная область.

С того времени прошло семнадцать лет. До неузнаваемости изменились за эти годы люди и долины Алтая. Появилась алтайская письменность, алтайский театр, густой сетью школ, библиотек и клубов покрылась область. Полупатриархальный Алтай с помощью русского народа, под руководством коммунистической партии строит социализм, минуя капиталистическую стадию развития.

Люди перешли на оседлость, создали колхозы, воздвигли новые села и города, через горные перевалы провели автомобильный тракт, через реки перебросили мосты, построили гидростанции, маслозаводы, автобазы.

Ойротская автономная область — это чудесное творение на-

циональной политики Ленина—Сталина. Увидеть в художественной литературе результаты этой политики — естественное желание и потребность каждого советского человека.

За последние семь—восемь лет в Ойротии побывало много за-летных литераторов. На книжном рынке появился ряд книг и статей об Алтае. Мы терпеливо перечитали их одну за другой и — увы! — не нашли в них ответа на наш вопрос. Больше того, в некоторых из этих книг звучит что-то уж слишком странное для уха советского человека, даже чудовищное — неприкрытая тоска по ушедшей жизни.

Да, оказывается есть такие литераторы, которым жаль уходящие в прошлое и дымный аил, и таялгу — ободранную конскую шкуру, повешенную на жерди после жертвоприношения, и глиняную посуду, и вшивую рубаху, и даже предрассудки и суеверия алтайцев.

Покойный художник алтаец Н. И. Чевалков в своих мемуарах (к сожалению, нигде еще не опубликованных) познакомил нас «с плачем души» известного областника и каракорумца Анохина. Этот «защитник» алтайского народа с грустью смотрел, как возникали в Алтае новые поселки, колхозы, скотные дворы, маслозаводы и школы. И откровенно вздыхал:

— Чем вы замените юрту алтайцев, что так же бы гармонизировало с величественно дикой природой? Чем иным можно украсить склоны алтайских гор, как не шкурами после камлания? Да и какой иной жизнью можно заставить жить алтайца, когда он является истинным дополнением природы!.. Эх, Алтай девятиглавый, погиб ты своей прелестью.

Именно эта анохинская тоска звучит в некоторых книгах об Алтае. Вот, например, литератор Стонов, проскакав в 1930 году галопом по Ойротии, пришел к «мудрому» заключению, что алтайцы «не вынесут» оседлой жизни и что их следует оставить по-прежнему в юрте у дымного очага:

«Если ребенка, родившегося, выросшего в обычном доме, — философствует наш незадачливый мыслитель, — перевести в аил, он, ребенок этот, обязательно простудится, захиреет. Детский организм не в состоянии будет перенести перемену жизни. То же бывает, когда, наоборот, жителя аила переводят в благоустроенное помещение. В аиле он круглый год живет под открытым небом, питается исключительно молочными продуктами, его желудок не знает хлеба. Здесь он вынужден сидеть под крышей, греться не у пламенного очага, а у общей печи, есть хлеб, обедать, ужинать, завтракать в определенные часы».

О советском Алтае, кроме Стонова, писало еще несколько литераторов. У нас нет ни охоты, ни желания разбирать здесь их откровения. Достаточно отметить, что одни из них в своих по-

спешных строчках ограничивались смакованием восточной экзотики, другие, вольно или невольно, вздыхали о «разрушаемой» человеком первозданной природе. Третьи, заметив где-нибудь в далеком ущелье осколок старой жизни, приходили от этого зрелища в восторг, в слюнявый восторг.

Но все они вместе перевирали историю Ойротии, бесцеремонно расправлялись с этнографией, путали географию области. Реки они заставляли течь в другом направлении, озера перемещали из одного места в другое, изменяли высоту гор, переименовывали города и села.

Исключением являются, пожалуй, только произведения А. Коптелова. Этот писатель вообще много сделал для познания Ойротии. Недаром его роман «Великое кочевье» — единственная из многих книг, написанных об Алтае, переведена на алтайский язык и издается ойротским издательством. На каждой странице этого произведения чувствуешь, что автор прекрасно знает Алтай, быт народа, совершающего свое великое кочевье от полупатриархального быта в социализм. Но даже в этом произведении сказывается, что оно написано «со стороны».

Впервые мы почувствовали подлинный Алтай в произведениях Павла Кучияк. Он показал его нам не со стороны. В рассказах, пьесах и стихах Кучияк — Алтай, который видит, слышит, чувствует сам алтаец.

В творчестве Кучияк пульсирует живая действительность Алтая, являющаяся для алтайского народа совершенно органичной. В стихах и прозе Кучияк (в прозе, нам кажется, он сильнее чем в стихах, хотя, возможно, его стихи не нашли еще своего переводчика) мы видим подлинный колорит той области, в которой он родился, живет и работает. В рассказах его мы слышим настоящую алтайскую речь, видим подлинные жесты алтайцев, чувствуем их темперамент. Почти на каждой странице мы узнаем ту или иную черту быта, обычаев, навыков и национальных особенностей алтайцев.

Фигурально выражаясь, можно сказать, что Кучияк пишет об Ойротии и алтайцах для алтайцев. Поэтому его произведения тем ценнее для читателей других национальностей своей подлинностью, тем ярче своим национальным колоритом, тем интересней познавательными сведениями, которые читатель узнает не в порядке «принудительного ассортимента» к сюжету, а «совершенно незаметно», как неотъемлемую часть повествования.

В настоящий сборник произведений Павла Кучияк входят три рассказа, повесть и одна пьеса. Каждое из этих произведений совершенно самостоятельное и законченное. В каждом из них свои герои. Но в то же время по внутреннему содержанию своему они звучат как единый, многоглавый роман, как единая художествен-

ная летопись Ойротии за последние, примерно, четверть века. Правда, летопись далеко еще не полная, в ней недостает очень многих глав. И не все главы из написанных равноценны по своему качеству.

В поэмах «Арбачи», «Смерть Янар», в пьесе «Чейнеш» писатель показывает досоветские времена Ойротии. И прошлое ее встает перед читателем не в лживом ореоле Ойрот-хана, не как мифическое родовое «единство» алтайского народа, каким его пытались и пытаются изобразить буржуазные националисты, а как трагические дни порабощения трудового народа и алтайскими баями и зайсанами, и русскими кулаками и царскими чиновниками.

В пьесе «Чейнеш» Кучияк «посветил в лицо» каракорумцам, в очень неприглядное лицо. Кара-Корум на деле — это не «общенациональное единство» всех алтайцев — и бедняков и баев, каким пытались изобразить его буржуазные националисты, а все те же «старые добрые порядки»: союз и единение баев, камов, и зайсанов, и русских купцов, и белогвардейцев против трудового народа; обман, насилия, эксплуатация и кабала.

Кучияк показывает в своей пьесе, как народ в первые же дни понял истинную природу Кара-Корума. Правда, в первом действии пьесы бедняк Садон неуверен в своих силах («Руки у меня очень короткие») и покорно говорит: «Воля неба послать дождь и снег, воля зайсана судить и карать бедных людей». Но вскоре же, в ходе дальнейшего развития событий, бедняки Садоны почувствовали, что руки у них сильны и воля тверда. С помощью русского народа, под руководством большевиков, они разгромили колчаковско-каракорумские банды.

Жалкие остатки каракорумцев бродят еще и сейчас по урочищам Алтая. Маскируясь, двурушничая, извиваясь, они пролазят в колхозы, в руководящие органы и пытаются повсюду сеять яд отравы, совершают акты разрушения. Их подлую деятельность Кучияк показывает в рассказе «Ямы». Рассказ срывает маски с проповедников мифического Ойрот-хана, с защитников старинных обычаев, т. е. отсталости, темноты и грязи. Рассказ призывает к бдительности.

Лучшее, наиболее зрелое произведение Кучияка — «Аза-Ялан». Эта повесть о возникновении колхоза, о жестокой классовой борьбе, которая развернулась в долине Аза-Ялан, о возникновении и росте социалистических форм хозяйства в Ойротии, о расцвете социалистической личности, о самоочищении человека в ходе социалистического строительства от всей скверны, которую он принес как наследие из старых времен.

Рост и формирование нового человека писатель показывает и в своих рассказах «Тойчи» и «Железный конь».

Язык, которым написаны произведения Кучияк, прост и ярок. Слова, образы, сравнения он черпает из народной речи и из народного творчества, к которому он приникает всегда, как к магеринской груди. Язык его персонажей изобилует фольклорными элементами и народными речениями, пословицами, поговорками:

— Лучше иметь маленькую кучу зерна, чем большой ворох соломы, — говорит герой повести «Аза-Ялан». — Из маленькой кучки целая гора зерна вырастет, к восьми членам товарищества тысячи других присоединятся.

— Верно, — поддержал старик Челпан. — В связке дров тепла больше, у народа, собравшегося вместе, силы больше.

В другом месте эта же мысль выражена такой прекрасной поговоркой:

— Сила — с силой, лыжа — с лыжей.

Алтайские пословицы и поговорки щедро рассыпаны на всех страницах рассказов Кучияка:

— Сегодняшняя печонка слаще завтрашнего сала.

— Шею зверя режут пули, шею человека — бедность.

Все эти народные речения органически входят в ткань повествования, делая его более образным, доходчивым. Ведь известно, что пословицы или поговорки являются выражением жизненных наблюдений широких народных масс. И они часто короткой образной фразой заменяют целые страницы изъяснений.

Народными речениями автор пользуется настолько свободно, часто и к месту, что можно со всей уверенностью сказать, что он заимствует их не из записной книжки, а они являются ограниченными его собственной речи.

Часто и так же умело Кучияк использует в своих произведениях народные сказки.

Приведенная к месту, народная сказка заменяет иногда целые главы повествования. Вот одна из таких сказок, которую излагает Кучияк в повести «Аза-Ялан». Председатель колхоза «Новый путь» Керек-Йок долго не хотел ехать на курсы. «Как я оставляю колхоз, — думал он, — не справятся без меня». Его едва уговорили. Через год он возвращается с курсов и видит с горы свой разросшийся цветущий колхоз.

— Вот летучая мышь, невольно вырывается у него восклицание.

Где? — удивляется Зырянов.

— Сказка у нас такая есть. Надоел зверям царь медведь, решили они переизбрать его. Объявили всеобщее собрание. Все звери собрались, не явилась только летучая мышь. Послали за ней. Она в темном ущелье сидит, крылья-когти по скале раскинула. «Почему на собрание не являешься?» — спросили ее. «Не могу я днем летать, — ответила летучая мышь, — я летаю

держу, без меня она обвалится». Вот так же и я тогда: «не могу ехать учиться, без меня колхоз развалится».

«Зырянову очень понравилась сказка», — заключает автор. Сказка эта несомненно понравится всем читателям. Это очень остроумная и поучительная сказка.

Произведения Кучияк отличаются свежестью и своеобразием образов, сравнений, метафор. У него зоркий глаз художника, острый слух любознательного человека.

В лесу чирикает маленькая синица. Это — к весне. Писатель прислушивается: «Диль-кель, диль-кель!» — чирикает синица. А по-алтайски это значит: «Весна, приди! Весна, приди!»

«Лицо у нее, как промытая дождем старая береста, белое», — пишет он про старуху Баланку.

Об электрофонарях в горном поселке, который увидел ночью путник с горы, Кучияк пишет: «Диргалу показалось, что темно-синее небо с яркими звездами спустилось к земле, а звезды как будто собрались в кучу».

Корчага расхваливает председателя колхоза (замаскировавшегося врага) за доброту и мягкосердечие. — «Погоди хвалить, — вдруг прикрикнул Темир. — Когда волк хочет жеребенка резать, он катается по земле, дурашливый, ласковый такой. Жеребенок подойдет посмотреть, а волк ему — зубы в горло».

Образы и сравнения Кучияк берет из повседневного быта народа, из природы, которая его окружает, из производственных процессов алтайцев.

Если бы читатель не имел перед собой рассказов Кучияк, а прочел бы только выписки из них народных речений, пословиц, сказок, сравнений, песен, он легко мог бы определить быт народа, которому рассказы посвящены, строй его речи, род занятий, природу, в окружении которой живут герои произведений.

6

Кучияк прекрасно знает жизнь, быт своего народа. Он написал цикл произведений, который мы назвали художественной летописью Ойротии. Но надо прямо сказать, что летопись эта и далеко не полная, и недостаточно еще глубокая.

Дело тут не в том, что он не написал о том или ином этапе советской Ойротии, о том или ином явлении в ее жизни. Кучияк не историк, не этнограф, и не его обязанность писать историческую хронику. Но как писатель он обязан показать всю глубину происходящих изменений в жизни алтайцев. Вот этой художественной глубины и нет пока в произведениях Кучияк.

Кучияк сообщает читателю много интересных сведений, ха-

рактёрных деталей, бытовых черт. Он делает это, как мы уже отмечали, умело, с большим знанием ойротской действительности. Все это очень важно, все это придает его произведениям большую ценность. Но от художника мы вправе требовать большего. Он должен изображать не внешние явления жизни, а показывать их изнутри во всем разнообразии, в движении, в динамике.

В Ойротии происходит ломка вековых устоев, старинных традиций, предрассудков и суеверий. Процесс этот сложный, подчас болезненный. В изображении же Кучияк все это происходит очень просто. Вот только один пример. В «Аза-Ялан» есть такие строчки:

«Эзе первая из всех алтаек Йолду и Морчале сняла унижающий достоинство женщины чегедек, была первой, кто решился мыться в построенной бане... Около сорока лет не умывавшаяся Эзе вышла из бани неузнаваемой. Тарпаган (муж) надеялся, что она хоть за ушами и под подбородком оставит грязь. По старинному алтайскому поверью, в этой грязи кроется счастье человека и смывать его нельзя, но Эзе смыла и это «счастье».

И все. Разумеется, в жизни это было не так, а значительно сложнее. Но может быть поступок Эзе подготовлен предыдущим повествованием? Да, Эзе в изображении Кучияк — передовая алтайка. Но как она стала передовой, почему и как она так легко переступает старинные обычаи, порывает с повериями, писатель не показывает, не раскрывает.

В рассказах Кучияк нет резко очерченных типов, глубоко нарисованных характеров. Это вторая его слабость и для художника слабость немалая.

Перед нами мелькают имена пастуха Темира Амырова, предколхоза Керек Йока, батрака, а потом командира конных разведчиков Кара, старика Чалпана и многих других. Автор сообщает нам много интересного о их работе, знакомит с их биографиями. Но, разумеется, всего этого недостаточно, чтобы перед читателем встали живые люди. Мы не видим их индивидуальных особенностей, их психологии. Автор ограничивается только пунктирной наметкой образов, а не дает его во всем полнокровии.

А. М. Горький мечтал о расширении поля зрения советской литературы. «Старая наша литература, — писал он в 1930 году, — была по преимуществу литературой Московской области. Почти все классики и многие крупные писатели наши были уроженцами Тульской, Орловской и других соседних с Московской губерний. Жанр и пейзаж — быт и природа — в которых литераторы воспитывались, довольно однообразны. Решающие впечат-

ления детства были ограничены действительностью Московской области, и эта узость поля наблюдений определенно отразилась впоследствии на творчестве классиков... Урал, Сибирь, Волга и другие области остались вне поля зрения старой литературы».

В своей литературной деятельности практического работника и организатора литературы Алексей Максимович добивался расширения «поля наблюдения» литературы, охвата ею всей действительности нашей огромной и многонациональной страны. «Я не навязываю художественной литературе, — писал он, — задач «краеведения», этнографии, но все же литература служит делу познания жизни, она — история быта, настроений эпохи, и вопрос о том, насколько широко охватила она действительность свою, этот вопрос может быть поставлен».

Мечты А. М. Горького осуществились. Советская литература охватила всю страну. Русские писатели берут «в поле своих наблюдений» и центральные области РСФСР, и ее окраины, и национальные республики, и далекие автономные области. Кроме того, общий фонд советской литературы обогатился произведениями писателей, выросших в национальных республиках и областях. Достижения литературы каждого народа превратились в достижения всей страны, всего Союза.

Произведения Павла Кучияк открыли перед читателем жизнь целого народа. Он показал ему «жанр и пейзаж, быт и природу» Ойротии. На его произведениях лежит яркий колорит Алтая. Но этого мало. Мы вправе ждать от писателя следующего шага — выйти за пределы бытовизма, вывести свое творчество за пределы только интересных эпизодов и своеобразия местного колорита.

7

В настоящем сборнике произведений Павла Кучияк, кроме прозы, печатаются его стихи. Это — «Зажглась золотая заря», «Арбачи», «Смерть Янар», «Аркыт», с которыми мы уже познакомили читателя, и цикл его последних стихотворений, который можно было бы озаглавить двумя словами: человек и природа.

Кучияк пишет стихи около десяти лет. Первым толчком к поэтическому творчеству его были новые народные песни.

Раньше было распространено мнение, что песен в Ойротии нет. «Не любят песню алтайцы». Это, разумеется, глубоко не верно. Алтайцы любят песню, умеют ее петь и умеют ее складывать. Они — замечательные импровизаторы. И как только начала расцветать в Ойротии новая жизнь, стали бурно рождаться новые песни. Народ откликался песнями на все события нашей яркой жизни. Он стал петь о счастливой новой жизни, о социалистической родине, о дружбе народов, о любви к нашей славной, род-

ной партии и к мудрым вождям Ленину и Сталину. Родились песни о колхозах, о советах, о Красной Армии, пограничниках, комсомоле, о радости социалистического труда.

Восхищенный сказочным преображением своего края, его хозяйственным и культурным ростом, Кучияк взялся за перо, чтобы, по примеру народных песен, воспеть в стихах то, что наполняло его сердце и просилось в песню.

Кучияку не легко было начинать свой литературный путь. Перед ним не было литературных образцов. В истории алтайского народа он был первым литератором.

Еще совсем недавно не было даже литературного ойротского языка, не было грамматики, не было письменности. Алтайский народ был почти поголовно неграмотным. Об этом, между прочим, бытует в народе чрезвычайно остроумная легенда. В ней рассказывается о том, что на Алтае была некогда одна книга, которую народ очень любил и бережно охранял. Но однажды обладатели этой книги переезжали через реку. Вода в тот год была высокая. И когда всадники были на другом берегу, они увидели, что книга промокла. Они положили ее посушить, а сами легли и заснули. В это время подошла корова и съела книгу.

В Ойротии не было письменной литературы и народ заменял ее устным творчеством. На алтайском языке никогда и никто не писал стихов, но были народные песни. Кучияк начал учиться на этих песнях так же, как, сочиняя свои легенды, он учился на старинных образцах героического эпоса.

Учеба на первых порах была не критической. В первых его стихах не было ничего своего, индивидуального. Единственным композиционным приемом Кучияк было контрастное сопоставление новой жизни со старой. Он злоупотреблял одними и теми же образами и эпитетами, заимствованными из фольклора. Параллели и повторы, на которых почти целиком строится народная песня, Кучияк полностью перенес в свои стихи.

Все это было в какой-то мере издержками роста, неизбежным этапом учебы. Сейчас этот период пройден, поэт нашел свой голос, свои образы.

Тема Павла Кучияк, которая проходит через все его последние стихи, — это человек и природа. Основное настроение его поэзии, его поэтическое чувство — чувство хозяина Алтая, преобразователя и украшателя его. Наиболее ярко этот лейтмотив его поэзии выражен в стихотворении «Алтай»: ¹

Пролетает песня над тобой,
Нет ни слез, ни жалоб в песне той.
Тот пастух, что был нуждой томим,

¹ С алтайского перевел И. Мухачев.

Нынче стал хозяином твоим.
Для него ты широко раскрыл
Все, что прежде в недрах гор таил:
Золотые по ручьям пески,
По откосам черных руд куски.
Видишь, чувствуешь, что ты любим
Молодым хозяином своим.
И недаром красоту твою
В песнях, сказках славят и поют.
Вот и я, бродя из края в край,
В честь твою пропел, родной Алтай!

Природа Алтая — исключительно красива, девственна и величественна. Горы Алтая древни и богаты, озера многоводны, реки стремительны, водопады шумны, алтайские луга безграничны. В складках гор и увалах — непроходимые заросли ягод. Весной по долинам и ущельям гор ветер разносит тонкими струйками пьянящий аромат черемухи и кремового шиповника.

Природа Алтая давала великолепные краски поэтическому воображению народа, и он чудесно воспел ее в своих легендах. Но в жизни алтайцы не только не были хозяевами природы, они боялись ее, жили в постоянном страхе перед нею.

На перевалах через горные хребты алтайцы клали пирамидой камни или привязывали ленточки к деревьям — подарок горному духу, который, если его не задобрить, может не разрешить спуститься вниз, толкнет коня с обрыва или сбросит сверху камень.

Самую высокую гору Алтая — Белуху — они овеяли грозными легендами, и ни один алтаец не только не смел взойти на нее, но даже приблизиться к ней.

На Алтае вечно живая и кристаллически чистая вода. Но алтайцы боялись умываться ею, считая, что она навсегда уносит счастье. Ягоды оставляли гнить на корню, цветы не собирали.

Алтаец не мог наслаждаться красотой своей горной природы. Она была для него непонятна и грозна.

Самая мощная и красивая река Ойротии — Катунь. Кучияк нашел замечательные краски в обрисовке этой реки:

Если с берега на тебя погляжу —
Тыходишь на белое пламя.
Размываешь ты синий песок,
Лижешь синие камни.
Как стрела, ты быстра. На порогах,
Точно темная лава, кипишь.
Разбиваясь, тяжелые волны
Сеют серебряный блеск.

Но еще совсем недавно красоту реки не замечали:

Перед грозной силой твоей
Веками в страхе дрожал народ.

(«Катунь»)

Пейзаж кажется печальным всегда, когда печален человек. В стихотворении Кучияк «Смерть Янар» девушка-пастушка, доведенная баем до самоубийства, поет в своей предсмертной песне:

Бесхитростно-нежных цветов поля,
Цветов прозрачных, словно стекло,
Всегда молчаливая скала,
Поросший березами горный склон
— Все так же печальны, как я, как я...

И мог ли алтаец наслаждаться природой Алтая, когда

Жалобы и стоны тут и там
Эхо разносило по горам.

(«Алтай».)

Сейчас в Ойротии, как и во всей стране, родилось иное, новое, отношение к природе. Алтаец впервые по-настоящему увидел красоту своей горной природы. («Весна».)

По перевалам и ущельям гор проложен величественный Чуйский тракт, и по нему смело водят машины шофера-алтайцы.

Через быстрые реки человек перебросил мосты, на порогах воздвиг плотины и построил гидростанции. Он разведal недра гор и открыл там веками таившиеся богатства. Человек побывал на грозных вершинах Белухи, создал лагерь альпинистов у подножья Чуйских альп. Он проводит орошение Курайской степи и выращивает новые культуры хлебов и трав в Чуйской пустыне.

На Кучияк, который совсем еще недавно сам трепетал перед горным духом и грозной Катунью, все это произвело сильное впечатление. И он по-иному увидел природу, по-иному почувствовал ее. Новое отношение к природе стало основой его поэзии.

Грозная Катунь, перед неукротимой силой которой «веками в страхе дрожал народ», в восприятии Кучияка присмирела, «с большевиками дружбу ведет»:

Над твоей волнистой спиной
Длинный мост не смолкая гремит.
Ты ж звенишь тяжелой волной:
«Много сил есть у меня,
Все отдам я их человеку».

Чемал, стремительный, пенистый, тысячелетия летел по ущельям, «ревя и ворочая камни». Но вот пришли на его берега советские люди и укротили его:

Рукой большевистской, могучей
Тебя обратали, Чемал!
Ты нашим работником лучшим,
Ты нашим помощником стал.

Сколько поэтов писали о природе! И сколько их, начиная от Тютчева, воспевали природу, как воплощение абсолютной и вечной красоты, в отличие от «временных» ценностей, создаваемых человеком.

Победы социализма развивают у людей иное, новое, ощущение природы. Природа для советского человека не является каким-то грозным божеством и владыкой, а становится ареной для приложения труда, фантазии, творчества.

Находятся, правда, еще и сейчас такие поэты, которым жаль нарушаемой человеком эстетики «нетронутого бытия», стихийной мощи девственной природы. Кучияк не принадлежит к их числу. У него совсем иное ощущение природы. Наиболее ярко это, пожалуй, сказалось в его стихотворении «На сенокосе»:

На тучных лугах налитые травы
Цветами пылают в июльскую синь.

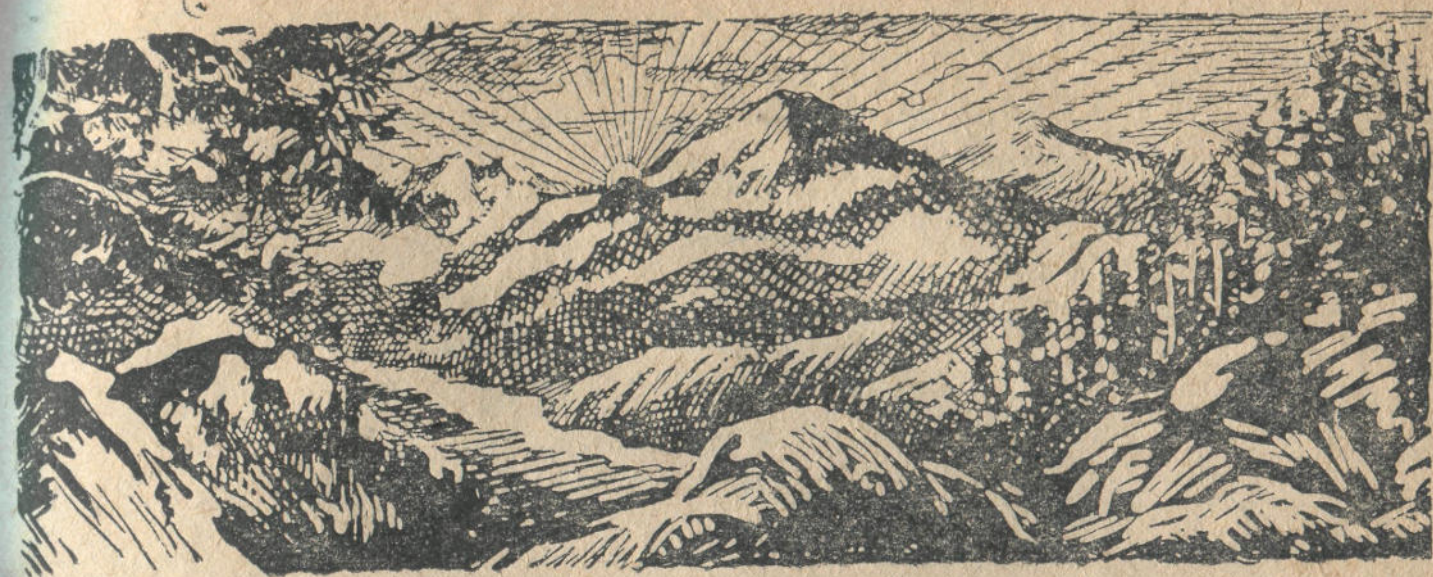
Как много цветов в этих травах могучих,
Кивают, смеются, горят, как огни!

Колхозная бригада косарей срезает и траву, и цветы. Но они не жалуются:

И кажется шепчут: «Чем осенью стынуть
От рос ледяных и погибнуть в снегах,
Не лучше ли сеном душистым и сладким
Лежать нам в колхозных стогах».

В стихах Кучияк есть еще много недостатков. Темы их не совсем конкретны, материал иногда подавляет образ, в некоторых стихах чувствуется растянутость, не всегда удачны и изобразительные средства, которыми он пользуется. Но Кучияк уже сделал большой шаг в сравнении с тем, как он писал три—четыре года тому назад. Он приобрел свой поэтический голос, нашел свою тему. Он открыл первую страницу алтайской поэзии, так же, как он открыл первую страницу алтайской прозы и драматургии.

С. Кожевников.

ЗАЖГЛАСЬ ЗОЛОТАЯ ЗАРЯ

Ойротская легенда¹

На Алтае подоблачном, в горной долине,
Где так зелены травы, где небо так сине,
Где так звездочки ярко сверкают в ночи,
Жил-был бедный охотник Анчи.
Он имел одну лошаденку
Да одну коровенку,
И одет он был в ветошь, в худое рванье, —
Но охотников метких ведь кормит ружье.
Ведь охота — ойротский извечный обычай,
Мясом зверя и птицы, удачной добычей

¹ В прозе легенда была сложена с помощью Павла Кучияк колхозником из поселка Айлу Юдаковым. Позднее Павел Кучияк самостоятельно изложил ее в стихах. Перепечатаваем из книги «Творчество народов СССР», изданной «Правдой».

Он, Анчи, двух детишек кормил и жену.
И не только кормил он семью одну, —
Нет, когда на охоте удача бывала,
Он богатого бая кормил доотвала
И, согнувшись пред ним в три дуги,
Без задержки ему он платил все долги,
В сроки подати также вносил он зайсану
И давал неизменно подарки шаману.

Но однажды холодной зимой
На охоте постигла Анчи неудача:
Шесть лишь белок, шесть белок убитых домой
Он привез, чуть не плача.
У соседей придется сменять их на хлеб!
Но уже чрез порог своей юрты ступая,
Он подумал: «Зачем я не слеп?»
В юрте он увидал кулака Тордин-бая.
«Чем, Анчи, ты порадуешь уши мои? —
Бай сказал, на Анчи взгляд уставивши бычий, —
Говори, не таи,
Ты с большой ли вернулся добычей?»
Голос мягкий у бая, бай ласков, не груб,
Точно масло, стекают слова с его губ,
Как смола от сосны, взгляд прилипчив у бая.
«Ровно месяц я ездил по дебрям Алтая,
А добычи — шесть белок всего!» — «Ай-ай-ай!
Маловато, — сказал Тордин-бай. —
Мне, однако, сидеть у тебя недосужно,
И других должников обойти еще нужно.
Мне в счет долга всех белок давай поскорей», —
Молвил бай у дверей,
Шубу шелковую на себе отряхнув,
Руки цепкие к сумке Анчи протянув.
Вынул белок из кожаной сумки Анчи:
«Вот... все шесть... получи...»

«Почему ты, отец, отдал белок ему?» —
Дети спрашивать стали отца со слезами.
«Почему? — им ответил Анчи. — Потому...
Подрастете, узнаете сами!»

На два месяца в горы уехал Анчи.
Пред судьбой, как ты там ни вертись, ни скачи,
Но ее, если зла она, разве умолишь!
Неудача постигла опять бедняка:
Одного лишь в тайге он убил соболька,
Одного лишь!
Со своею не туго набитой сумой
Весь в печали вернулся охотник домой.

Соскочить не успев возле юрты с лошадки,
Видит бедный Анчи:
К нему едет — на выжимку подати падкий —
Сам Кокшин-Темичи:
«В срок платить дань зайсану — хороший обычай.
Чем, Анчи, ты порадуешь уши мои?
Говори, не таи,
Ты с большой ли вернулся добычей?»
«Одного удалось мне убить соболька», —
Еле-еле сошло у Анчи с языка.
Облизнулся Кокшин-Темичи, ухмыльнулся:
«Хорошо хоть с такой ты добычей вернулся!
Где твой соболь? В счет дани его я возьму».
На Кокшин-Темичи поглядел и с тоскою
Златошерстого соболя, молча, ему
Анчи подал дрожащей рукою.

Проводив злобным взглядом Кокшин-Темичи,
Вошел в юрту, от горести сгорбясь, Анчи.
И сказал он жене: «Умереть можно этак!
Мы умрем, и останутся детки одни!»
Но жена показала на стонущих деток:

«Умирают...они...

Коль умрут, закопай и меня с ними в яму...

Нет, они не умрут!.. Ах, спаси их, спаси!

Поезжай поскорее к священному каму,

Чудотворной молитвы его попроси».

Раздобыв у соседей хмельную араку,

Полетел к чудотворцу стрелою Анчи.

Пососал кам араку, зевнул, как собака,

И, нахмурясь, сердито сказал: «Не кричи!

Что случилось? При смерти дети больные?

Сколько? Двое? Мне счет надо точно блюсти:

Раз молитвы богам вознесу я двойные,

Должен жертву двойную ты им принести».

«Ах, — заплакал Анчи, — Были б детки здоровы!

Забирай для богов все, что есть у меня».

Так остался Анчи без последней коровы,

Так остался Анчи без коня.

И, как ствол оголенный, лишенный ветвей,

Чрез неделю остался Анчи без детей.

Было горе Анчи велико-велико:

«Где корова, дававшая нам молоко?

Где мой конь, выполнявший и дома работу

И возивший меня по горам на охоту?

Где они, наши дети, любовью рожденные,

Для которых, тяжелым трудом изможденные,

На себя мы тройной возложили бы труд?

Люди врут!

Боги врут!..»

На кощунство Анчи нет ответа.

И куда ни посмотрит Анчи, —

Тьма, бездонная тьма, и не видно просвета!

Солнце скрылось, последние смеркли лучи.

И о чем ни подумает бедный Анчи, —

Думы, словно тяжелые, черные тучи,

Тяготят его голову. А богачи
Всё попрежнему злы и могучи.
Лютым волком приходит к Анчи Тордин-бай,
Нарастающим списком долгов его сушит:
«За долги, — говорит он, — жену мне отдай».
А зайсан его страшною податью душит.
И сказал так Анчи (речь была его — стон),
Он жене так сказал, что узнать хочет он,
Почему беднякам тяжело спокон века.
Есть, вправду ль, такой неизменный закон,
Чтоб терзал человек человека?
«Я пойду, обойду
Шестьдесят на Алтае живущих народов
И ответ я найду
Без обмана, без хитрых обходов.
Я узнаю пойду:
Есть ли сила такая на свете на белом,
Чтоб зайсан перед нею стоял онемелым?
Будет время такое на свете иль нет —
До того не умру ль я, успевши состариться, —
Когда бай, не имея гроша на обед,
На прогорклый сухарь будет зариться?
И найдется ли мудрость такая — и в ком, —
Чтобы кам оказался пред ней дураком?
И пока мудреца я не встречу такого,
Чтоб на это на все он ответил толково,
Не увидеться вновь нам в долине родной,
Где мы счастья с тобою усердно искали...» —
Так сказавши, Анчи распрощался с женой,
Очень ласково с ней распрощался, в печали,
И ушел...

Обошел он шесть раз весь Алтай,
Весь Алтай обошел по горам понемногу,
Землю всю обошел он семь раз, почитай, —
Вот какую большую осилил дорогу!

Но нигде не увидел он силы такой,
Чтоб могла сжать зайсана железной рукой.
Но нигде не узнал о поре ю волшебной,
Когда баи попробуют жизни бесхлебной.
Но не встретил такого нигде мудреца,
Пред которым бы кам превратился в глупца...
Он искал пропитанья на свалках отбросов,
Отдыхал он, попав, как бродяга, в тюрьму.
От ходьбы его ноги, язык от вопросов
Ослабели и еле служили ему.
Уж казалось Анчи — он стоит у могилы
И что светлой ему не увидать поры!
Кое-как, напрягая последние силы,
Он взошел на вершину высокой горы.

«Мне, глаза чьи туманы из'ели,
Мне, нуждою замученному с колыбели,
Кто мне счастье, кто светлую жизнь принесет?
Есть ли где богатырь доброты столь безмерной,
Что поддержит меня своей помощью верной
И от гибели черной спасет?» —
Так вскричал он, Анчи, криком — долгим распевом,
Злой печалью вскипел его голос и гневом.
Вдруг — Анчи еле мог устоять на ногах —
Не успело откликнуться эхо в горах,
Как, лишившись как будто на время опоры,
Сотряслася земля, зашаталась горы,
Над Алтаем, сверкая, гремя
И свой путь к той горе устремля,
Где Анчи слово гневное сказано было,
Лучезарное облако всплыло.

На востоке зажглась золотая заря,
Солнце землю окинуло огненным взглядом.
И луна, серебристым узором горя,
Засияла с ним рядом.

И увидел Анчи: богатырь перед ним
Средь бескрайних просторов, народом обильных,
Землю всю сотрясающий словом одним,
Видом — добрый из добрых и сильный из сильных!
Его брови — подобие горных хребтов!
Его очи горят ослепительным пламенем!
Мир, казалось, весь встать немедля готов
Под его алым знаменем.
В его правой руке блещет солнечный луч,
В левой — лунный. Он добр и могуч.
Он сказал — и слова, точно гром прозвучали
Над горами, лесами, извивами рек:
«Ты откуда явился сюда, человек,
Дни и ночи свои проводящий в печали?»

«Я — бедняк, — потрясенный Анчи дал ответ, —
Себя черным трудом, бедняки, мы увечим.
Я трудился всю жизнь от младенческих лет,
А прикрыть свои голые плечи мне нечем, —
Одеяния нет.
А желудок мой пуст, накормиться мне нечем, —
Пропитания нет.
Вся добыча моя, все, что я ни достану,
Сразу баю идет и лихому зайсану.
Коль останется что, приберет все к рукам
Жадный кам.
Все они, словно черные вороны,
Расклевали меня и влачат во все стороны!
Может быть, новый путь ты укажешь векам
Вместо нынешней залитой кровью дороги?
Может, ты не оставишь меня без подмоги
И поможешь таким же, как я, беднякам?»

«Знай, Анчи: от моих громоносных ударов
Ныне пала навеки зайсанская власть.
Обеззублена у богачей — у байларов

Их несытая пасть.

Камов черный обман вскрыт пред всем белым светом.

Беднякам к светлой жизни распахнута дверь,

Все, что добыто ими зимою и летом:

Скот домашний, лесная ли птица и зверь —

В их руках все теперь.

Ваше все то, что было доселе зайсаново.

Бедняки, стройте жизнь свою заново,

Дружной, братской семьей общий подвиг творя!» —

Так сказал богатырь этот с огненным ликом,

И народ, окружающий богатыря,

Подтвердил его речь прозным, радостным криком.

«Назови свою родину, о, богатырь!

Своих прадедов мне назови, богатырь!

Пусть, в тебе воплощенный, их дух будет вечен!

Быть не может, чтоб дикий, бесплодный пустырь

Богатырством таким, как твое, был отмечен!

Я пойду извещу весь родной мой народ

О сметенном тобою зайсановском племени.

Назови свое имя, чтоб каждый ойрот

Повторять его мог в самом дальнем колене,

Чтоб ойроты — а есть и среди них силачи —

Защищали порядок, тобою основанный».

Так, весь радости полный, ответил Анчи,

Богатырскою речью в душе очарованный.

Весь народ, окружающий богатыря,

Обратился к Анчи, говоря:

«Не сошел он к нам с неба, окутанный тучей,

Не из недр он подземных явился на свет, —

Сын родного народа, безмерно могучий,

За народ он боролся — не счесть, сколько лет,

Сокрушил он врагов. Его подвиг нетленен.

Его имя великое — Ленин!»

Тут тесней еще Ленина, дав свой ответ,

Весь народ окружил, словно ласточек стая,
Когда в небе она, щебеча и играя,
Поздравляет природу с весной.

И увидел Анчи: рядом с первой луной
Появилась вторая.

И, усилив торжественный хор
Дух светил, в их сверкающем строе
С солнцем рядом, над высями гор
Появилось солнце второе.

Пролилися живые, двойные лучи
На смертельно усталое тело Анчи,
И почувствовал он: жизнь к нему возвращается,
И он сам, от двух солнц теплоту их беря,
Наливается силою и превращается
В молодого ойротского богатыря.

После слез неумных,
После тысячи темных
И безрадостных лет
Получившие радость,
Увидавшие свет,

— В черном рабстве рожденные,
Ныне освобожденные

От враждебной расправы,

Мы поем тебе песню, —

Песню чести и славы,

Ленин!

Из поколений

Перейдет в поколенья

Мудрость слов твоих,

Ленин!

Вечно будет народ наш

Прославлять тебя в песнях.

Все прекрасные птицы Алтая,

И Алтайские сочные травы,

И могучие наши леса,
И алтайские бурные реки
Будут петь о тебе эту песню,
Полюбив твое имя навеки,
Ленин!

А Р К Ы Т

1

Крутые ущелья Аркыта
Украсили сказку и стих.
И слава о них, знаменитых,
Дошла до вершин голубых.

Взгляну с отдаленья, увижу
Безмолвную гору в горах,
Но если придвинусь поближе,
Неясный почувствую страх.

Твое окружение — горы
Высоки, вросли в небосвод,
С высот низвергая упорно
Потоки стремительных вод.

Потоков, рожденных высоко,
И пуле ружья не догнать,
До скал поднебесных и сокол
Не в силах крылом домахать.

Взбирался на нижние скалы
Козел круторогий, игрив,
Да байское стадо топтало
Соленые земли твои.

В пути доливаясь слезами
Бурливей шумела река.
Ах, звери, вы слышали сами
Те песни, где боль и тоска.

Волчицы взывали лениво,
Бежал без оглядки марал
Подальше от песен тоскливых, —
Их слушать и зверь не желал.

Но баю, чье имя — неволя,
Кто тонкие тропы нашел,
Аркыт отдавал и соболий,
И лисий, и беличий шелк.

Беда прибавлялася к бедам, —
Одною из узеньких троп
За баем, звериным же следом,
К Аркыту пришествовал поп.

Сорокой треща стрекотуньей,
Сияя крестом золотым,
С туманами из-за Катуни
Он смешивал ладана дым.

Один лишь, пушнину для бая
В горах добывающий, чах,
Один лишь бедняк на Алтае
От голода криком кричал.

Кто мог насладиться Аркытом,
Красою долин и высот?
Кто чувствует властным и сытым,
Всегда наслаждается тот.

Умиряли дуга, а ручьи говорили,
 О семнадцатом годе я песни пою, —
 Небывалые зори тогда озарили
 По-весеннему темную землю твою.

Из России сияла Советов победа
 На Сибирь, на весь мир, на далекий Алтай.
 Чтобы ты о победе друзей не проведал,
 Сговорились зайсан и откормленный бай.

Словно черные ветры чумные, угрюмо
 Камы были без умолку ночью и днем.
 Волки жадные вышли из Кара-Курума,
 На Аркыт собралось Колчака воронье.

Чтобы ты о Совете молвы не подслушал,
 Заливали свинцовыми пулями уши,
 Чтобы солнца не видел, остался слепым,
 Протянули завесу густую, как дым.

Тварь ползучая отроду не была злее,
 Как в те дни, о которых не помнить бы рад,
 На тропинках шипели и ползали змеи,
 Вынося на высоты накопленный яд,

Чтобы кости рассыпать детей или взрослых
 И Аркытовым склонам придать белизну
 Иль умножить твою каменистую россыпь,
 Сделать красной от крови реку и весну.

Везде — в горах и над горами
 Иною веяло весной,
 Взивалось Ленинское знамя
 Над поднебесной крутизной.

Куда ползучей твари деться?
Аил топшүрами звучит,
Встречающий красноармейцев,
Бесстрашных, смелых, как лучи.

Какая сила, кто их ринул,
Кто их на подвиг подымал,
Их, отстоявших Украину,
Москву, и Питер, и Урал?

В лицо им холодом дышала
Сибирь, а ветер выл, сердит.
Их грело знамя, рея ало,
Они друзья, тебе, Аркыт.

Их силы не было победней,
Почет живущим! Чтим и тех,
Кто смертью храбрых дом последний
Себе нашел на высоте.

Мы о героях сложим песни,
Мы вспомним юных, в чьих глазах —
Безоблачное поднебесье
В июне месяце в горах.

И дорог нам, кто песнь о хлебе,
Держа ружье, победно пел,
Чей волос был, как пух, как лебедь
От лет и от походов бел.

Ценя друзей, к столу их просим, —
Живые — к нам, здесь каждый зван,
Красноармеец — нашим гостем
И гостем — красный партизан!

На высотах Аркыта победно горит
Знамя алое — Ленина знамя.
Словно солнце второе, с вершины горы
Все залило косыми лучами.

Средь долин, на горах потеплело вдвойне,
Посветлело вдвойне на Алтае.
И так хочется петь о родной стороне,
О житье без постылого бая.

Разливаются густо, как летом кумыс,
Песни новые. Ими прославлен
На Аркыте кто путь указал в коммунизм, —
Это партия, Ленин и Сталин.

Перевод *Никандра Алексеева*.

А Р Б А Ч И

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Жила-была девушка Арбачи.
Была она дочерью бедняков.
Бедняцкая доля — терпи, молчи,
Работай на баев, на кулаков.

Теряли родные здоровье и силы
В надрасной работе и день, и ночь.
Горьким куском в нищете вскормили
Они свою радость — дочь.

Росла она, песни веселые пела.
Глаза — словно ясные звезды в ночи.
Бай кровожадный — Дябы озверелый
Заметил вдруг девушку Арбачи.

Бай Дябы рассудил: «Арбачи нам
Неплохо б в работницы взять»...

И вот

За малого шестилетнего сына
Он девушку сватать идет.

«Ну, что мы теряем, —

Он так рассуждает, —

Будет работать бесплатно она,
А сын возмужает, пусть сам решает,
Какая нужна ему будет жена.

Тогда мы отыщем ему другую»...

Отец Арбачи был у бая в долгу,
И вот со слезами дочку родную
Отдал ненасытному злому врагу.

2

Не видать тебе радостных дней, Арбачи.

Ты попала сюда на муки.

Светлый час не приснится тебе и в ночи.

Здесь нужны твои крепкие руки.

Злому коршуну в когти, как малая птичка,

Ты попала проклятому баю Дябы.

Навсегда распростишься со свободой девичьей,

Не видать тебе радостной светлой судьбы.

— «Тварь несчастная! Пададь! —

кричит тебе грубо

Пьяный свекор, заплывший Дябы.

— Ты в аил наш явилась без шапки и шубы,

Ты должна мне по гроб благодарной быть.

Заседлай мне коня вороного скорее!...»

Как змея, тебя жалит седая свекровь:

« — Что ты во-время чай никогда не согреешь?

Ну-ка, глину меси да толкан приготовь! »

Арбачи! От очажного дыма и сажи
Потускнели твои золотые глаза.
Ты кому про обиды и горе расскажешь?
Синяки свои сможешь кому показать?

Арбачи! Ни отец и ни мать родная
Не помогут тебе, от беды не спасут.
Беднякам ли забитым тягаться с баем!
На его стороне и мощна золотая,
И шаман, и продажный зайсанский суд.

Радость-счастье во сне тебе только приснится.
Ты раба здесь. Работай, терпи и молчи.
Только в песне унылой, как пленная птица,
Ты расскажешь о горе своем, Арбачи:

— Ах, платок мой! От дождя и ветра
Полиняли все твои цветы.
Красота! В неволе беспросветной
От тоски и слез поблекла ты!..

Платье девичье! В дыму аила
Прокоптело ты и порвалось.
Юность-радость! Где твой облик милый?
Счастье! С дымом, что ль, ты унеслось?!

3

Шли года. Некрасивый, рябой, неуклюжий
С каждым днем подрастал муженек Арбачи.
Но напрасно мечтала бедняжка, что с мужем
Станет легче. Защиты и тут не ищи!

Арбачи, вытирая горючие слезы,
Часто думала:

«Вырастет муж, и тогда
Заживу хорошо я»...

Но мирные козы
От волков не рождаются никогда.

А клыкастые волки учили волчонка:
«Ох, не пара тебе она, милый сынок.
К нам пришла она голой, голодной девчонкой
Из аила бедняцкого — вшивый щенок.

За богатый калым молодую, другую
Мы сумеем найти для тебя, молодца.
Арбачи — кость обглоданную, пустую —
Мы спровадим обратно в аил отца.

И отец ее с нами судиться не станет, —
Пусть попробует плеткой скалу разрубить.
Мы найдем, чем задобрить владыку-зайсана
И свидетелей нужных сумеем добыть.»

4

На работе тяжелой растрочены силы,
Юность, радость, веселость сгорели дотла.
Ты собакой побитой к родному аилу
Со слезами из байских владений пришла.

Только дома судьба твоя будет похуже.
Плачет мать:

«Со стыда на мне платье горит!
Разве путная может расстаться с мужем?
Ведь пословица мудрая так говорит:

Пучка там засыхает,
Где выросла.
Девушка там живет до конца,
Куда выдана.

Дерево там сгнивает,
Где выросло.
Девушка там умирает,
Куда выдана.»

«Есть же где-нибудь правда на свете!»
 Так подумала Арбачи.
 И решила пойти к зайсану,
 Чтоб о горе своем рассказать.

Вот стоит она бледная и худая,
 Страх и горькие слезы в глазах,
 Перед ней знаменитый, могучий,
 Каа — злой, ожиревший зайсан.

И дрожа, словно лист под ветром,
 Стала сказывать Арбачи,
 Как жила она тихо, покорно
 И работала на Дябы.

И за это ее, как собаку,
 Свекор злой из аила прогнал.
 Что ей делать теперь горемычной?
 Пусть научит великий зайсан.

Не дослушав рассказ, громогласно
 Закричал толстопузый судья:
 «Что ты, баба? В своем ли уме ты?
 Ты подумай-ка, что говоришь?»

Кто Дябы на Алтае не знает?
 Знает всяк — и глухой, и слепой.
 Это ж доблестный, родовитый
 И почтеннейший человек.

И тебе ль, оборванке безродной,
 С ним тягаться! Ступай-ка вон!
 А не то — прикажу тебя в плети...
 До чего обнаглели, псы!»

С камнем горькой обиды на сердце,
С жаром ненависти в душе
По долинам с сухими глазами
Шла суровая Арбачи.

И от речки, сверкавшей на солнце,
Как отточенный нож стальной,
Обернувшись назад, погрозила
Крепко стиснутым кулаком.

«Кровопийцы! Настанет скоро
Нашей радости светлый день!
Ведь недаром забитая горем
Вашей гибели ждет беднота.»

И, шагая домой сквозь травы,
По нарядным счастливым цветам,
Арбачи вспоминала песни
Пастухов батраков-горемык:

«Подрастет жеребенок буланный,
Будем весело ездить на нем!
Передохнут ярлыки, зайсаны, —
Жизнью радостной мы заживем!

Подрастет кобылица гнедая, —
Будем ездить на ней без кнута.
Передушим шаманов и баев, —
Вот тогда заживет беднота!»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Много лет отцвело, много зим отплыло.
Грянул громом восстанья Семнадцатый год.
Генералам, буржуям, купцам-обиралам
Грозный счет предъявил угнетенный народ.

Птица-весть залетела в долины Алтая:
«Сброшен царь — самый сильный кровавый зайсан.
Вот добьем его слуг кровожадную стаю, —
Будет власть трудовая рабочих, крестьян.»

И впервые в те дни Арбачи услышала
Имя Ленина, ныне знакомое всем.
Его знает повсюду и старый, и малый,
Это имя на всех языках прозвучало
В миллионах легенд, сказок, песен, поэм.

«Ленин — радость рабочим, крестьянам,
Ленин — счастье забитым рабам.
Ленин — знамя, восстанье, борьба.
Ленин — смерть кулакам и зайсанам.
Ленин — смелый защитник бедных.
Ленин — самый большой большевик.
Ленин — мудр, Ленин прост и велик,
Ленин — нас приведет к победе».

Вот как бедный алтайский народ
В песнях Ленина славил в те годы.
Арбачи веселее глядела вперед,
Знала, верила — скоро придет
Власть Советов, сзывая народы.

2

Советы!.. Конец наших рабских мучений,
Бесправья и гнета... Свобода!
Тебя мы добыли в жестоких сраженьях,
Тебя отстояли в походные годы!
Враги, кровожадные звери бандиты!..

Волков одичавшая стая!
Сколько замученных, сколько убитых,
Сколько ограбленных вами!.. Навеки
Вас проклянут эти горы и реки,
И травы, и люди Алтая.

Каракорумцы!.. Зайсанские слуги!..
Байская черная власть! Воронье!
Вы снова хотели скрутить наши руки
И пить нашу кровь... Проклянут навеки
Вас нашей родины горные реки,
Цветы и свободные дети ее!

Красноармейцы! Бойцы-партизаны!
Под знаменем партии большевиков
Разгромлены вами бандиты, зайсаны,
Кровавые бай!..

Поют, не смолкая,
Вам песни хвалебные ветры Алтая,
И птицы, и люди во веки веков!

И ты, Арбачи, помогла победе.
С отцовской винтовкой в рядах партизан
Ты смело шагала по вражьему следу.
За слезы, обиды ты шла расплатиться,
И нашей победой ты можешь гордиться,
И орден почетный не зря тебе дан!...

3

Прошли, отшумели военные годы...
В Улалу едут люди из разных мест.
Там с'езд победителей, с'езд свободных
Беднейших алтайцев с'езд...

Туда, через буйные реки,
Через горы, леса, ключи —

В лучшей шапке, в лучшем чегедеке,
Как на праздник приехала Арбачи.

Там она мудрые речи слушала:

«Товарищи!

Нокорлер!

Джелдастар!..

Черное прошлое нами разрушено,
Белая гадина нами задушена, —
Радуйтесь, — мал и стар!

Пусть несется по всей вселенной —
Шире моря, выше облаков —
Наша слава великому Ленину,
Слава партии большевиков!»

Перевод В. Непомнящих.

А Л Т А И

Много лет я, голубой Алтай,
По тебе бродил из края в край,

Но не пел, не славил до сих пор
Красоту твоих скалистых гор.

Ты и в прошлом, помню, был красив,
Но угрюм, задумчив, молчалив.

И сокровища в груди своей
Ты хранил, как тайну, от людей.

И не мог пастух, нуждой томим,
Путь найти к сокровищам твоим.

Хоть, бывало, сам ты открывал
Для него богатый свой подвал.

Но широкой, жадной пятерней
Из пастушьих рук подарок твой

Вырывали баи на лету...
Уходя хребтами в высоту,

Ты смотрел: на каждый твой откос
Падал горький дождь пастушьих слез.

Созревал для розог под птичий крик
Над рекою гибкий твой тальник.

Жалобы и стоны тут и там
Эхо разносило по горам.

Чей тогда мог любоваться взор
Красотой твоих скалистых гор?

Кто тогда, бродя в кругу талин,
Мог воспеть красу твоих долин?

Ты смотрел угрюм, задумчив, тих,
Слезы капали из глаз твоих.

А теперь всему дивишься сам:
Не слышать ни стопа по горам.

Весь Алтай пройди любой тропой, —
Не найдешь слезинки ни одной.

Принесли в страну камней, тайги
Радость вечную большевики.

По-иному в зелень и цветы,
Каменистый, нарядился ты.

Самого себя не узнаешь,
Весело смеешься и цветешь.

Что ни день — в долинах у костров
Жадно ловишь песню пастухов.

Пролетает песня над тобой,
Нет ни слез, ни жалоб в песне той.

Тот пастух, что был нуждой томим,
Нынче стал хозяином твоим.

Для него ты широко раскрыл
Все, что прежде в недрах гор таил:

Золотые по ручьям пески,
По откосам черных руд куски.

Видишь, чувствуешь, что ты любим
Молодым хозяином своим.

И недаром красоту твою
В песнях, сказках славят и поют.

Вот и я, бродя из края в край,
В честь твою пропел, родной Алтай!

Перевод *И. Мухачева.*

КАТУНЬ

Если с берега на тебя погляжу —
Ты походишь на белое пламя.
Размываешь ты синий песок,
Лижешь серые камни.
Как стрела, ты быстра. На порогах,
Точно темная лава, кипишь.
Разбиваясь, тяжелые волны
Сеют серебряный блеск.
Шум твой — вечные споры с камнями —
По окружности эхо разносит,
Каменистые склоны Алтая
Повторяют слова твои.
Перед грозною силой твоей
Веками в страхе дрожал народ,
Камы тебя умоляли,
Зверей ты глотала порой.
Только нынче ты присмирела,
С большевиками дружбу ведешь.
Над твоею волнистой спиной
Длинный мост не смолкая гремит.
Ты ж звенишь тяжелой волной:
«Много силы есть у меня,
Все отдам я их человеку».

Перевод И. Мухачев а

Ч Е М А Л

Строителям Чемальской гидростанции

Оттуда, где льдами сверкают
За тучами головы скал,
Ревя и ворочая камни,
Летит белопенный Чемал.

Людская нога не ступала
На скалах во веки веков,
И даже следов марала
Не сыщешь у синих снегов.

От этих снегов синелицых
По черным расселинам скал
Быстрее и ветра и птицы
В Катунь пролетает Чемал...

В дни ярких строительных буден
На берег суровой реки
Пришли наши новые люди —
Строители-большевики.

Рукой большевистской могучей
Тебя обратали, Чемал!
Ты нашим работником лучшим,
Ты нашим помощником стал.

И новая громкая песня
Гремит по Алтаю сейчас
О наших победах чудесных,
О лампочках Ильича!

Перевод *В. Непомнящих.*

Ч Е П О Ш

Здравствуй, здравствуй, знакомый Чепош!
Я в гости приехал, встречай, Чепош!

Когда-то мне все здесь знакомым было,
Тогда ты печальным был и унылым,
Птицей израненой и бескрылой
Народы твои были с давних пор.

Бывало тьма не наступит ночная,
Как в церкви колокол запеваёт
И звон колокольный, как яд, проникает
В темную грудь окружающих гор.

В церковь шли, как покорные пленники,
Словно преступники, сгорбившись сонно.
В жалкой одежде, не пав на колени,
Люди стояли перед иконой.
Губы беззвучно шептали моления...

Но вот сегодня вернулся сюда
И не узнал твоего лица —
Вместо унынья и горькой печали
Ты улыбкой меня встречаешь.

Народы твои богаты и сильны,
И жизнь их радостью изобильна.
Мысли и мускулы их закалились
В дружной работе, в едином усилии.

Как расцвела твоя молодежь!
Каждый на алый цветок похож,
Все, как отца одного сыновья.

К знанью, науке, как к солнцу идут
И к коммунизму дорогу ведут,
Вот что сегодня увидел я.

До свиданья, новый Чепош!
Процветай же вечно, Чепош!

Перевод Е. Стюарт.

НА СЕНОКОСЕ

(Отрывок из поэмы „Бригадир“)

На тучных лугах налитые травы
Цветами пылают в июльскую синь.
Как рад бригадир!.. Сколько сена можно
На этих лугах накосить!

И вот бригадир на поляну большую
Выводит бригаду свою.
Ложится рядами трава молодая,
И слышно, как звонкие косы поют.

Без устали радостно косит бригада,
И думает каждый о том, что вот
Зимою добротным и сытным кормом
Будет доволен колхозный скот.

Как много цветов в этих травах могучих!
Кивают, смеются, горят, как огни!
Их косы зубастые быстро срезают,
Но все же не жалуются они.

И кажется шепчут: «Чем осенью стынуть
От рос ледяных и погибнуть в снегах,
Не лучше ли сеном душистым и сладким
Лежать нам в колхозных стогах?»

Перевод В. Непомнящих

ОХОТНИК

1

Еще не зажглась золотая заря,
Когда он проснулся — охотник ловкий.
Умылся. Обулся. Хороший заряд
Дал проглотить шестигранной винтовке.
Косматый и жаркий раздул костер,
Чтоб чайнику медному вдруг закипеть.
А думы охотника — там, у гор,
Где бродит тяжелый медведь.

2

Рассвет еще был за горами, когда
Проснулся золотошерстный хозяин леса.
«Позавтракать время!» решил он и важно
Побрел на солнечный склон горы.
Чтобы пышную шубу росой не мочить,
Он шел солнцепеком по мелкотравью.
Ему все дороги известны. Он знает,
Где самые лучшие муравейники
С яйцами сладкими. Он здесь хозяин,
Кто же посмеет ему помешать
Малинник ломать, разорять муравьев
И рывкать со скуки и для остротки
Лесной мелкоты? Он всесилен здесь.

Но чайник вскипел. Выпив чаю проворно,
 Ружье оглядев и засунув в ножны
 Ножик надежный, тропинкой горной
 Охотник пошел, не спугнув тишины.
 Он на гору вышел, вспотевший, красный,
 И видит: примята трава. Прошел
 «Хозяин» из пади, от ягоды рясной.
 Охотник подумал: «А зверь-то большой!»
 И вот он по следу неслышно крадется,
 Скрываясь за камень, за пень и за куст.
 А сердце его от волнения бьется:
 «Скорей бы!» И вдруг раздается хруст...
 Он замер... Послушал... Привстал осторожно,
 И вот увидал наш счастливый анчи:
 Медведь, раздирая гнилую валежину,
 Жрет муравьев и сердито урчит.
 Огромный, лохматый, грабастает лапами
 По тысяче душ в ярко-красную пасть.
 И страшно охотнику: «Ну-ка сцапает,
 Когда не сумею, как надо, попасть?
 От «деда» такого ножом не отбиться,
 Тут уж держись на плечах, голова!
 Но трусить охотнику — не годится!»
 Он вспомнил пословицы мудрой слова:

«Ведь лошадь когда-нибудь да падет,
 Потому что она не золотая.
 И человек не может жить вечно —
 Все равно когда-нибудь да умрет.
 Кости павшей лошади
 Места не выбирают,
 Почему же я должен думать,
 Что именно здесь умру?»

Охотник подполз еще ближе и тихо
Положил винтовку на лапу пихты.
Не слышит «хозяин», на лакомства падкий.
Охотник нацелился под лопатку.
Раздался тяжелый раскатистый выстрел.
Зверь дико взревел, на дыбы становясь,
Метнулся и грохнул под черную выскорь.
И долго храпел, черной кровью давясь,
И видело солнце с белка голубого:
В долине, покрытой могучей травой,
Со шкурой косматой в колхоз промысловый
Шагал наш счастливый охотник домой.

Перевод В. Непомнящих.

СМЕРТЬ ЯНАР

(Из прошлого)

1

Слил вечер прохладу и тишину,
И ночь подошла, как свинец, тяжела.
И, запах закисший баранов вдохнув,
На жесткой постели Янар улеглась.

Под голову, вместо подушки, себе
Древесной коры подложила она.
Хозяйка сердитая на обед
Чегеном одним напоила Янар.

Устала Янар, но не может спать:
Горькие мысли спать не дают.
Завтра солнце взойдет опять,
И вновь до вечера — тяжкий труд,
На завтрак — тот же горький курут.

Алтайское солнце жечь будет вновь,
И снова суровый град будет бить,
А ливни — опять леденить кровь,
Не слыша слабой ее мольбы...

Но вот она спит, и голод утих,
Нет боли в ногах, и не ноет грудь.
Ей снятся подруги и игры их
И много пышных, влекущих блюд.

Ей снится — играет она сама,
Как птичка, порхает среди подруг,
Умершие снятся отец и мать,
А бай и стадо забылись вдруг.

И хорошо-хорошо Янар!
На ней — замечает вдруг она —
Новое платье — цветком весны...
Как небо Алтая, сны ясны...

Но в этот миг в груди у ней
Змеиный холод прополз и страх.
И на нее — показалось ей —
Обрушилась черная гора.

— Оставьте! — могла только крикнуть Янар,
Не в силах ни встать, ни заговорить.
И слышит: — Не бойся, не бойся меня,
Я зла не хочу тебе причинить.

Так ей зашептал Курдын-бай в ответ,
А сам обнимает уже ее,
Мохнатый, как черный таежный медведь,
Водочным запахом обдает.
И жирные руки пустить не хотят,
Как беркут в Янар вцепились они:
— Не буду лупить за пропавших ягнят,
Не буду... Меня только ты обними...

2

Узор из цветов обежал Алтай,
Речушка Алтая всегда в игре...
Здесь самых веселых лужаек край
И самых быстрых рек...

Окован молчаньем темный лес,
Окован молчаньем берег крутой.
Кто ж Янар поможет здесь,
Жгучие слезы осушит кто?
А берег озера Тюрген-Суу
В зеленое пышное платье одет.
Там эхо, там звонкие ветры снуют,
Там все равнодушно к ее беде...

Укрылася тут сиротинка Янар,
От плетки хозяина злого уйдя.
Печальную песню запела она,
И вторила ей предрассветная даль:

«Бесхитростно-нежных цветов поля,
Цветов прозрачных, словно стекло,
Всегда молчаливая скала,
Поросший березами горный склон —
Все так же печальны, как я, как я...
Из сердца больного не вычерпать яд,
Из сердца больного не вычерпать яд,
Как звезд на небе не сосчитать!»

И пела еще пастушка Янар,
Пела, глядя на солнца восход:
«Когда же, когда ж, наконец, для нас
Солнце счастья взойдет?»

Поля, где пасутся наши стада,
Оно обольет, золотой зарей, —
Пускай мой голос живет тогда
В стране нашей молодой!
Пусть звуки песни моей живут,
Пусть эхом им вторит родимый край...»

— Э, да плутовка-то наша тут! —
Хрипло выкрикнул Курдын-бай.
Песнь оборвалась. Янар окружить
Пытаются семеро рослых слуг.
Пригнулись, как звери, готовясь схватить
Добычу десятком сильных рук.

— Нет, ни за что я не дамся им!
Лови меня, озеро Тюрген-Суу!
И воды, мгновенный прыжок отразил.
Пред ней распахнули пучину свою.

А в узеньких щелках байских глаз
Шапка мерлушечная сорвалась...

Перевел *Н. Голиштейн.*

О Н А

Она неподвижно у речки шумной
Одна сидела не первый день...
Кто знает, какие на сердце думы
У ней проплывали, как облака тень.

Она две косы распустила черных,
Под гребнем пряди свивались в кольцо.
Я задал вопрос ей, она упорно
Молчала, пряча свое лицо.

Я подошел и, улыбки не встретив,
Песню запел — в ней звучала страсть...
Она повернулась, и я заметил,
Что к песне без гнева она отнеслась.

Я снова приблизился к недотроге
И вот неприступности гордой полна:
— «Путник, идите своей дорогой!..» —
Вежливо мне сказала она...

Перевод *Е. Стюарт*

Ч Е Й Н Е Ш

Пьеса в 5 картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

С о д о н — бедняк, 50 лет.
Б а л а н к а — его жена, 45 лет.
Ч е й н е ш — дочь, 17 лет.
К о з у й т — бай, 55 лет.
Ч о о ч о й — его жена, 50 лет.
Я ж н а й — сын Козуйта, 23 лет.
Б а з ы м — первая жена Яжная, 30 лет.
Б о т п о й — батрачка Козуйта, 20 лет.
Я л а к а й — батрачка Козуйта, 15 лет.
К а р а — батрак Козуйта, 18 лет.
К у с к е н е к — бывший зайсан, теперь стар-
шина, 55 лет.
Б а р о г о ш — кам-шаман, 60 лет.
П е с к о в — русский купец, 45 лет.
К у р е е в А н д р е й П а в л о в и ч — рабо-
чий, плотник, 25 лет.
М у ж ч и н ы, ж е н щ и н ы, с к а з и т е л ь, к р а с н о а р-
м е й ц ы.

Время действия — 1919 год, картина пятая — 1922 год.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Лесная ложбина, вдали видны тни, валежник.

(Ялакай собирает дрова и тихо поет).

Вниз по Катуні уж гуси летят,
Крыльями машут печально.
Горы Алтая! Гляжу я на вас —
Слезы глаза наполняют.

(Ялакай связала собранные дрова арканом, села на полусгнившее дерево и приложила руку к правому уху).

Я л а к а й. Ой, как больно! Проклятая волчиха Чоочой!... Кто увидит мои слезы? Кому расскажу я о своих обидах?.. Мои родители уже гниют, как вот это дерево. Они не знают, как живется их дочери на этом свете... Ничего они не знают!..

Г о л о с. Ялакай!.. Где ты?

Я л а к а й (вздрагнула, пугливо вскочила). Ой, идут за мной!.. Куда я побегу? Куда? (растерянно озирается по сторонам).

(Из леса вышла Ботпой.)

Я л а к а й (увидела Ботпой). Ботпой!..

Б о т п о й. Наконец-то я нашла тебя, милая Ялакай. Почему ты не отвечала на мой голос?

Я л а к а й. Я думала, что это Чоочой послала кого-нибудь за мной.

Б о т п о й (подошла к Ялакай). Успокойся!.. Чоочой, расправившись с тобой, села пить араку. Сейчас под ней уже земля шатается (смеется).

(Послышался хруст сухих веток. Ботпой и Ялакай вздрогнули, схватились за руки.)

Б о т п о й (неуверенно). Не бойся... это...это... Чейнеш (Робко кричит): Чейнеш! Чейнеш!

Г о л о с. Иду!

Б о т п о й. Вот видишь — это Чейнеш.

(Из леса вышла Чейнеш, в руках у нее зеленая трава — ойнот.)

Чейнеш. Дрова собираете?

Ботпой. Разве не знаешь нашей работы? Мы — дрова собирали, ты — бедняцкую кошму. И нам пора за-
пасться этой доброй травой, чтобы зимой на ногах бы-
ли теплые чулки.

Чейнеш. Ты что, Ялакай, все смотришь по сторо-
нам?.. Ой, откуда у тебя кровь на руке?

Ялакай. Бесхвостую волчиху Чоочой спроси.

Чейнеш. Опять била?

Ботпой. Народная пословица говорит: шею зверя
режут пули, шею человека — бедность. У кого болтли-
вый язык — тот оскорбляет нас, у кого руки блудли-
вые — тот бьет нас.

Ялакай. Нет у меня ни матери, ни отца, ни брата,
некому защитить меня...

Чейнеш. Наши отцы и матери — не защита для
своих детей. Баи да зайсаны не боятся наших отцов.

(Далеко в лесу кукует кукушка.)

Ботпой. Слушайте, девушки... Слушайте...

(Девушки молча слушают кукушку.)

Ялакай (задумчиво). Ку-ку!.. Ку-ку!.. О чем она
кукует?

Ботпой. По рассказам наших дедов, кукушка бы-
ла когда-то человеком. Брат ее уехал искать пищу, ска-
зал: «Через месяц вернусь!». Прошло четыре месяца.
Брат не возвращался. Сестра с каждым днем тосковала
сильней и сильней. Однажды она громко вскрикнула:
«Брат умер, для меня тоже нет жизни!» и улетела через
дымоход.

Чейнеш. Ой, как интересно!

Ялакай. Не перебивай, Чейнеш... Говори, Ботпой,
что было дальше?

Ботпой. Сноха схватила ее за правую ногу, хоте-

ла удержать, но в руке у нее остался только обуток. Вот от чего у кукушек одна нога серая, а другая желтая.

Я л а к а й . Ты видела ее ноги?

Б о т п о й . Нет. Когда кукушка сидит на дереве, ее ножек не увидишь. Говорят, она стыдится, что у нее разноцветные ножки, и прячет их.

Я л а к а й . А брата она нашла?

Б о т п о й . Она прилетела на землю Юст-тыт¹ и нашла около самой молодой лиственницы труп своего брата. Она вскрикнула: «Яш-тыт, как-сёёк! Яш-тыт, как-сёёк!» Молодая лиственница, сухой скелет! Молодая лиственница, сухой скелет!.. С тех пор она так и кукует...

Ч е й н е ш . Хорошо бы превратиться в птицу, взлететь высоко, улететь далеко-далеко!.. Туда, где всегда лето, всегда светит яркое солнце...

Я л а к а й . Не говори, Чейнеш, так... нет у нас крыльев — и не вырастут.

Б о т п о й . А вдруг вырастут?!

Ч е й н е ш . Когда поешь, кажется, словно летишь куда-то... Споемте, девушки?..

(В лесу играет шоор-дудка.)

Б о т п о й . Тсс!.. Слышите — кто-то играет.

(Девушки прислушались.)

Я л а к а й . Ой, как хорошо!

Б о т п о й . Да, очень хорошо! Ответим песней... Подхватывайте!..

(Ботпой запекает, остальные подхватывают песню.)

Яркая звездочка, спутница месяца,
Где ты от глаз наших спряталась?
Где на шооре чудесно играющий?
Нам почему не покажется?

¹ Столиственная земля.

(Из лесу вышел Кара с торбочкой через плечо, в правой руке у него деревянный костыль, в левой шоор.)

Ботпой. Кара!.. Иди сюда, Кара, поиграй нам!

Ялакай. Не кричи, Ботпой... Вдруг услышит кто-нибудь?

Чейнеш (смущенно). Не зовите его сюда, девушки..

Кара (подходя, весело). Здравствуйте, девушки-красавицы! Как услышал вашу песню, так прямо с горы, словно на крыльях, прилетел сюда! Поверьте...

Ботпой. Наша песня невеселая, чем же она поправила тебе?

Кара. Слов я не разобрал, а поете вы так, что сердце огнем обжигает... Голоса ваши льются звонко, плавно...

Чейнеш. Ты оставил овец в горах без присмотра?

Кара. Почему ты, Чейнеш, сердись на меня?.. С лесом, с камнями, с баранами я разговариваю целыми днями, а вот с людьми — очень редко...

Ялакай. Кара, поиграй немного!

Кара. Ради тебя, Ялакай, охотно и сыграю, и спою. Я сам эту песню сочинил. Слушайте.

(Кара играет на шооре и поет.)

Темносерый конь мой, грива золотая,

Шелковая грива — мягче не найдешь.

Я смотрю в глаза любимой золотые —

Ярче в небе звезд горящих не найдешь.

Серый конь мой, шелковая грива,

Словно золото на солнышке горит.

Сказанное милой — слово золотое.

И всегда на сердце, как огонь, горит.

Ботпой. Вот это песня! Хорошая песня, Кара!

Чейнеш (взволнованно). Ты когда, Кара, эту песню сочинил?..

Кара. Сегодня ночью...

(В лесу слышен хриплый голос: «Хватит!.. Дрова скорее несите! Ишь, распелись!»)

Ботпой. Баба, имеющая земляные уши, услышала нашу песню...

Ялак ай. Это — Чоочой. Ой, попадет нам сегодня от нее. Она, когда выпьет и немного поспит, всегда бьет нас...

Ботпой (Чейнеш). Ты, Чейнеш, скоро станешь женой ее сына, — тоже будешь на нас ездить?

Чейнеш. Не дразни, Ботпой... Я не буду женой байского сына...

Ялак ай (легла на землю, перетянула аркан через плечо). Милый друг, Кара, помоги встать.

Кара. Не только готов помочь встать, но и снести тебя вместе с дровами домой (поднял Ялак ай, к Ботпой). Тебе тоже помочь?

Ботпой. Сама поднимусь (попыталась подняться, но не смогла). Эх, нет, Кара, дай руку.

(Ботпой и Ялак ай ушли.)

Кара (Чейнеш). Тебе не понравилось, что я сюда пришел?

Чейнеш. Нет... Увидев тебя, я просто не знала, что сказать... У меня так тяжело на сердце... Милый друг, Кара, спаси меня! Скоро меня отдадут в руки диких волков...

Кара. Дорогая Чейнеш... (берет ее за руку и усаживает рядом с собой на упавшее дерево). Бежим туда, где нет людей, где гуляют только маралы да дикие козули! Видишь эти руки... Они сильные, крепкие, они будут рыть землю, они будут работать, защищать тебя...

Чейнеш. Когда ты говоришь такие слова, то словно смеешься надо мной... Куда мы убежим? Куда мы скроемся от Козуйтов, у которых есть быстроногие кони? Они догонят нас, они найдут нас... И тебя убьют, а меня заставят спать с их сыном, с ненавистным Яжнаем.

Кара. Нет, Чейнеш, не найдут. Мой друг, козуйтов-

ский батрак, Андрей Куреев, говорил мне, что скоро власти белых, власти их царя — Колчака придет конец... Для нас наступит совсем другая жизнь... Бежим, Чейнеш! Бежим!

Чейнеш (обрадованно). Ты правду говоришь?! Кара!! (Обняла его и внезапно отстранила). Нет, ты только успокаиваешь меня. Нет для меня счастья на земле, нет...

Кара. Милая Чейнеш, верь мне...

(Из лесу вышел Яжнай, в руках у него плетка.)

Кара. Скоро загремит гром. Молния ударит в аил Козуйтов...

Чейнеш. Ой, какие ты говоришь слова! Они — как огонь...

Кара. Я задушу Яжная вот этими руками...

Яжнай (подошел тихо сзади и взял Кара за плечи). Овец где оставил, богатырь? (Ударил Кара плеткой.)

(Чейнеш вскрикнула и убежала в лес.)

Кара (хмуро). Не троньте меня.

Яжнай. Не троньте... У слепого щенка тоже есть голос. (Бьет Кара плеткой.)

Кара. Я говорю: не троньте меня!

Яжнай. О чем говорил с Чейнешкой?

Кара. О том, о чем с вами она никогда не будет говорить.

Яжнай. Я заставлю тебя говорить! (Замахивается плеткой.)

Кара (поднял руку). Хватит... А не то...

Яжнай. Хватит! Угрожать! Мне?.. Ты забыл, кто я? Я тебе напомню это сейчас, собака.

Кара (спокойно). До свиданья, Яжнай...

Яжнай (схватил Кара за руку). Язык твой оторву!

Кара (освободил руку). Довольно! Не укусишь больше меня, голодный волк!

Яжнай. Собака!

(Яжнай бросился на Кара, Кара ударил Яжная в грудь, тот упал, как сноп, завыл. Кара огляделся и сначала тихо окликнул Чейнеш, бросился в одну сторону, потом в другую.)

К а р а (громко). Чейнеш!.. Чейнеш! Бежим со мною! Бежим!.. Чейнеш! Чейнеш!.. Чейнеш!..

З а н а в е с

КАРТИНА ВТОРАЯ

Аил Содона. Очаг с железным таганом, желтый от дыма занавес, кожаное ведро, на полке две-три кожаных сумины, низкая кровать.

(Чейнеш мнет овчину, входит Баланка.)

Б а л а н к а . Что-то у меня губы дергаются, — неужели придется сегодня араку пить?

Ч е й н е ш . Зачем вы, мама, хитрите? Я без примет знаю, что вы будете сегодня пить араку (помолчала). А я буду плакать... И вы это тоже знаете.

Б а л а н к а . Сколько овчин намяла?

Ч е й н е ш . Ах, мама, мама! Вы не хотите пожалеть меня!

Б а л а н к а . Ты, глупая, не хочешь счастья ни себе, ни нам...

Ч е й н е ш . Разве счастье в богатстве?.. Вы помните, мама, сказку о девушке по имени Солона и о пастухе Тенеке?

Б а л а н к а . Я не маленькая, мне сказки не нужны.

Ч е й н е ш . Послушайте, мама... Это правдивая сказка... Солона была дочь небогатого скотовода. Она полюбила бедного пастуха Тенеку, но родители отдали ее замуж за байского сына. Много слез пролила Солона. Много раз приходила к родителям, умоляла их разрешить ей вернуться домой. Но родители не хотели и слышать об этом.

Б а л а н к а . Они знали, где их дочери лучше...

Ч е й н е ш . Нет, мама, они были как слепые кроты...

Они ничего не видели... Вскоре байский сын убил непокорную Солону!

Баланка. Ой!

Чейнеш. Тогда душа Солоны пошла искать своего любимого — Тенеку. И она нашла его, но... он уже женился. Бай, у которого Тенека пас овец, женил его на нелюбимой девушке. Однажды жена Тенека увидела на женской половине аила неожиданно выросшую маленькую кудрявую березку. Она сказала мужу: дай мне ножик, тут выросла береза, я ее срежу. Тенека подошел к березке и прикоснулся к ней рукой. «Не трогай меня», — вдруг услышал он знакомый голос, и перед ним встала, как живая, любимая Солона.

Баланка. Ой!.. Дальше! Что же дальше?

Чейнеш. Солона сказала Тенеку, что ее убил муж, байский сын, но что ее душа попрежнему полна любви к Тенеку. «Если ты хочешь жить со мной, — сказала она, — иди на юг, туда, где семь рек сливаются на долине семи гор. Там мы встретимся!» С этими словами Солона исчезла. И Тенека оставил нелюбимую жену, ушел на юг... Вот и вы, мама, хотите, чтобы моя душа скиталась по белому свету, как душа Солоны.

Баланка (вздыхнув). Что поделаешь, раз девушкой родилась!

Чейнеш. Девушка — не человек? Почему же ты, когда я родилась, не выбросила меня на снег?

Баланка. Ты не щенок.

Чейнеш. Хуже щенка! Хорошего щенка хозяин ни за какие богатства никому не отдаст.

Баланка. Глупая ты!.. Разве часто баи сватают дочь бедняка? Ты должна радоваться. Другие бедные девушки будут тебе завидовать...

Чейнеш. Мама, мама!.. Нет... не ты меня родила!

(Вошел Содон. Молчание.)

Содон. Что случилось?

Баланка. Замучила она меня. Вы, говорит, меня силой замуж отдаете...

Содон (сел, смотрит в землю). Она правду говорит. Но другого выхода нет. Козуйты давали нам всегда лошадь. Они давали ячмень, давали одежду, давали обувь, хотя это были обноски... Волос на голове нехватит за все заплатить!

Чейнеш. Я буду работать и день и ночь, без сна...

Содон (качает головой). Нет... поздно, поздно...

(Вошел взволнованный Куреев.)

Куреев. Разве можно пить кровь живого человека?

Содон (встал). Кто пьет?

Куреев. Приехал старшина Кускенек и кам Баро-гош. Они поймали в лесу Кару, избili его до полусмерти.

Чейнеш (бросила овчину). Кару!.. Убивают!.. (убежала.)

Содон. За что же?

Куреев. Говорят, что Кара вчера в лесу избил Яжная и не показывался почти целые сутки.

Содон. Воля неба посылать дождь и снег, воля зайсана судить и карать бедных людей...

Куреев. Кто дал ему эту волю?

Баланка. Не борись с богатырем — ногу сломаешь, не дразни бая — желудок пустой будет.

Содон (Курееву). Вы, друг Андрей, недавно здесь живете, и вам многое кажется странным... Таких зверей — Козуйтов — у нас много. Убийство батрака для бая менее преступно, чем убийство собаки.

Куреев. Кулаки везде одинаковы. У всех у них большие и злые клыки. Я семь лет батрачил и испытал силу этих клыков на собственной шкуре. Но... скоро эти клыки будут обломаны...

Содон. Этого не будет (махнул рукой и сел).

Куреев (помолчав, сел рядом с Содоном). Дорогой друг Содон, зачем ты отдаешь свою дочь Козуйтам?

Содон. Задолжался — выше головы. Кара-Коруму

еще подать не плачена. Руки у меня очень короткие, друг...

Куреев. Неправда. Наши руки — самые сильные...

Содон (посмотрел на Куреева с испугом). Мои руки не задушили даже щенка...

Куреев. Я не об этом говорю.

Содон. Козуйты все по-доброму делают. Сватов присылали, араку привозили, сами вместе с нами пили. Вот эта шубенка на моих плечах — тоже от них...

Куреев. Чейнеш не любит Яжная... Она любит...

Содон (встал). Знаю... Знаю все...

(Слышны пьяные голоса. Баланка бросилась к дверям, открыла.)

Баланка (Содону). Скорей стели кошму на мужской стороне! (Прибирает чашки, ложки, прячет овчины.)

Содон. Козуйты?

Баланка. Да (Курееву). Ты бы ушел...

Куреев. Я не боюсь их (сжал кулаки и отошел в сторону).

Содон. Дорогой друг, сиди спокойно, подадут араку — пей. Я очень прошу тебя... ради Чейнеш!

(В аил вошли Барогош, Козуйт, Песков, Кускенек, Чоочой, Базым, у всех ташауры с аракой.)

Барогош (остановился перед очагом). Кайракоон! Мать-огонь, носящая самую яркую одежду! На мягкой золе ты лежишь, каменный таган обжигашь! Входящему каму дорогу освещай и обратный путь за ним! Злых духов испепеляй! Кайракоон!

(Все поклонились огню, бросили в него можжевельник. Сели и обменялись приветствиями, потом трубками.)

Козуйт (подал ташаур Содону). Многослойна бере-ста, шелковая ткань часта, — так и мои дорогие родные. Хорошо снятую шкуру приятно взять в руки. Мы приехали просить нашу дорогую невесту (поклонился). Народом управляющий наш зайсан, солнца и луны язык понимающий кам, обувающий и одевающий нас дорогой наш купец Иван Пантелеевич — все мы к вам с почтением пришли.

(Содон трясущимися руками принял от Козуйта ташаур.)

К у с к е н е к (Содону). Скажите — цыц! — уйдем покорно, как собаки. Скажите — войдите — будем служить, как рабы. Я управляю народом, но я подчиняюсь вам.

С о д о н. Вы возвысили меня, я должен вам поклониться (кланяется).

Ч о о ч о й. Открывая рот, оскорбить вас не хотим, поднимая руку, бить вас не собираемся. Мы пришли, чтоб породниться на много-много поколений.

Б а л а н к а. Ваши слова дороже золота.

(Началось аракование.)

П е с к о в (взглянул назад, на Куреева). Все время слышу чужой запах. Оказывается, это Андрей здесь...

К у р е е в. Вы правы. Хотя мне и пришлось жить в вашем доме батраком, но родней своей я вас не считаю.

П е с к о в (покраснел, грозно). Зачем ты пришел сюда? Тебя никто здесь не считает за родню.

К у р е е в. Как сказать, господин купец...

С о д о н (Курееву). Не сердись, Андрей, выпей араки.

К у р е е в. С тобой, Содон, мы еще выпьем, а вот с этими господами я никогда не пил и пить не буду!

Б а р о г о ш. О, злой человек! Пустить бы ночью через твою кровать медведя, — сразу бы поумнел!

К о з у й т. Худая собака всегда лает.

К у р е е в (насмешливо). Для волка лающая собака — всегда худая.

П е с к о в (встал, показал Курееву кулак). Ты, кажется, знаешь, сколько это весит? Уходи, пока цел, отсюда.

К у р е е в (тоже показывает кулак). Вес этого кулака вы, господин купец, узнаете скорее, чем думаете...

(Все вскочили.)

К у р е е в (спокойно, направляясь к дверям). До счастливого свиданья, Содон! До свиданья, матушка Баланка. Берегите свою дочь от этих хищников! (Ушел.)

К у с к е н е к. Я подчинен царю-Колчаку и Кара-Ко-

руму. Я прикажу поймать этого человека и погладить ему спину!..

Песков. Таким бродягам поблажки никогда не надо давать.

Чоочой. Забудем сейчас о нем. Поговоримте о деле (Баланке). Славная Чейнеш будет в одном аиле с Базымой жить. Базыма десять лет живет с моим сыном. Никто не скажет, что она жила плохо.

Козуйт. В нашем роде худой человек не родился.

Кускенец (Содону). Вы стали сватом Козуйта, — и я освобождаю вас от податей на один год.

Барогош. Мои боги велят мне любить Чейнеш, как дочь... Я не буду взыскивать с вас за камлание.

Содон. Благодарю вас, милостивые люди.

Козуйт. (Кускенеку и Барогошу). Долги доброго свата — мои долги.

Барогош (потирает руки). Мои боги так и говорили мне: Содон все равно не заплатит, а Козуйт заплатит...

Баланка. Дорогие сваты и сватья, вы, не брезгуя, вошли в наш бедный аил, бесприданную нашу дочь сватали. Дорогая Базым, не обижай мою Чейнеш.

Базым. Я буду ей матерью... Если она будет послушной дочерью, — ее жизни все девушки позавидуют.

Козуйт (Содону). Уважаемый сват! Если нужны тебе кони — они ходят на моем пастбище. Если нужны тебе деньги — они лежат в ящике в моем доме. Мое пастбище и мой дом — отныне также и твои. Говори, что тебе нужно?

Содон. Вы много мне уже дали. Берите Чейнеш, как свое родное дитя, берегите прошу ее!

Чоочой. Я трех дочерей замуж отдала. Двух сыновей женила. Всем я — самая добрая мать. Чейнеш буду беречь, как свои глаза (встала, Баланке). Выйдем, сватья, поговорим, как мать с матерью.

(Чоочой и Баланка ушли.)

Кускене́к (Содону). Слава Козуйта хорошо известна царю-Колчаку и Кара-Коруму. Дорожите, что этот человек держался за скобу вашей двери, дорожите, что он переступил порог вашего аила, сидел рядом с вами и пил вместе араку. Он любит вас.

Содон. Ваши слова дороже жемчуга.

Барогош. Всевышний Ульген-бог видит, как я люблю вашу Чейнешку!..

Содон. Болезнь детей нас разорила. Шесть ребят умерли. Последний скот в жертву богу отдал. Божественный отец знает об этом.

Барогош. Свидетельствую, что это так... (пьяно) и говорю: люблю, люблю Чейнешку!..

(На улице плач, громкие голоса. Все прислушались. В аил вошла Чейнеш, за ней Баланка и Чоочой.)

Чейнеш (Содону). Отец родной, меня хотят увезти!

Содон ((сквозь слезы). Дитя мое!..

Чейнеш. Если рука твоя не дрогнет, проколи мое сердце острым ножом. Я не буду женой Яжная...

Кускене́к. Все девушки, когда их отдают замуж, так говорят.

Баланка (Содону). Скажи ей, чтоб она зря не думала.

Козуйт (встал). Мы, мужчины, выйдем... Невеста хочет поговорить с родителями. Пусть поговорит...

Кускене́к. Совершенно верно. Уйдемте...

Барогош. Ловко придумано!

(Все кроме Чейнеш, Баланки, Чоочой, Базым и Содона направились к выходу.)

Барогош. Пойдите, ташаур надо на дорогу взять!..

Козуйт. Аил наш не за горами, божественный отец...

Барогош. Не за горами, а все-таки... (Взял ташаур и ушел вслед за другими.)

Чоочой (Чейнеш). Пойдем домой, любимая дочь моя! Огонь яркий и постель мягкая ждут тебя там.

Базым. Слушайся нас. Мы хотим тебе добра.

Чейнеш. Отец! Мама!

Содон. Сам зайсан здесь был... Божественный отец — кам Барогош тоже здесь был... Ты сама видела...

Чоочой. Два года мы ждали тебя. Два года мы помогали во всем твоему отцу.

Чейнеш (в отчаяньи). Нет! Не пойду! Ни за что!.. Где мой любимый Кара? (кричит) Кара! Кара! Бежим отсюда! Бежим!

Базым (пытаясь закрыть Чейнеш рот рукой). Что ты говоришь?! Замолчи, непокорная!

Чейнеш (с силой оттолкнула Базым). Не тронь меня, старуха!

Базым. Что-о?! Я — старуха?! (Подбежала к дверям, распахнула их.) Берите эту гадину!

(В комнату быстро вошли двое молодых мужчин. Они схватили Чейнеш и после короткой борьбы вынесли ее из аила на руках.)

Чейнеш (в дверях). Отец! Мать!.. Спасите!.. Кара!.. Помогите!..

(Чоочой и Базым ушли вслед за мужчинами. Содон и Баланка одни. Тягостное молчание.)

Содон. Ничего я не могу... Милая моя Чейнеш, ничего я не могу...

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Большая поляна, слева аил Яжная. В аиле на женской половине старый шелковый занавес, закрывающий кровать, на мужской новая кровать. Три-четыре человека чистят поляну. В аиле Ботпой и Ялакай.)

Ялакай. Сегодня у нас очень счастливый день!

Ботпой. Почему же счастливый?

Ялакай. Нам поручено убрать аил Яжная и Чейнеш. Я для Чейнеш готова сделать что угодно!

Ботпой. Для Чейнеш и я готова на все, но в аиле Яжная она не будет счастливой...

Я л а к а й. Это верно, она его не любит, но зато она будет богато жить.

Б о т п о й. Эх, Ялакайка!.. Уж очень ты покорная.
(За сценой голоса.)

Я л а к а й. Кто-то идет... Наверное, ведут Чейнеш — заплетать косу.

(Входит Барогош с чашкой молока в одной руке и с можжевельником в другой. За ним два молодых парня несут шелковый занавес. Дальше две женщины ведут под руку Чейнеш.)

Б а р о г о ш. Кайракоон! (Кропит с можжевельника молоком, потом кланяется перед очагом). Мать-огонь, носящая самую яркую одежду! Благослови молодых людей, соединивших свою судьбу! Заставь скорее кипеть котел! Согрей мягкую постель! Не оставь молодых без потомства! К а и л у близко злых духов не подпускай! Кайракоон! (Чейнеш.) Выпей это молоко. (подносит к лицу Чейнеш чашку). Когда выпьешь это молоко, в десять раз красивее станешь.

Ч е й н е ш. Спасибо. Я не хочу.

Б а р о г о ш. Не пить грех великий. Все пьют. Твоя мать пила... Волю божью обходить нельзя.

Ч е й н е ш (берет чашку). Уходите, я выпью одна...

Б а р о г о ш. Бог наградит тебя за это счастьем (оглянулся). Где твои золотые губы, дитя мое (хочет поцеловать Чейнеш).

Ч е й н е ш (оттолкнула Барогоша). Не трогайте меня! (Выронила из рук чашку.)

Б а р о г о ш (гневно). Ты небесного бога оскорбила! Ты земного шамана оттолкнула!.. Мои приказания — божественные.

Ч е й н е ш (строго). Уходите!

Б а р о г о ш (вскипев). А! Ты... ты.. бог покарает тебя, гордую! (Ушел.)

Ч е й н е ш. Как лисица — хитер, как волк — жаден и хищен.

1-я женщина. Приказания кама нельзя не выполнять.

Чейнеш. Зачем ему мои губы?

2-я женщина. Он — наш духовный отец.

Чейнеш (посмотрела на женщин, на Ботпой и Ялакai, сказала горько). Делайте то, что нужно...

1-я женщина. Садись, милая... Заплетем тебе косы, — как в сказке красивая станешь, сама себя не узнаешь.

(Чейнеш села, женщины занялись ее косами. Парни, повесив занавес, ушли. На поляне появился Козуйт.)

Козуйт (громко). Быстрее, быстрее убирайте... Здесь постелите ковры и кошму, здесь будут сидеть наши дорогие гости. (Кричит.) Эй, где руководители тоя?

(На поляну вышли три человека, остановились.)

Козуйт. Борцы готовы?

1-й мужчина. Да, господин наш.

Козуйт. Песенницы?

2-й мужчина. Здесь, господин наш.

Козуйт. Быть всем на месте. Ступайте.

(Трое мужчин ушли. Вошел Барогош.)

Барогош. Такого случая я не знаю! Чейнеш священное молоко пролила!

Козуйт. Как пролила?

Барогош. Я приказал ей приблизить ко мне свои золотые губы, она оттолкнула меня и уронила чашку...

Козуйт. Зачем же тебе ее губы?! Где ты видел такой обычай?

Барогош (нагло). Приказания кама — божественные...

Козуйт (зло). Что ж тут божественного? Идем со мной!

(Козуйт и Барогош ушли.)

1-я женщина (Чейнеш). У жены богатыря Юскезек

были волосы, как золотые лучи солнца. Ты, Чейнеш, так же красива, как жена этого богатыря.

Чейнеш (с болью). Не говорите мне так, у меня и без того сердце полно яду.

2-я женщина. Успокойся, дорогая Чейнеш. Меня тоже насильно выдали замуж. Двадцать лет уже прожила я с нелюбимым мужем и теперь кажется, что так и должно было быть...

Ботпой. Милая Чейнеш, разреши мне с Ялакайкой спеть тебе песенку.

Чейнеш. Если хотите...

Ботпой. От чистого сердца...

Чейнеш. Вас я послушаю с удовольствием.

(Женщины расчесали Чейнеш волосы, на плечи надели чегедек.
Ботпой и Ялакай поют.)

Летом чудесным аил твой
Убран пусть будет шелком зеленым.
Солнечным будь ты цветком,
Пышно цветущим для всех нас.
Осенью убран аил твой
Будет пусть шелком, как лист, золотистым.
Солнечным тем же цветком,
Пышно расцветшим, ты оставайся!..

(За сценой голос: «Кто это там песни поет?!» Ботпой и Ялакай оборвали песню, засуетились.)

Чейнеш. Пойте еще, милые подруги!

(Вошли Чоочой, Базым и Яжнай.)

Чоочой (Ботпой и Ялакай). Кто позволил вам петь?

Чейнеш. Это я попросила их...

Чоочой. Ты?.. (Ботпой и Ялакай.) Пошли вон! Что вам — делать нечего? А дрова кто будет таскать? Коров доить? Толочь толкан?

(Ботпой и Ялакай ушли.)

Чоочой (Яжнаю). Ты теперь не маленький, порядок должен сам знать: твое место у очага, вот здесь. На жен-

ской стороне — кровать и место Базым, на мужской — кровать и место любимой жены...

Базым (недовольно). Меня, значит, он любить не будет?

Чоочой. Как не будет? Разве я это сказала? Обоих вас будет любить. Чейнеш будет слушаться тебя, как родную мать... Пусть бог Ульген вас благословит. (Женщинам.) Вы чего здесь торчите? Кончили свое дело — идите. Сейчас той начнется.

Чейнеш (встала). Я пойду вместе с ними.

Чоочой. Тебе сегодня из айла нельзя днем выходить: такой обычай.

(Чейнеш села. Женщины ушли. За сценой голос: «Все идите игры смотреть! Все!» На поляну выходят женщины, мужчины. Появляются Козуйт, Кускенек, Песков, Барогош.)

Козуйт (кричит). Борцы!

(Выходят четыре человека, борются.)

Чоочой. Только темной ночью ты имеешь право выйти на улицу.

Яжнай. Маму надо слушать.

Базым (Яжнаю). А ты — молчи. Мама сама знает, как надо с ней разговаривать (ущипнула Яжная).

Козуйт (побежденным в борьбе). На что вы годны! Мне стыдно за вас. Уходите отсюда! (Победителям, передавая ташаур с аракой.) Вы — сильные, ценные люди. Пейте, веселитесь со всеми!

Песков (Козуйту). Здоровые парни. Настоящие солдаты!

Кускенек. Совершенно верно, солдаты!

Барогош. Скоро должны появиться бегуны... Первым двум победителям в беге я приготовил по бутылке водки, третьему — два аршина коленкору.

Песков. Хорошие призы...

Козуйт. У моего порога — радостный праздник. Могу ли я жалеть сегодня чего-либо?

Баланка. Откуда у нас горькая вода?..

(Входит Песков.)

Песков. Эзендер!¹ (Содону). Охотник вернулся? Ну, дорогой, пусть уши мои порадуются, — говори, чего добыл?

Содон. Радовать нечем... Как мой купец поживает?

Песков. Плохо... Барогош к вам не приезжал?

Содон. Нет.

Песков. Я видел его вчера. Он жаловался, что Содон не платит ему за камлание. Говорил: «Как Содон убьет лисицу, — так и моя будет!»...

Кара (свистнул). Вот оно что!

Песков. Да, жадный народ камы! (Достал бутылку водки.) Нисколько не жалеют бедных людей. (Подает бутылку Содону.) Я тебе, славный охотник, подарочек привез... Возьми от чистого сердца...

Содон. Милостивый человек! Дай бог вам здоровья.

Кара (тихо). Сверху слегка помажет, — снизу лопатами нагребет. Так говорит наша пословица. Нашелся купец добрее кама!

Песков (Каре). Ты, кажется, заговариваешься, мой милый... Подержи-ка язык за зубами...

(Вбегает Чейнеш. Лицо ее в крови, одежда на ней разорвана.)

Чейнеш. Отец! Мать! Спасите! (Увидела Кара, бросилась к нему.) Кара! Милый! Защити меня!

Содон. Что случилось?

Баланка. Дочь моя!

Кара. Успокойся... Чейнеш... Я умру за тебя. Говори, что произошло?..

Песков (отошел в сторону). Это очень любопытно.

Чейнеш. Яжнай... Он хочет меня убить... Я убежа-

¹ Здравствуйте!

ла, узнав, что тебя выгнали... Искала тебя в лесу... Он нашел меня... Бил... плетью.

К а р а. Идем вместе... со мной...

(Входит Яжнай, в руках у него плетка.)

Я ж н а й. Э-э! Нашла, где спрятаться... Сейчас же ступай домой!..

Ч е й н е ш. Нет! Я пойду только с ним (показывает на Кара).

Я ж н а й. Кара! И ты здесь! (бьет его плеткой.)

К а р а. Прочь, паршивый волчонок! Я задушу тебя!

Я ж н а й. Как ты смеешь грозить мне! (Пескову.) Иван Пантелеевич, будьте свидетелем. (Замахивается на Кара.)

К а р а. Здесь не твой аил...

Я ж н а й. Чейнеш — моя жена.

Ч е й н е ш. Нет! (Плюнула Яжнаю в лицо.) Мой муж — Кара!

Я ж н а й (взревел). А-а! Измена!

(Яжнай бросился на Кара. Кара ударил Яжную в висок. Яжнай упал.)

К а р а. Чейнеш! Бежим!

Ч е й н е ш. Прощай, мама!

(Кара и Чейнеш убегают.)

П е с к о в (склонился над Яжнаем, щупает его). Он убит! (Крестится.)

Б а л а н к а. Собаке — собачья смерть!

З а н а в е с

КАРТИНА ПЯТАЯ

Большая пятистенная изба. Группа красноармейцев слушает сказителя Каргана.

К а р г а н. Много-много лет терпел народ эту злую, ядовитую змею о семи головах. Много-много лет говорили в народе: «Где найдется богатырь, который победит ее?»... Вдруг в один ясный день по голубому Алтаю,

по всем речушкам и ложбинам, от аила к аилу слух прошел: Великий Богатырь вышел против семиглавой змеи и отрубил ей две головы. Как услышали это люди, — очень обрадовались, словно горячее солнце ярче над ними засияло. Но ядовитая змея, потеряв две головы, еще злее стала. Человеческой кровью залила она поля, окрасила реки. Поднялось по всей земле великое горе народное, солнце, как дымом, затмило. И сказал тогда Великий Богатырь: «Пока не отрублю всех голов у ядовитой змеи, до тех пор постели себе не постелю, головы своей на подушку не положу». Кликнул он своих братьев-богатырей, собралась их тьма-тьмущая, и пошли они дружно за Великим Богатырем, против змеи той ядовитой. Пики поднялись над землей, как частый лес, кони богатырей выстойку забыли, богатыри сон отогнали от своих глаз. Началась война богатырей со змеей. С неба туча белая спустилась, высокие горы рухнули, глубокие реки из берегов вышли. Услыхала об этом походе девушка-богатырь, по имени Кожончи-Мерген, на рыжем коне ездая. Саблю свою об луну наточила, на коня своего огненного села, помчалась к братьям-богатырям, чтоб вместе с ними ядовитую змею прикончить. Народ песню ей пел:

Твоя рука, поднявши лук,
От ветра не качнется пусть.
Твоя рука, поднявши меч,
Огня пусть не боится.
Твой быstroногий рыжий конь
Бежит пусть только на врага!
Ты, Кожончи-Мерген, сама —
Бессмертной будь!

Прошел месяц, как день, и год прошел, как месяц. За семиглавой змеей богатыри четыре раза кругом Алтая обошли, еще четыре головы ей отрубили... Осталась у ней одна голова. (Карган закашлялся, помолчал.) Вот, кажется, и сказка моя кончается....

1 - й красноармеец. Красивая сказка, старик! Скажи нам, как зовут этого Великого Богатыря?

К а р г а н. Один человек мне говорил, что его имя — Ленин!

2-й красноармеец. Правильная сказка! Самый великий богатырь на земле — наш Ленин!.. Скоро он срубит и последнюю голову этой змее!

1 - й красноармеец. Да, у него глаз меткий и рука верная...

3 - й красноармеец. Ну, спасибо тебе, старик, за сказку.

К а р г а н. Вы мне песней спасибо скажите.

2 - й красноармеец. Это можно. Анчи и Шонкор, спойте старику свою песню.

(Два красноармейца-ойрота поют песню.)

На вершине кедра — серая шишка,

Не падай на землю сама!

Любимые невесты наши

Ждите спокойно своих женихов.

(Вошел Кара. Он в красноармейской форме. Красноармейцы перестали петь.)

К а р а (Каргану). А! Здравствуй, старый Карган! Узнаешь меня?

К а р г а н. Кара!.. (Поднялся.) Вспомнил, вспомнил... Ты — богатырь.

2 - й красноармеец (Каре). Он, товарищ командир, хорошую сказку нам рассказывал — о Великом Богатыре — Ленине.

К а р а (жмет Каргану руку). Спасибо тебе. (Одному из красноармейцев.) Проводи, Семенов, старика домой. (Каргану.) Я зайду к тебе, побеседуем...

К а р г а н. Такой гость всегда дорог моему сердцу...

(Карган и красноармеец ушли.)

К а р а. Товарищи, нужно сейчас отправиться в разведку. Анчи, ты поедешь с Федоровым по узкой долине.

Тебе, Шонкор, с Ереминым — на восток. Вам, Кузьмин и Дементьев, выехать по большой дороге. Задача: осветить местность на десять километров вперед. Вернуться через три часа, как только стемнеет. Есть сведения, что банда Козуйта — Пескова находится где-то поблизости. Анчи и Шонкор, вы здешние, места хорошо знаете, действуйте смело, но осмотрительно... Если в пути натолкнетесь на кого-либо, тотчас же возвращайтесь обратно.

Шонкор. Слушаю, товарищ командир!

Кара. Все понятно?

Красноармейцы. Понятно, товарищ командир.

Кара. Собирайтесь — и в путь! Счастливого вернуться!

Анчи. Всегда готовы!

(Красноармейцы ушли. Кара остался один. Посмотрел в окно, потом оглядел комнату.)

Кара. Этот дом выстроил своими руками Андрей Куреев... Эту печь клали мои руки... Думал ли я, что через три года войду сюда не батраком, а хозяином и... впервые после долгой разлуки обниму мою золотую Чейнеш? Даже во сне никогда ничего подобного не снилось!... Все — как в сказке. И какая красивая эта сказка!.. (Посмотрел в окно.) Вон поляна, где Козуйт справлял три года назад той... О, этот день я никогда не забуду!.. Вон лес, в котором мы скрывались с Чейнеш два дня... (Сел.) Потом мы пробрались горными тропинками на юг, к красным партизанам. Целый месяц мы прожили вдвоем в лесу, в горах, под открытым небом... Голодали, мучились от жажды, но любили друг друга, верили друг в друга, верили, что наша жизнь только начинается... Какой это был прекрасный медовый месяц!.. (Задумался. Тихо запел.)

Темносерый конь мой, грива золотая,
Шелковая грива — мягче не найдешь.
Я смотрю в глаза любимой золотые —
Ярче в небе звезд горящих не найдешь...

(Кара замолчал, зажмурился. Тихо вошла Чейнеш, остановилась у порога.)

Чейнеш (негромко). Кара!..

Кара (вскочил, стремительно бросился к Чейнеш). Чейнеш! Солнце!

(Упали друг другу в объятия. Долгая пауза.)

Чейнеш. Наконец-то... вместе... опять.... Когда я сегодня утром получила твою записку, у меня словно выросли крылья. Я бросила все дела в сельревкоме, побежала домой, сказала маме, что приехал ты, находишься в бывшем Козуйтовом урочище, и от радости заревела так, как режут грудные ребята. Мама тоже заплакала... Мы плакали долго и не знали, что нам делать... Мы вспоминали прошлое... Вспоминали все, все... Я в сотый раз рассказывала ей, как мы шли с тобой три года назад к красным партизанам, питались ягодами, кореньями деревьев, любовались ночью звездами... Все, все... Как мы пришли к красным партизанам, как дрались с белобандитами, как встретились с Красной армией и тогда расстались с тобой... Ты, наверное, все это забыл...

Кара. Разве можно, Чейнеш, забыть самого себя? Сейчас только, сидя вот здесь, я пережил опять все это...

Чейнеш. Больше двух лет не виделись!.. Кара!.. мой Кара!.. Я выехала из сельревкома вместе с мамой: мама в коляске, я — верхом... Но я и не заметила, как мама отстала... Мне все казалось, что мой конь бежит очень тихо... Мама тоже скоро будет здесь.

Кара. Она, наверное, очень постарела...

Чейнеш. По-моему, она сейчас моложе, чем была пять лет назад...

Кара (посмотрел Чейнеш в лицо). Верно! И ты ведь стала моложе!

Чейнеш. И я, милый, и ты, и все, кого жизнь раньше старила прежде времени.

Кара. Да, да, ты права... товарищ председатель сельревкома!

Чейнеш (смеется). Права, права, товарищ командир... какой только не знаю...

Кара. Бывшему пастуху одна дорога — в команду конных разведчиков...

Чейнеш. Теперь я верю, что банде Козуйта — Пескова пришел скорый конец. Вы знаете, где она?

Кара. Точно пока не знаем... Вчера, по дороге сюда, мы перехватили святого Барогоша... Он уверяет, что о Козуйте и Пескове ничего не знает...

Чейнеш. Врет! Его не видели в этих местах больше месяца... Наверняка, он ехал по поручению Козуйта.

Кара. Я тоже так думал, но он упрямо говорит, что ездит по своим божественным делам...

Чейнеш. Мерзкая тварь!... Как он смеет называть свои дела божественными...

Кара. Я ему сказал, что теперь его дела просто плохи...

(Оба засмеялись, потом обняли друг друга.)

Чейнеш. Зато наши — хороши как никогда!

(Вошел Куреев с Баланкой.)

Баланка (Курееву). Говорила тебе, что она здесь!..

Куреев (шутливо). Сердце матери лучше чувствует, где ее дочь...

Кара (подошел к Баланке, обнял). Мама! Милая мама!

Куреев (Чейнеш). Ну здравствуй, товарищ председатель!... (Подал руку.) Давай-ка поцелуемся!

Чейнеш. Давай, товарищ командир. (Целуются.)

(За окном тихо заиграла гармошка. Потом слышно, как кто-то поет.)

Баланка. Старая пословица оправдалась: только вершины двух гор никогда не сойдутся, а люди всегда могут встретиться.

Куреев. Разные, матушка, встречи бывают...

Баланка. И это верно!..

К а р а. У нас сегодня самая счастливая! Теперь уже недалеко тот час и тот день, когда мы заживем с Чейнеш безразлично. И вы, мама, будете всегда с нами...

К у р е е в. А где же старик Содон?

Б а л а н к а. Не вспоминай, Андрей... Его Козуйты полгода назад расстреляли...

К у р е е в. Палачи! Мы отомстим им, мама!..

Ч е й н е ш (Курееву). Кто это играет и поет за окном?

К у р е е в. Это наши красноармейцы. Хотите познакомиться с красными бойцами?

Ч е й н е ш. Конечно, хочу...

К у р е е в. Есть такое дело! (Быстро ушел.)

Б а л а н к а (Чейнеш и Каре). Дети вы мои родные! Милая моя Чейнеш, прости ты меня, глупую...

Ч е й н е ш. За что, мама?.. В чем вы виноваты?

Б а л а н к а. Виновата... Как вспомню об Яжнае...

Ч е й н е ш. В этом виноваты не вы... Такая была жизнь...

К а р а. Была — и похоронена навсегда, безвозвратно. (Входят Куреев и группа красноармейцев. Один из них с баяном.)

К у р е е в. Товарищи бойцы! Председатель сельревкома, бывшая красная партизанка, жена нашего храброго командира-разведчика товарищ Чейнеш хочет познакомиться с вами.

К р а с н о а р м е й ц ы (Чейнеш). Здравствуйте, товарищ председатель!

Ч е й н е ш. Здравствуйте, товарищи! Я хочу сказать вам спасибо за то, что вы бесстрашно дрались с белогвардейцами, за то, что вы пришли сюда защищать алтайский народ от белобандитов... И еще... еще... спасибо вам, что вы... ну, словом, за Кару... спасибо!

1-й к р а с н о а р м е е ц. Вам спасибо за товарища Кара! Он — самый храбрый разведчик у нас! Он всегда смел, решителен, всегда беспощаден к врагу... Он — наш командир, но он самый нежный и заботливый товарищ...

2-й красноармеец. Просто говоря: настоящий большевик!

Кара. Перехвалили, честное слово, перехвалили... Красноармеец, как красноармеец... и все тут.

Куреев. Вот это и называется: настоящий большевик!

Чейнеш (красноармейцам). Я и моя мама просим вас сыграть и сплясать...

2-й красноармеец. Для таких товарищей, как вы и ваша мама, готовы целый день плясать. (Баянисту.) Даешь, Гришуха, «Яблочко».

(Баянист играет «Яблочко». В танец постепенно включаются все красноармейцы.)

Баланка. Вот это — орлы! Ух, какие орлы!..

Куреев. Горные, мамаша, орлы!

(Уже все красноармейцы включились в танец. Вдруг раскрывается дверь и на пороге появляются два красноармейца (один из которых Шонкор) и между ними женщина — Ботпой. Она в грязном изодранном платье. Танец оборвался.)

Шонкор (Каре). Товарищ командир... Ваше приказание выполнено. В трех километрах к югу от урочища нами перехвачена женщина, которая...

Кара (женщине). Ботпой!..

Баланка, Чейнеш, Куреев (вместе). Ботпой!.. Ты?!.. Милая!..

2-й красноармеец (красноармейцам). Айда, ребята... Выходи на улицу. (Красноармейцы быстро ушли.)

Кара (Шонкору). Можете идти, товарищи... (Шонкор и Еремин ушли.)

(Ботпой, тяжело дыша, смотрит то на Чейнеш, то на Кару, то на Куреева, то на Баланку.)

Куреев. Успокойся, успокойся, милая Ботпой... Здесь все свои...

Баланка (подает чашку с водой). Испей водицы... Все здесь родные... Это — я... Это — Чейнешка моя... Это — Кара, а это — Андрей.

Ботпой (отпив из чашки воды). Какое счастье!..

Слушайте... Козуйт и Песков знают, знают, что вы здесь... Они идут сюда... Я ушла от них сегодня утром, чтобы предупредить вас... Всю дорогу бежала бегом... Нет сил больше...

Куреев. Спасибо, Ботпой... Говори — много их?

Ботпой. Человек двести...

Кара. Все вооружены?

Ботпой. Все...

Куреев. Какой дорогой идут?

Ботпой. Не знаю...

Кара (вспомнив что-то). Барогош у них?

Ботпой. Барогош уехал куда-то вчера утром... Он вчерашней ночью изнасиловал Ялакай... Она повесилась...

Чейнеш. Мерзавец! Расстрелять его сейчас же, товарищ Куреев!

Куреев. Спокойно, товарищ председатель!.. Революционный трибунал оценит его поступки очень точно. Сейчас надо допросить Барогоша. (Каре.) Пусть его приведут сюда.

Кара. Слушаю, товарищ командир. (Вышел из комнаты.)

Куреев (Баланке). Я хочу поручить вам Ботпой...

Баланка. Кому же еще... Она ведь давно словно дочь мне... Кто утешил меня, когда Чейнеш убежала?.. Ботпой...

(Кара вернулся.)

Куреев (Каре). Поручи кому-либо помочь матушке Баланке и Ботпой до аила Яжнал дойти... Скажи, чтоб там их накормили, напоили...

(Кара, Баланка и Ботпой ушли.)

Куреев (Чейнеш). Во время допроса Барогоша, после трех-четырех вопросов, передай каму привет от Ялакай... Больше ничего не говори...

Чейнеш. Слушаю, товарищ командир.

(Вошли Кара, Барогош и красноармеец.)

Куреев (Барогошу). Проходите, божественный кам...
Барогош (огляделся). Кого я вижу! Дорогая Чей-
неш!

Куреев. Не юродствуйте... Скажите, где находится
банда Козуйта — Пескова?

Барогош. С разбойниками никакого дела не имею.

Куреев. Ну, может быть, случайно встречались?

Барогош. Всегда избегал таких встреч.

Куреев. Не хотите, значит, правду говорить?..

Барогош. Уста кама никогда не лгут...

Куреев. А всегда врут... Да?

Барогош (молчит).

Чейнеш (Барогошу). Вам велела передать привет
Ялакай!

Барогош (вскочил, побледнел, затрясся). Яла...
Яла...

Куреев. Вы так обрадовались?

Барогош. Да... знаете... такая девушка... хорошая...

Куреев. А вы такой мерзавец... изнасиловали ее...
убили...

Барогош (пришел в себя). Это неправда...

Куреев. А когда вы видели ее? Где?

Барогош. Когда?.. Месяц назад, пожалуй...

(На улице раздались выстрелы. Куреев и Кара выхватили наганы.)

Куреев. Товарищ Чейнеш! Оставайтесь здесь! (Красноармейцу.) Смотрите, чтоб этот кам не убежал. (Каре.)
Идем!

Кара. Будь спокойна, моя Чейнеш.

(Кара и Куреев ушли. На улице продолжается стрельба.)

Барогош (после долгого молчания). Милая Чей-
неш, мне надо поговорить с тобой наедине... (Показыва-
ет на красноармейца.)

Чейнеш. Нам наедине говорить не о чем...

Барогош (покорно). Я расскажу тебе все... всю
правду... Другим я не мог этого сказать... Тебе скажу.

Чейнеш (смутилась). Правду расскажешь? Да?

Барогош. Да.

Чейнеш (усмехнулась). Нет, Барогош, не надо мне твоей правды... Правду мы без тебя знаем...

Барогош. Я скажу все — о Козуйте, о Пескове, обо всех расскажу...

Чейнеш. Об этом ты скажешь теперь в трибунале...

Барогош. Кроме тебя, я никому об этом не скажу.

Красноармеец. Ну, и хитрый же старик!..

Чейнеш (Барогошу). Слышал?.. Не хитри!..

(Входит Кара, за ним красноармеец ведет Козуйта.)

Кара. Вот и главный бандит! Другой — Песков убит. Его застрелил Андрей...

Барогош. О, всемогущий Ульген!..

Козуйт (Каре). Говорю вам, что я давно хотел сдаться, но за мной следил Песков...

Кара. Знаем, знаем, господин Козуйт...

(Выстрелы на улице уже прекратились.)

Кара (красноармейцу). Уведите кама на прежнее место...

Чейнеш (Каре, тихо). Как бы он не вздумал удрать...

Кара (Чейнеш). Последи немного.

(Красноармейцы и Барогош уходят, Чейнеш выходит за ними. И почти тотчас же раздаются голоса: «Стой! Стой!» Затем выстрел. Кара выбегает из комнаты. Красноармеец смотрит в полуоткрытую дверь. Козуйт схватил стоявшую в углу винтовку и ударил красноармейца по голове. Красноармеец упал. Козуйт подскочил к двери и встал около косяка. Вошел Кара. Козуйт ударил его прикладом по плечу. Кара упал. Но в это же мгновение появившаяся в дверях Чейнеш выстрелила в Козуйта. Вслед за Чейнеш вошли два красноармейца. Чейнеш бросилась к Каре.)

Чейнеш (целует Кара). Кара! Милый мой Кара!

Куреев (входя). Кара молодец! Самого Козуйта поймал! (Увидев на полу Кара и Чейнеш). Что это такое?

Чейнеш. Убит!.. Кара!.. Мой!

Куреев (опустился на колени). Кара, Кара! Опомнись, товарищ!..

селиться? Да много ли тебе земли нужно! Сажень в длину да аршин в ширину». — Я хотел поспорить с ним, он зверем на меня набросился. «Скажи, говорит, мне еще слово, я все кости твои в толкан превращу». Кое-как я убрался от него.

— Это верно, — сказал Кюньдыбей, — такие, как Чалма — большая помеха. Он недавно одного нашего комсомольца чуть не убил, камнем в голову бросил.

— Да-а, — протянул Керек-Йок, — он много лет своей жизни Кудай-Бергену отдал, а теперь за его вдову своим же друзьям глотку готов перегрызть. Как паршивую лошадь к дереву почесаться тянет, так его — к Кудее.

Керек-Йок снова набил табаком трубку, закурил.

— Так что же будем делать? — спросил Кюньдыбей.

— Рассветает, соберем народ, поговорим все вместе...

На второй день Керек-Йок поехал в аймачное село Ортолой. Небо было голубое, чистое — не найти ни одного облачка величиной в овчину. Солнце стояло высоко над белыми снежными вершинами гор. Внизу, на крутых склонах солнечной стороны, снег во многих местах уже сошел. От рыжих проталин шло теплое дыхание оттаявшей земли. Где-то в лесу чирикала синица:

— Дил-жел, дил-жел, — весна приди, весна приди...

Весна... Веселой переступью идет под Керек-Йоком черно-бурый широкогрудый конь. Это старый его товарищ. На нем когда-то Керек-Йок воевал с белобандитами. Во время наступлений черно-бурый становился напористым и свирепым. Не один бандит погиб под его тяжелыми копытами... А таким вот веселым и мирным он обычно бывал, когда партизанский отряд после удачных боев возвращался в стан. Он также игриво встряхивал черной, пышной гривой, позвякивал удилами.

— А сейчас мы разве не после боя? — неожиданно подумал Керек-Йок, — еще какой бой-то выдержали...

Он невольно, словно ища подтверждения своей мыс-

лись: через два дня председателю пришлось созвать колхозное собрание.

Время для открытия собрания он выбрал самое удобное — сумерки, — доярки еще не вернулись с фермы, остальные женщины заняты дойкой своих коров, а потом начнут готовить ужин и забудут обо всем. И, действительно, в тесной комнате конторы оставались свободные стулья и скамьи. На председательском месте, за узким и шатким столом сидел Карчага. Всякий раз, когда нужно было что-то сказать, он припадал щекой к плечу Сюмелю, сидевшего рядом, и спрашивал его совета.

Вопрос был один — «о контрреволюционной вредительской вылазке Темира Амырова».

Едва Сюмелю начал свою обвинительную речь, как дверь отворилась и у порога встала Тойу. Услышав несколько прозных фраз и поняв в чем дело, она окинула взглядом всех собравшихся, а потом юркнула в дверь.

Сюмелю торопливо сыпал крикливые слова и подкреплял их частыми ударами кулака по столу. Его раздражал и безумолчный скрип двери, и шарканье ног о пол.

Вскоре все скамьи и стулья были заняты, и вновь пришедшие, подгибая ноги, садились посреди пола.

Высказав уверенность в том, что Амыров является главарем вредительской шайки, которая поставила своей целью подорвать экономическую мощь колхоза, Сюмелю сел на свое место рядом с Карчагой и шепнул ему:

— Обсуждения не допускай. Ставь на голосование...

Карчага сказал строго:

— Подымайте руки... кто за исключение.

В комнате стояла какая-то сдавленная тишина. Прощелестели рукава пяти-шести рубаш. Не больше.

— Темно, невозможно сосчитать, — сказал Сюмелю. — Зажгите лампу.

Воспользовавшись временем, пока сторожика зажига-

ла лампу, он предупредил воздерживающихся от голосования:

— К тем, кто считает, что вредитель может остаться в колхозе, придется присмотреться, придется и о них поставить вопрос...

Карчага встал и, отмечая указательным пальцем каждого голосующего, подсчитывал:

— Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать... Еще там есть у двери?..

— За что руки поднимаете? — спросил Чокуш, расталкивая женщин, чтобы пробраться на середину комнаты. — Лучшего пастуха хотите из колхоза выгнать?..

— А ты пришел защищать вредителя? — спросил Сюмелю.

— Какого вредителя?... — старик непонимающими глазами посмотрел на окружающих. — Я о Темире говорю.

— Мы тоже говорим об этом змеином выродке...

— Змеином?! — с дрожью в голосе спросил Чокуш и, подбежав к столу, посмотрел в глаза Эптешкенову. — Да знаешь ли ты, кем был его отец? Ничего ты не знаешь... Меня бы, старого человека, спросил... Мы вместе выросли, вместе байские табуны пасли. Амыр был смелым, перед баями и зайсанами шапку никогда не снимал. А у тебя повернулся язык сына его называть худыми словами...

— Для вредителя не может быть добрых слов. И для защитников его тоже! — прикрикнул Сюмелю.

— Не говори о парне так, — загремел старик. — Кто в прошлом году в буран овец от стаи волков сберег? Темир. Кто весной, когда кошару заливало, ягнят через ручей перетаскал по колено в воде? Темир. Мы все знаем его с детства... А вот ты кто такой, нам не известно...

— В другом месте поговоришь об этом... Я заставляю тебя отвечать за такие слова... — взревел Сюмелю, вы-

шел из-за стола и объявил: — Собрание закрыто. Расходитесь...

— Мы еще ничего не слышали... — крикнула Тойу с порога; щеки ее были красными, как раскаленный котел, а к вискам прильнули мокрые пряди темных волос. — Зачем народ собирали?..

— Чтобы очистить колхоз от вредителя... от вашего близкого знакомого, — сказал Эптешкенов.

— Для меня все колхозники — близкие знакомые, — пробормотала девушка, смущенно уронив голову на грудь.

— Враг тебе ближе всех... — Сюмелю взял протокол и направился к двери. — Ничего, выкорчем все его корешки...

На следующее утро он приехал в районное село, привязал коня к ограде управления милиции.

— Арестуйте немедленно, — посоветовал он начальнику. — Может сбежать. Уже запас полный мешок толкана и спрятал в дупле старой березы. Колхозник Карчага Агытманов видел, может указать...

Вместе с Эптешкеновым в колхоз приехал милиционер. А через час он уезжал обратно. Рядом с собой посадил Темира.

Тойу два раза проходила мимо тележки. Ей хотелось на прощанье крепко пожать руку парня, — пусть знает, что ее отношение к нему остается прежним. Но он, слыша ее шаги, не поднял глаз.

«Увидят, что прощается со мной, как с родным, могут из комсомола исключить, из колхоза выкинуть, — думал он, — скажут: «С врагом связь имела...»

Ямщик хлестнул коней. Застучали колеса о сухую землю.

Девушка долго смотрела на удаляющуюся тележку, а потом пошла по дороге в ту же сторону. Ей хотелось крикнуть:

— Не падай духом, товарищ Темир! Может быть, скоро найдем твоих врагов.

7

Спустя три дня на общем собрании Эптешкенов вручил Карчаге Агыманову премию — шерстяной костюм — за «образцовую» работу в весеннюю посевную кампанию.

— Он — самый честный и добросовестный колхозник, — говорил председатель. — С него берите пример..

А поздно ночью, пригласив Карчагу к себе, председатель сказал:

— Отару Амырова теперь пасет седой пес. Посматривай за ним.

— У старика нюх собачий, глаза — острее молодого.

— Трусишь?... Заячье сердце!..

— Да нет.. Но мне говорили, что Чокуш грозился: «Кто посмеет украсть колхозную овцу, у того тонкую кишку вымотаю, как аркан!..»

— Делай, что говорю... — прошипел Эптешкенов. — Посоветуй старому дьяволу пасти овец там, где нужно... Освободимся от него, никто нам мешать не будет. Девчонку эту мы проглотим, как кусок сырой печонки.

Карчага поклонился хозяину, — куда угодно он пойдет и все что надо сделает.

8

Ни одной ночи старый Чокуш не провел дома. Он ложился спать возле овечьего загона и просил ночного сторожа при каждом малейшем шорохе будить его. Но сторожу ни разу не пришлось прибегнуть к этому, — старик просыпался от самого легкого шелеста и даже от того, что овцы, настораживаясь, вдруг переставали пережевывать жвачку.

По вечерам к Чокушу приходила Тойу. Она спрашива-

ла его, где он пас отару в минувший день, а потом рассказывала, на каких сопках побывала она. Им хотелось найти хотя бы кости баранов или обрывки шкур, но все было безуспешно.

— Что же нам делать?.. Как его спасти? — спрашивала девушка.

— Ничего не могу придумать, — качал головой старик. — Есть пословица: «С'ел волк, не с'ел волк — все равно отвечай». Так же и о пастухе говорят: «Сам зарезал или руку вора схватить не мог — все равно отвечай».

— Но ведь он шесть лет в колхозе...

— Знаю. Я сам убеждал его тогда вступить в колхоз. Он — хороший парень, но... Чем можно доказать, что он, как пастух, не виноват?

С тяжелыми думами на сердце ушла девушка от старика.

«Неужели Темир солгал... даже мне в ту ночь? Неужели он сам мог зарезать баранов?... Если он мне не сказал этого, то и о любви тогда болтал лживым языком. — Она потерла рукой горячий лоб. — Четыре барана... Четыре! И в четыре дня!.. Волку и то не сожрать столько... Нет, нет, он не вынимал ножа из ножен...»

9

Закончено следствие. Завтра привезут Темира в колхоз. Будет суд.

— Что же сказать в оправдание парня? — спрашивал себя Чокуш. — Сколько ни думай, ничего не придумаешь... Жаль, учитель Сорокин уехал в отпуск. Он бы сказал, что делать, — ученый человек, в Москве жил.

Старик гнал отару на ту круглую, как юрта, сопку, где последние дни пас баранов Темир. Об этой сопке сказал пастуху Карчага.

Когда овцы щипали траву, Чокуш ехал за ними по пятам. А когда они ложились отдохнуть, пастух подни-

мался выше их и садился на камень, с которого все кругом отары видно: волк не подкрадется, человек не подползет!

Небо над долиной было пестрое, словно с сопки на сопку перекинули старую, дырявую кошму. Солнце робко бросало в тесные дыры теплые лучи свои и с какой-то виноватой торопливостью гладило шелковистую траву, пестрые цветы. Липкие, серые тени туч ползли по земле. И на сердце у пастуха было так же серо и тоскливо.

— Что мне делать? — сотый раз спрашивал он и не находил ответа. — Даже небо сегодня грустит, прячет свою чистую голубизну...

К вечеру тучи еще больше сгустились и легли с горы на гору сплошным покрывалом.

Старик сел на коня и привычно крикнул:

— А-а-й, а-а-й!..

Белый красноголовый баран, вожак всей отары, пошел вниз, в сторону колхозного селения. Мериносовые овцы двинулись за ним столь дружно, что казалось с сопки вода потекла широким потоком.

Кончилась лужайка. Отара вступила в полосу камней и леса, опоясавших сопку. Справа — высокий гранитный гребень, слева — крутая осыпь синего камня. Впереди — густые заросли акации и таволожника. Тут надо смотреть за отарой особенно зорко, и Чокуш дал такую волю коню, что он коленками подталкивал овец. Вдруг в середину отары словно камень упал, — бараны метнулись в стороны, друг на друга, смяли колючие кусты. Но через несколько метров два потока снова слились в один, спокойно катившийся в долину.

— Чего они испугались так? — недоумевал пастух.

Он проехал бы дальше того места, если бы не услышал глухого блеяния овцы, вырвавшегося откуда-то из-под земли.

— Что это?..

Старик спешился. Раздвинул руками низкие, густые, как щетка, кусты таволожника, и перед ним открылась яма. С края на край были положены тоненькие прутьи, а на них набросана трава, едва успевшая завянуть. По середине — провал.

Чокуш встал на коленки и заглянул вниз. Яма походила на глубокую корчагу. В таких ямах гонят деготь. Но эта — не для дегтя. Глина на стенках еще не просохла как следует, яма вырыта этой весной. На дне овца топчет прутья, сухую траву, — не она первая оступилась в ловушку!

— Понятно!.. Все теперь понятно!..

Старик оставил овцу в яме и пошел осматривать соседние кусты. Там он нашел еще три ямы. Все они были замаскированы лопухами травы, сорванной не раньше прошлой ночи.

Отара остановилась на ровной лужайке, поджидая своего пастуха.

10

В сумерки Чокуш пришел к председателю, виновато снял шапку и, здороваясь, низко поклонился.

— Овцу потерял...

— А-а, старый чорт, колхозное добро расхищаешь, — взревел Эптешкенов, пробежал по юрте, подымая полами пальто пепел из потухшего костра. — Завтра сядешь на одну скамью с вором Амыровым...

— Первая оплошность... Простите меня, товарищ председатель. Не моя рука брала. Может, злой дух из горы вышел и...

— Замолчи, дурак... Я колхоз поднять стараюсь, ночи не сплю, днями отдыха не знаю, а вы, паршивые свиньи, священную социалистическую собственность расхищаете... Я прощу тебя, если ты к утру вернешь овцу живой, — сказал наконец Сюмелю, смежая веки хитрых глаз.

— Хорошо бы на ночь около села тайный караул поставить, — робко посоветовал старик. — Вор мясо где-нибудь припрятал, а ночью домой понесет...

— Никаких караулов... Вору сказано, чтобы к утру возвратил. Не вернет овцу, пойдет под суд.

Старик тяжело вздохнул; выходя из юрты, споткнулся о высокий порог...

У овечьего загона его уже ждала Тойу. Он кратко рассказал девушке обо всем, и та побежала к секретарю комсомольского комитета. А когда вернулась к загону, шопотом спросила старика:

— Мне тоже брать ружье?

— Нет, не надо будить подозрение. Выйдем из села по одному... И так, чтобы ни одна чуткая собака не услышала...

11

— Ты пойдешь после полуночи, когда все уснут, — шептал Эптешкенов Карчаге, провожая его из юрты. — Сделаешь все так же, как раньше делал... Но осторожно — старый волк хитер...

На сердце у Сюмелю было празднично. Завтра арестуют Чокуша, останется одна та девчонка. Остальные не столь смелы и решительны. А девчонку можно... найти в реке утонувшей. Объяснение легкое — не вынесла разлуки с любимым... И тогда никто не будет подкапываться под Сюмелю Эптешкенова, никто не будет болтать о его неясном прошлом. Все будут верить, что он из бедняков, что в гражданскую войну был не с белыми, а с партизанами.

Тойбосов во-время позаботился об укреплении авторитета своего друга. Статью в областной газете прочитали тысячи человек! А там было напечатано, что «Сюмелю Эптешкенов — активный борец за большевистский колхоз», что он «беспощаден к подлым врагам народа».

И Сюмелю улыбнулся, довольный собою и всем, что происходит вокруг. Так радостно у него было на сердце только в 1929 году, когда начался конфликт на КВЖД. Но та радость вскоре потухла. А сегодняшняя радость будет разгораться. Прошлый раз Тойбосов сказал, что ждать остается недолго. А когда все перевернется, Эп-тешкенов будет зайсаном. Это ему твердо обещано. Тогда стоит только раз крикнуть на подвластных — дорогая пушнина, как снег, повалится в открытую юрту, серебро и золото ручьями потечет в кожаные мешки, которые сейчас набиты каким-то тряпьем.

Сюмелю поднял кожаный ташаур с аракой и, побулькивая, долго переливал ее в обемистый живот. Пустой ташаур бросил на женскую половину. Тыльной стороной ладони провел по мокрым, улыбающимся губам.

— Я буду знаменитым баем... всемогущим зайсаном!..

Он лег на мягкую постель, где уже храпела жена. По сухой лиственничной коре пробежала мышь, и на лицо посыпалась труха. Как хорошо, что недолго ему осталось жить в этой противной, убогой юрте из лиственничной коры. Скоро у него будет теплая, войлочная юрта. Белая, как снега высоких вершин! А шуба у него будет мерлушечья, крытая синим шелком! При виде одной этой шубы алтайцы будут падать на колени и лбами выбивать ямки в земле!..

Вот они виноватыми собаками вползают в юрту. Косы у всех торчат, как рога, руки трясутся. Все держат по большому ташауру с крепкой аракой. Один дань не уплатил, другой подарок не привез, третий опоздал шапку снять во время последней встречи с зайсаном. И Сюмелю приказывает дерунам: «Этому — двадцать пять, этому — пятьдесят, а вот этого привяжите косой к дереву, пусть там стоит, пока не подохнет с голода». Деруны схватывают алтайцев за косы и вытаскивают из юрты. И вот уже слышен свист распаренных таловых прутьев..

На левой половине юрты сидят молодые, красивые

алтайки. Чегедеки¹ на них новые, плюшевые, отороченные парчой. Серьги у них серебряные. Брови у всех крутые, как радуга. Щеки румяные.

«На которой же сегодня остановить свой выбор? — задумывается Эптешкенов. — Остальным придется ждать своей очереди — день, два, три. Не обиделась бы какая-нибудь красавица. Каждой хочется поскорее, хотя бы на одну ночь, стать зайсаншей...»

Но выбрать женщину помешали. Кто-то незнакомый, горластый, войдя в юрту сообщил:

— На десяти верблюдах товар вам привезли, великий зайсан!

— Тысячу баранов пригнали! — ворвался еще чей-то голос. — Выходите принимать.

Сюмелю открыл глаза. Над ним — темный свод все той же убогой юрты.

Кто-то кулаком бьет в тонкую тесовую дверь.

Рубашка вдруг прильнула к телу. Сюмелю осторожно, чтобы не слышали шороха, поднялся с кровати; обмотал себя опояской, на которой висели деревянные ножны с остро наточенным ножом; снял ружье со стропилины и поставил возле кожаных мешков.

— Кто там? — сердито спросил он, наконец, подходя к двери.

— Я... Пастух Чокуш Ялтанбасов...

— Овцу нашел, старый дьявол?.. Но неужели ты не мог до утра подождать? — Сюмелю открыл дверь юрты. — Первый раз за всю неделю прилег, ты и то поспать не дал... Где нашел?..

— И сегодняшнюю овцу нашли, и на старые следы напали, — сказал Чокуш, перешагивая высокий порог.

— Паренька одного поймали, вашего дружка, — крикнула Тойу, входя за стариком.

¹ Чегедек — верхняя одежда замужних алтаек, которую сейчас носят уже только старухи.

ли, ошупал левый внутренний карман пиджака.. Под сатиновой подкладкой зашуршала бумага. Это был протокол вчерашнего собрания бедняков урочищ Йолду и Марчале.

На собрании были только бедняки. Казалось бы, оно должно было быть единодушным. Но какой разгорелся спор! Сколько нашлось несогласных с предложением, которое выдвинули Керек-Йок, Кюньдыбей и Челапан... А некоторые обрушились на них даже с руганью и насмешками. Особенно горяч и зол был Чалма — вечный батрак. Но Керек-Йок отлично знал: не своим языком говорили эти люди. По слепоте и глупости они говорили языком тех, кого на собрание не пустили. Потому победа над Чалмой на этом собрании — уже в какой-то степени победа над Кудеей и Рысом. И эта победа будет еще значительнее, если Чалма поймет и перейдет на нашу сторону. «Но сумеем ли мы это сделать? — думал Керек-Йок, — очень уж крепко опутан он своими хозяевами»...

Дорога обогнула черный скалистый выступ и сразу началась широкая улица Ортолая. Сначала тянулись мелкие, с подслеповатыми мутными окошками, избы, потом начали попадаться крупные пятистенные и крестовые дома под железными крышами, с крашеными резными наличниками и карнизами. Хозяева этих домов бежали с белыми в Монголию. Теперь на некоторых домах висели вывески аймачных учреждений. К одному из таких домов, стоявшему напротив зеленой облупившейся церкви, — это был аймачный исполнительный комитет, — и подехал Керек-Йок.

Василий Иванович Зырянов, председатель исполкома, искренне обрадовался Керек-Йоку. Он поспешно простился с каким-то посетителем и, улыбаясь во все свое широкое чисто выбритое лицо, протянул руку Керек-Йоку.

— Садись, друг, рассказывай. Давненько мы с тобой не видались. По делам или так просто, повидаться?

— Так заехал, — соврал почему-то Керек-Йок.

Эптешкенов долго шарил руками по столу, отыскивая спички. Пока правой рукой поджигал фитиль, из левой выскользнуло стекло и, упав на твердую землю, разбилось в крошки. От звона проснулась жена и, вскочив, вертела головой, как сова, ослепленная солнцем.

— Ложись и спи, — приказал Сюмелю. — Гости пришли.

А сам повернулся лицом к двери. Там стояло пять комсомольцев. Впереди их Карчага. Руки его заломлены назад и связаны арканом.

— Ты баранов воровал? — взревел Сюмелю, подходя к нему с крепко сжатыми кулаками. — А давеча говорил: «Поеду на солонцы косуль стрелять...» Я тебя, собака, в тюрьме сгною...

Чокуш рассказал, как он потерял овцу и как они схватили преступника, когда тот доставал добычу из ямы.

— Молодец старик! — Эптешкенов хлопнул пастуха по плечу. — Оставьте у меня этого волка, к утру я у него все печонки отобью. А Темира завтра же выручим.

— Нет, — настойчиво возразил Чокуш. — Я его поймал, я и стеречь буду. А комсомольцы мне помогут.

Когда они ушли, Эптешкенов тяжело опустился на стул. Руки его упали на кромку стола, как падают под топором кряжистые сучья лиственницы.

«Этот дурак может все выболтать... Что мне тогда делать?.. Не уехать ли, пока не поздно?.. Тойбосов раздобудет документы на имя какого-нибудь Учюра или Содона, как раздобыл тогда, после разгрома карательной сотни...»

Всю ночь в конторе колхоза горела лампа. В углу сидел Карчага. Руки его безвольно лежали на столе. По правую сторону от него Тойу, по левую Чокуш. На полу несколько парней.

Девушка вслух читала газету. Старик молча сосал свою трубку.

Карчага был доволен тем, что к нему перестали приставать с расспросами. Ни одного слова он не вымолвил в эту жуткую, длинную ночь. Он хорошо помнил наказ Эптешкенова:

— Попадешься — навсегда сделайся немым. Умереть придется — один умри. Будешь верным сыном нашего великого хана Ойрота. А про нас выболтаешь, все-равно жизнь себе не спасешь. У нас с болтливыми расчет короткий...

Что же делать?

Еще вчера Карчага работал бок о бок с такими, как эта Тойу. А сейчас она с презрением смотрит на него, как на врага.

Глаза старика острее глаз девчонки: взглянет — словно веткой колючего шиповника по лицу хлестнет. От самых простых слов его бросает то в жар, то в холод. Лучше бы провалиться сквозь пол, уйти в каменную пасть земли, чем сидеть здесь и ждать решения своей участи.

Вспомнилась юность, первые годы колхозной жизни, дружба с Темиром. Хороший был парень! Звучный комыс подарил на память и научил играть на нем лучшие песни про любовь. Но только играть их было не для кого.

Сюмелю смял эту дружбу, как медведь цветы, и сделал их врагами. Не послушать его было нельзя, — старухи перешептывались:

— Эптешкенов сын сильного шамана. Кто ему не понравится, может того кошкой сделать, волком обернуть...

А кому же захочется стать диким волком?

Потом стал приезжать Тойбосов, уважаемый человек из города. Он наобещал Карчаге очень многое, что и во сне не снилось. И тоже предупредил: «Разболтаешь о нашей дружбе и наших делах, с жизнью распростишься».

«Будут спрашивать, скажу то, что мне Эптешкенов

подсказал: «На солонцы ездил. На обратной дороге наткнулся на этих людей, — они собрались колхозную овцу резать. Испугались, что я разоблачу их, и решили оклеветать меня».

Его удивила та мягкость, с которой эти люди обращались с ним, колхозным вором. Давеча, когда ребята схватили его, старик предупредил:

— Не бить. Суд разберется и воздаст, что полагается по закону.

А теперь вот даже развязали руки, табак предлагают и советуют слушать, что читает девушка.

Они уже знают, что он загнал в тюрьму честного парня, своего товарища. Почему ни разу не упрекнут в этом, не ударят по щеке и обругают грубым словом?

— Чудные какие-то!.. В одном селе с ними вырос, а не знал, что они такие!..

Тупой подбородок Карчаги уткнулся в грудь, взгляд упал на дрожащие колени.

13

Жаркое солнце поднялось над горами, собрало росу с густой травы.

На голубом небе ни одного облачка, даже величиной с ладонь.

Доярки давно подоили коров и теперь стояли небольшими группами, посматривали на дорогу в районное село. Туда же смотрели и парни, сидевшие на зеленой лужайке перед конторой колхоза. Все говорили о Темире. Хороший был парень! Веселый, общительный! Где Темир, там игры и песни. Сказок знал больше всех. И рассказывать был большой мастер. А книжку начнет читать, заслушаешься. Бороться вздумает, силача против него не выставишь.

— Как-то теперь он выглядит?

— Похудел, наверно, бедный...

Вдруг детские голоса зазвенели, как колокольчики:
— Машины!.. Машины бегут!..

Все, даже старики с бадогоми и женщины с грудными детьми, вышли на улицу.

Два автомобиля остановились на лужайке перед конторой колхоза.

Голос Сюмелю хорошо слышен Карчаге:

— У нас, товарищ прокурор, большие новости: пастух Ялтанбасов и комсомольцы поймали настоящего вора. Звать его — Карчага Агытманов. Он подвел товарища Амырова, который ни в чем не виновен. Надо Агытманова судить...

— Тебя надо судить! — перебил дрожащий громкий голос.

Все взглянули на крыльцо конторы. Там стоял Карчага. Брови его были сдвинуты в одну черту. Глаза полны презрения и гнева. Волосы взлохмачены, как мох на пне.

— Да, тебя, повторил парень, прозя кулаком Эптешкенову. — Ты меня заставил все это сделать. Ты да еще тот из области...

— Неправда это... Лжет он... Клевещет, — закричал Сюмелю, повертываясь то к прокурору, то к судье, — змеиным ядом хочет забрызгать коммуниста...

— Замолчите, Эптешкенов, — строго сказал прокурор.

А Карчага, спустившись с крыльца, начал рассказывать окружающим его колхозникам, как он попал в паутину, ловко расставленную Эптешкеновым и Тойбосовым, как по ночам копал тайные ямы, как доверчиво слушал бредни о хане Ойроте. Ресницы его стали влажными.

— Садитесь. — Прокурор подтолкнул Эптешкенова к машине. — Скоро будете там же, где ваш друг, националист Тойбосов...

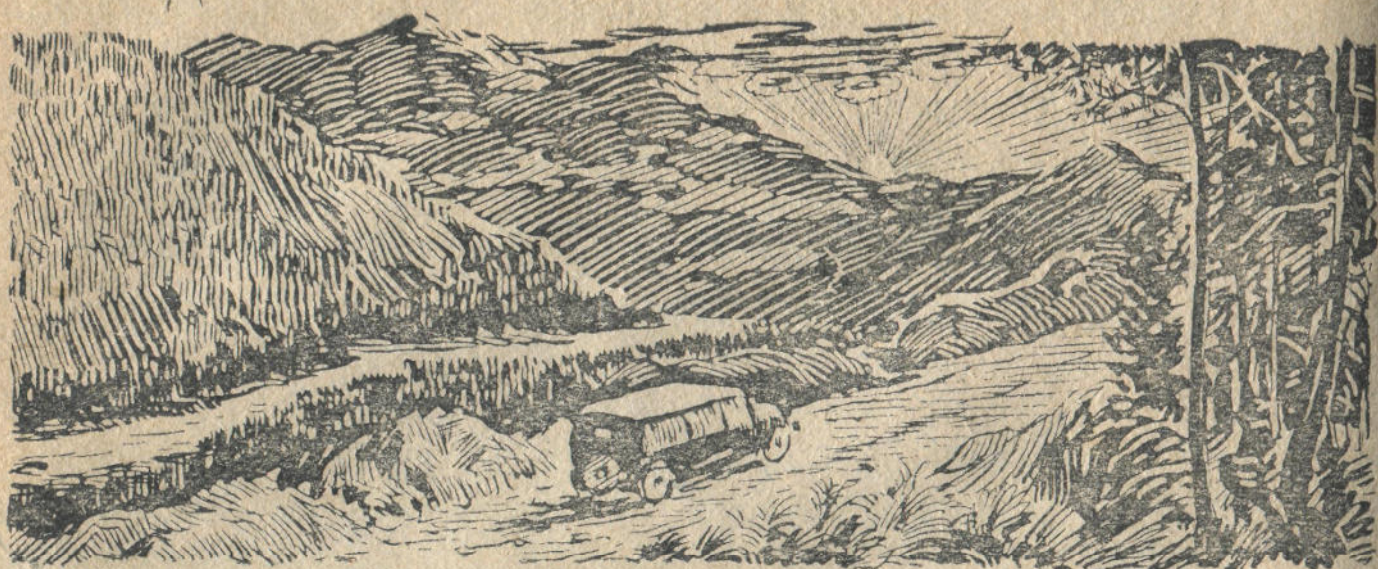
Чокуш, раздвинув толпу, пробрался к Темиру.

— Здравствуй, друг! Я рад, что моя уверенность оправдалась!..

— Темир, солнце мое! — сквозь слезы воскликнула Тойу, подбегая к толпе.

Перед девушкой расступились, и она, забыв обо всех окружающих, обняла парня и прижалась к его груди.

Авторизованный перевод с ойротского *А. Коптелова*.

ЖЕЛЕЗНЫЙ КОНЬ

О черк

1

Высоко в небе плыло летнее солнце. Зноем налились цветистые долины. В голубом воздухе важно кружилась два ястреба.

Ни лист, ни хвоя на деревьях не шелохнется. Шопотом говори — все будет слышно далеко за селеньем.

На лужайке возле юрты Кичемкея Сондобосова сидели колхозники.

— Вчера я видел возле аймакисполкома коня, — с улыбкой начал рассказывать Кичемкей. — Ноги у того коня круглые, а сам весь из железа.

— Я прошлый раз на Чуйском тракте тоже видел такого, — сказал один из колхозников, пожилой человек в

фиолетовой шапке с зеленой шелковой кистью. — Ночью у него глаза, как два солнца. Прямо взглянуть нельзя.

— Говорят, на самых лучших бегунцах гнались за ним и то отстали.

— Не только лошадь — ласточка отстает.

В те годы рвали динамитом сутулые скалы Алтая, чтобы проложить новый тракт от Бийска до Кош-Агача. Звон кайлы пошел по горам. На новой дороге начали появляться первые автомобили.

Когда Кичемкей в аймачном селе увидел грузовик, у него сердце забилось часто-часто. Ему захотелось поехать на этом чудесном коне. Он обошел вокруг него, круглые ноги руками потрогал, блестящие веки стеклянных глаз пальцами погладил.

Открыв дверку, к нему выпрыгнула из машины румяная девушка. Волосы у ней были светлые, как шелковая кисточка.

— Нравится автомобиль? — спросила она звонким голосом и ласково улыбнулась. — У нас в Куру-Кобе открывается школа по подготовке шоферов. Приезжай. Сам научишься управлять такой машиной. Хорошо?

Кичемкей рассказал колхозникам об этом разговоре и всем понравилось, что их молодого парня зовут учиться управлять железным конем.

— Жизнь стала, как сказка! — воскликнул сосед в фиолетовой шапке. — Такие быстроногие кони были только у богатырей!

— Не снилось нам, что увидим железных коней! — воскликнул старший табунщик.

Старик Иркит долго слушал оживленный разговор, потом, погладив свою редкую седую бороду, прокашлялся и вдруг заговорил:

— Сейчас я вспомнил себя молодым. У каждого молодого бывает любимая девушка. О ней слагают песни. Вот и мы тогда пели:

За шестью высокими горами
Милая моя по мне тоскует.
Я слетал бы к ней сегодня —
Ни коня, ни крыльев нет.
За семью сердитыми реками
Черноглазая моя тоскует.
Я слетал бы к ней сегодня —
Ни мостов, ни лодок нет.

— А теперь, сами видите, — продолжал старик, —
через бурные реки перекинута мосты, через высокие пе-
ревалы проложены дороги. И на тех дорогах появились
кони быстрее ветра, — семь гор перевалят — не устанут.
Был бы теперь молодым, я бы спел:

За шестью высокими горами
Милая моя по мне тоскует.
Шести слов она не вымолвит —
Карие глаза ее увижу.
За семью сердитыми реками
Черноглазая моя тоскует.
Семи слов она не вымолвит —
Грудь ее к своей груди прижму.

Старик умолк, и колхозники похвалили его за песни,
сложенные им.

— Раньше мы в Кош-Агач груз во вьюках возили, —
заговорил старик. — От нас до Кош-Агача триста верст,
а ехать надо было целый месяц. — Бывало, на такие скалы
кони взберутся, что волосы шапку поднимают и пятки
мерзнут. Нередко кони обрывались с высоких скал и па-
дали в мутную Катунь, в дикую Чую-реку. Товар утопишь —
торговец с тебя семь шкур сдерет... А теперь ездить —
одно веселье. Недавно я встретился с одним старым зна-
комым. Спрашиваю его: «Когда выехал из Кош-Агача?»
А он мне отвечает, как взрослый взрослому: «Сегодня
утром». Я даже обиделся: «Давно, говорю, врать научил-
ся? Что тебя сокол принес, что ли?» Он посмотрел на
меня и говорит: «Сокол летает высоко, под облаками, —
я боюсь на нем. На железном коне надежнее, — он по
земле бежит». Я задумался. Мне и до этого сказывали,

что есть железные кони, но я не верил. Какая, думаю, сила у тех железных коней! Откуда она?..

Старик набил трубку, высек искру из кремня, сунул горящий трут в табак и затянулся горьким дымом. Покурив, он заговорил о Сартакпае, любимом богатыре.

Осторожно, чтобы не прервать плавную речь старика, подходили колхозники и мягко опускались на кудрявую траву. Когда старик умолк, парень в лисьей шапке воскликнул:

— Сартакпай, видать работающий был человек! И все для народа хотел лучше сделать. Только, я думаю, тогда не было такого человека. А сейчас у нас богатырей много.

— Интересно, думал ли Сартакпай о железном коне?

— О каком?.. — не расслышав вопроса, спросил старик Иркит.

— Про автомобиль говорит... — разъяснил молодой румяный парень.

— Автомобиль — это очень хорошо, — заговорил опять Кичемкей. — Он — быстрый, как ветер, сильный, как река! А послушней его коня нет! Вчера я видел, управляла автомобилем одна русская девушка. Глаза у ней, как ясное небо... Один раз взглянул на ее коня и сразу полюбил!..

— Только — не коня... усмехнулся парень в лисьей шапке.

— Зря так языком болтаешь... — рассердился Кичемкей. — Коня полюбил. Железного!..

— Пришла бумажка, просят от нас четырех комсомольцев на курсы шоферов, — объявил секретарь комсомольской ячейки, только-что подошедший к кружку. Он хотел еще что-то сказать, но Кичемкей перебил его, воскликнув громко:

— Я первый! Запиши...

— Ты лучший пастух в колхозе, — сказал секретарь. — Разве мы можем тебя отпустить?

— Мама будет пасти овец. Лучше меня.

— Ладно, поговорим на собрании.

Колхозники расходились по домам. Встал и Кичемкей.

Хмурый вечер постепенно завладевал долиной. Горы стояли задумчивые, грустные.

И на лице парня была глубокая задумчивость. Он думал о железном коне, о его огненных глазах, которые сияют ярче луны.

2

Разговоров на собрании было очень много. Некоторые комсомольцы отказывались поехать на курсы. Один отговаривался тем, что он русского языка не знает, другой без конца повторял, что он малограмотный, третьему нельзя уехать от больной матери... А Кичемкея, лучшего пастуха, ребятам не хотелось отпускать из колхоза. Но под конец они, поразмыслив, решили удовлетворить его просьбу.

— Когда ехать? — спросил он, подбегая к секретарю.

— Завтра на рассвете, — ответил тот. — До аймачного села — верхом, а оттуда до самой автобазы — на машине.

— Спасибо, товарищи! — воскликнул парень, обводя глазами всех присутствующих. — Выучусь машиной управлять, буду вам груз перевозить! Самих вас возить буду!..

Домой он бежал, не чуя под собой земли. В юрте весело воскликнул:

— Мама, кипятите скорее густой чай!..

Инчулай подняла на сына тусклые глаза. При свете костра она заметила, что на смуглом лице парня играет небывало яркий румянец. Уши ее слышали восторженные слова:

— Еду, мама!.. Еду!.. Вы знаете богатырей, о кото-

— Нет! — засмеялся Зырянов, — ты уже так не заедешь. Знаю я тебя. Выкладывай.

Тогда Керек-Йок достал из кармана протокол и подал его Зырянову.

— Вот, бумага скажет, читай, Василий Иванович.

Зырянов развернул протокол.

— А-а, Кюньдыбеева рука, сразу вижу. Протокол?

Он поднес бумагу к глазам. Его и без того живое лицо с каждой строкой оживлялось еще больше. Прочитав, он размашисто хлопнул себя по колену.

— Ай-да молодцы! Хорошо! Правильно начинаете.

— Вы же советовали... Вот мы и решили попробовать. За вашей помощью приехал.

— Да это же кирпич в здание социализма! Суметь только правильно положить его. А мы поможем, ясное дело поможем.

Зырянов снова пробежал глазами от начала до конца протокол.

— Так... Значит вы просите для товарищества племенного быка? Что ж, это можно будет. Я познакомлю тебя с нашим заведующим аймачным земельным отделом — Айдаровым. Он сделает... А потом заезжай ко мне домой. Чайку попьем, поговорим...

...Айдаров, заведующий аймачным земельным отделом, перед тем как подписать бумагу, долго вертел ее в руках.

Ему почему-то не нравилось, что товарищество создано так быстро. Вчера утром было первое собрание и вот уже просят племенного быка.

— А вдруг передумает, не даст, — со страхом ждал Керек-Йок.

Но заведующий подписал бумагу.

— Ладно, берите, — сказал он, упираясь руками в стол, накрытый красным сукном, — но только смотрите: бык симментальский, полторы тысячи стоит. А если погубите — две тысячи заставлю платить.

рых в сказках говорится. Достигнув совершеннолетия, они дома не сидят. «Где моя одежда? Где мой конь? — спрашивают они в такие дни. — Старая шуба тела не греет, рукав ее — плохая подушка. По всей земле пойду, а крылатого коня поймаю, крепкое седло на него положу. Весь Алтай об'еду, а друга себе верного найду!..» Вот так же и я...

— Ты решил жениться? — обрадовалась мать.

— Нет, мама, сперва надо найти коня, мудрого, как в сказке...

— Не пойму я тебя. Ты всегда шутишь.

— Честное слово, мама, завтра я — в далекий путь. Овец моих колхоз вам поручает пасти. Скипятите мне густой чай, не скупитесь на соль и сметану. Может, ваш соленый чай мне долго не придется пить.

— Не болтай так, — попросила мать тревожным голосом; взяла старый медный чайник и поставила на железный таган; добавила сухих дров в костер. Она все еще была уверена, что Кичемкей шутит. Да и почему ей не быть уверенной в этом? Ведь она знает, что сын никуда не посмеет поехать без согласия матери. Он не бросит ее. Когда умер отец маленького Кичемкея, она дни и ночи шила баям шубы, мяла им овчины, только бы заработать для сирот горсть ячменя да обглоданную кость. Она делала все для того, чтобы дети не плакали от голода, а сама часто ложилась с пустым желудком. Сын, наверно, знает это. Он должен кормить мать до смерти, а мертвую — похоронить с почетом.

— Какого коня ты искать собираешься? Зачем? — спросила мать сына. — У нас же есть Рыжка.

— Меня, мама, посылают на автомобильные курсы, — сказал Кичемкей. — Выучусь, мне дадут железного коня!

— Еще что придумаешь? — Мать ударила трубкой по головешке. — Хватит болтовни... Никуда ты не поедешь... Ты мне должен отдых дать...

Слова матери были тверды, точно камень. Ничем ее

теперь не сломишь, никакими золотыми речами не смягчишь. Кичемкей молча выпил чашку соленого чая и лег на кровать.

Над горами сгущалась ночь. В дымовое отверстие были видны яркие звезды.

Мать изредка постукивала трубкой, выколачивая пепел. В сухих руках ее жестко шелестел табачный лист, разминаемый в порошок.

— Помните, мама, как мы с вами пасли овец бая Манди? — вполголоса спросил сын. — В холодные весны и в дождливые осени — босиком... Подошвы ног подходили на медвежью лапу...

— Те годы прошли. И те порядки не вернутся.

Мать говорила холодным, строгим голосом, и сын опять замолчал.

В кустах у реки скрипел коростель. Где-то на скалах рывкнул испуганный кем-то горный козел.

Инчулай в четвертый раз достала из-за голенища кожаный кисет с табаком. Трубка стала горячей, и сердце матери билось горячее... Невольно думалось о прошлом. Дни были серые, как крылья журавлей. Беды сделали глаза дождевою тучей. Много раз спрашивала себя в те годы: «Зачем я плачу? Слезами горю не поможешь...» Но остановить слезы было нелегко. В ненастные годы мелкому дождю конца-краю нет.

Когда Кичемкей был маленьким, садила его себе под шубу, на голую спину, и так шла пасти овец. Каждый день пела свою грустную песню:

За спиной ношу ребенка,
Будет ли он взрослым?
Бедность и печаль моя
Сменится ли днями счастья?

«И вот теперь солнце счастливой жизни навсегда вошло над Алтаем. Сын стал взрослым. Жить бы да радоваться... — подумала мать, качая головой. — Но бросает он меня старую, одинокую...»

Тихо спросила сына:

— Ты спишь, Кичемкей?

— Не могу уснуть, — отозвался парень и сел на кровати.

— Я думаю: нельзя ли отказаться от этих курсов? Зачем они тебе?..

— Нет, мама, нельзя. Куда бы ни послали комсомольца, он не должен отказываться. А тут я сам просил...

И мать опять замолчала. Ей вспомнились далекие дни. Когда-то она помогала мужу гнать овец бая Манди, купленных в Монголии. Извилистая тропа привела их на высокие скалы над Чуей-рекой. В самом опасном месте овец переносили на руках. Слева — обрыв, справа — нависшие скалы. А теперь, говорят, там проложена дорога, гладкая и такая широкая, что три телеги могут рядом ехать. По той дороге бегают железные кони. И бегут так, что вихрь едва успевает угнаться за ними. Должно быть очень приятно на таком коне мчаться по горам!...

— А долго учатся на этих курсах? — спросила мать спокойным голосом.

— Полгода... Вы согласны, мама, отпустить меня? Я в один месяц выучусь...

— Согласия пока не даю... Так спрашиваю... — Мать снова вернулась к своему раздумью, но теперь уже иные мысли овладели ею. Она думала о близком будущем. Пройдет полгода и по всем горам разнесется весть: «Сын старухи Инчулай научился управлять железным конем!..» Сын приедет домой, посадит мать рядом с собой в машину и промчит по высоким белым скалам над Чуей-рекой, где когда-то Инчулай помогала мужу переносить овец...

Мать сунула в костер сухое полено. Огонь осветил ее смуглое лицо, и Кичемкей увидел в глазах ее веселую материнскую гордость. Он тихо лег на кровать и спокойно заснул.

Встал он с восходом солнца. Заседлал низкорослого рыжего коня. Выпил чашку соленого чая и пошел из юрты.

— До свиданья, мама. Пишите мне, как вы будете жить. Я вам тоже буду посылать письма.

Второпях два раза сунул ногу мимо стремени. Взметнувшись на коня, взглянул на отару овец.

Мать стояла возле юрты и смотрела вдаль, пока сын не скрылся за густым лесом.

Конь скакал берегом реки. Седок с детства пил воду в верховьях горных речек и не знал, куда они впадают. Теперь впервые он ехал рядом с большой рекой. Глядя на зеленые струи, вспомнил песенку, которую недавно слышал от девушки ойротки:

Катунь весной переплывала,
Видела пестрые гальки.
Аргут зимой переплывала,
Видела белые гальки.

У аймачного села парень замотал коню поводья и отпустил домой, а сам пересел на грузовой автомобиль. К концу дня спутники его заговорили, что уже близко автобаза и что через час машина ворвется в Куру-Кобинскую долину. Кичемкей нетерпеливей всех ждал этот Пустой лог. Вот уже начинались сумерки, а той долины все еще не видно... Вот и звезды появились на чистом небосклоне. Много звезд. А машина попрежнему мчалась к снеговым горам, огибала скалы... Вдруг парню показалось, что темносинее небо с яркими звездами спустилось к земле, а звездная россыпь украсила ровную долину.

— Ой! Ребята, — вскрикнул Кичемкей, — там звезды, как ячмень, по земле рассыпаны! Что это такое?

— Кусок неба обвалился, — пошутил один из спутников.

— Это — куру-кобинские звезды.
— Ты когда-нибудь видел электричество?
— Если бы видел, вас бы не спрашивал.
— На том месте, где горит электричество, как звезды яркие, года четыре тому назад не было ни одного столба. Зимой тут снег не задерживался, летом трава не росла. Потому и название дали — Пустой лог. А теперь видите что?

На пароме переплыли через реку, и машина ворвалась в селение. Кичемкей увидел, что огни горят на столбах и при тех огнях можно в пыли найти иголку. По широкой улице проносились автомобили. Предупреждающе гудели. Кичемкею, ошеломленному бодрым шумом, не хотелось покидать машину и идти в дом, где для курсантов уже были приготовлены койки.

Чудная жизнь началась при ярких огнях.

4

Большие дни шли в шумной Куру-Кобе. Дни упорной учебы, которая была нелегка для Кичемкея, впервые увидевшего машину во всей ее сложности. Ему трудно было учиться еще и потому, что он плохо владел русским языком. Дня Кичемкею нехватало. Часто он просиживал за книгой до полночи, и вскоре у него появились головные боли.

Не раз он думал о девушке, с которой встретился в аймачном селе. Она — шофер. Говорила, что здесь живет. Но почему ее нигде не видно и не слышно ее звонкого голоса? Спросить бы о ней местных жителей, но как спросить? Кичемкей не знает ни имени, ни фамилии.

Парень часто вспоминал, как просто и заботливо объясняла девушка машину: «Это — сирена, голос автомобиля, это повод — куда надо, туда и поворачивай, а вот эта стрелка скорость добавляет и уменьшает, это тормоз...» После такого объяснения Кичемкею показалось,

что для него не составит большого труда овладеть машиной. А сейчас он убедился, что это далеко не так. Несколько человек уже бросили ученье и уехали домой. Из четырех односельчан остались двое. Была бы здесь та русская девушка, она помогла бы Кичемкею. Обязательно помогла бы.

Комсомолец Арбын поддерживал друга:

— Добьемся, Кичемкей, что поводья стального коня будут в наших руках.

— И пустим мы, Арбын, этого коня на полный мах! — отвечал другу Кичемкей.

Во время одного из занятий, когда курсанты изучали мотор, в мастерскую вошел, косолапя ногами, как новорожденный теленок, невысокий праздничношатающийся человек с натянутой на глаза кепкой, с руками в карманах. Увидя алтайцев с частями мотора в руках, он подошел прямо к Кичемкею, ткнул в него пальцем:

— Брось, ничего у тебя не выйдет. Послушай старого шофера...

Кичемкей строго покосился на него, хотел сказать: «Если у тебя нет работы, то немедленно уходи отсюда, не мешай нам». Но русские парни опередили его:

— Гришин, не мешай.

— Смотри, завтра вопрос о тебе поставим на рабоче-
коме.

— Вытолкать его из мастерской немедленно... Ишь, нализался.

Курсанты напали на Гришина, как пчелы на потную лошадь.

— Что за шум тут затеяли? — раздался звонкий девичий голос.

Все взглянули на дверь. На пороге стояла девушка в кожаной куртке, в коричневом шлеме.

— А-а, Нюся, приехала!

— Хорошо ли отдохнула, товарищ Чистякова?

— Ой, да как она пополнила!

Шоферы пожимали девушке руку. Кичемкей узнал ее, но не успел поздороваться, как девушка сама подошла к нему:

— Здравствуйте, товарищ! Очень рада, что вы приехали учиться.

— Я испугался, думал, что вы не вернетесь, — сказал Кичемкей и краска разлилась по его лицу.

— А вы по-русски стали лучше говорить, — отметила девушка, а потом взглянула на шоферов. — Так из-за чего же у вас такой шум поднялся?

— Опять, Анна Васильевна, из-за этого Гришина, — ответил пожилой шофер. — Он хотел было товарища Сондобосова обидеть...

Нюся покосилась на пьяного шофера.

— Почему его до сих пор не выгнали? Давно надо было с начальником поговорить...

Гришин сплюнул через угол рта, быстро повернулся и вышел из мастерской.

— Ты, Сондобосов, на таких людей не обращай внимания, — сказала Нюся. — Мы сегодня же поставим вопрос о его поступках.

Кичемкей молчал. На губах его сияла теплая улыбка. Ему было приятно, что и здесь нашлись друзья и приятели.

5

Упорство Кичемкея побеждало. Начальник курсов однажды сказал ему: «Скоро ты в совершенстве овладеешь автомобилем...»

Это обрадовало парня, и он часто думал:

«Приехать бы на автомобиле в родную долину Садакту. Как бы посмотрели на меня те алтайцы, которые вместе со мной поступали на курсы, а потом сбежали? Мама и старик Иркит, наверно, заждались меня».

Однажды Кичемкей получил письмо, запечатанное в

конверт, сделанный из газеты. Он быстро разорвал конверт и начал читать. Кто-то под диктовку матери написал:

«Дорогой сын Кичемкей!

Что с тобой случилось? Здоров ли ты? Почему так долго не возвращаешься домой? Я устала ждать тебя. Приезжай скорее. Довольно заниматься игрой, нужно работать. Меня колхоз премировал путевкой в дом отдыха. Дома некого оставить. Октябрьскую годовщину праздновали мы очень весело. Секретарь комсомольской ячейки на собрании про тебя говорил много хорошего. Он говорил, что ты скоро получишь железного коня. Но почему ты до сих пор не получил?.. Скорей приезжай домой. Любящий сын должен мать свою при жизни кормить, при смерти похоронить.

Твоя мать Инчулай».

Кичемкей прочитал письмо несколько раз.

Через бумагу, покрытую строчками, он как бы разговаривал с матерью. А потом долго сидел в раздумье.

«Разве я могу уехать раньше окончания курсов? Хотя бы и стосковался о доме?.. Но маме надо помочь... Она должна съездить в дом отдыха. Как же быть? Отпроситься на месяц? Сказать, что обязательно вернусь?..»

Вдруг он вспомнил, что на курсах говорили: «Кичемкей скоро овладеет автомобилем». А Нюся подтверждала: «Будет отличным шофером!» И мысли об отпуске, о доме навсегда покинули его. В глазах загорелись огоньки, губы прошептали.

— Пока не окончу курсы, домой не поеду.

Он схватил лист бумаги. Писал, волнуясь, торопясь, часто лизал карандаш:

«Дорогая моя мама!

Поздравляю вас с большой премией. Я видел здесь одну девушку-шофера. Она недавно вернулась из дома отдыха. Рассказывает, что там очень хорошо. Вот вы, мама, в доме отдыха поправитесь, здоровье укрепите. Я очень рад, что вам дали путевку.

Мама! Вы ошибаетесь: я здесь не играю, а учусь большому делу. Вы пишете: «скоро возвращайся домой.» Мама, по окончании учебы домой не ездят, а работают на той работе, которой учились. Я не могу выполнить вашей просьбы. Но я никогда не брошу вас. Дома оставьте кого-нибудь из соседей. Хотя бы старика Иркита. Как он там поживает? Попрежнему рассказывает свои сказки?

Хотел написать больше, но надо бежать на занятие. До свиданья, мама! Передайте от меня привет всем колхозникам. Скоро я сяду на железного коня и приеду к вам в гости.

Ваш сын Кичемкей».

6

Машину Кичемкей берег. Когда она стояла в гараже, он целыми днями вертелся около нее, очищал от пыли и грязи, протирал мотор.

Он говорил своим товарищам-алтайцам:

— Железный конь пьет бензин. Не попьет — не побегит. Бензин надо беречь.

Когда он во время заправки случайно проливал на землю капли бензина, он осуждал себя:

— Это что за глаза, которые не видят, куда надо лить; это что за руки, которые не берегут бензина!

Вскоре после окончания курсов ему дали распоряжение отправиться с грузом в Кош-Агач.

Перед отъездом председатель рабочкома напомнил:

— Кто хорошо и быстро будет ездить и бережно относиться к машине, тот получит премию.

Комсомольцы вызывали друг друга на социалистическое соревнование. Кичемкей один из первых заявил:

— Я включаюсь в социалистическое соревнование, вызываю товарищей...

Машина рванулась в сторону Кош-Агача. Изви-

листый Чуйский тракт, с отвесными скалами и высокими обрывистыми бомами¹ не страшил Кичемкея. Молодой шофер обладал необходимой решительностью и смелкой. Он говорил самому себе:

— На этих бомах, на крутых поворотах нужно крепко держать стальные поводья железного коня, и все будет в порядке.

Когда нутро железного коня сильно нагревалось, Кичемкей останавливал машину, хватал ведро и бежал к грохочущей Чуе или водопадам Айгулака, черпал воду и утолял жажду быстрого коня.

— Пей досыта... — тихо разговаривал он, будто с живым существом. — Напился? Ну, поедem дальше...

И он опять мчался по каменной дороге, переваливал лысые горы с черными россыпями...

7

Много раз ездил Кичемкей по тракту, много мяса перевез, много шерсти перебросил к железной дороге, много товара доставил алтайским колхозам. Возвращаясь в Куру-Кобы, он всегда чувствовал, как радостно билось сердце.

— Я съездил быстро, без происшествий...

Но были и такие дни, когда на черные глаза его наворачивались горькие слезы. Однажды, возвращаясь из Монголии, он поднимался на гору Буюрель. Вдруг он почувствовал, что у серо-черного коня нехватает сил, чтобы взять один из крутых подъемов. Задние колеса беспомощно крутились на одном месте. Неожиданно сердце машины остановилось, не было слышно ни шума, ни рокота. Кичемкей выпрыгнул из кабины, открыл мотор. Долго и внимательно осматривал все части. Глаза его стали сумрачными.

¹ Бом — скала, по которой проложена дорога.

Айдаров прищурил и без того узкие глаза, сквозь ресницы посмотрел на Керек-Йока. И Керек-Йок ответил:
— Не погубим. Только бы вот Аза-Ялан взять.

Айдаров сначала не понял:

— Аза-Ялан взять? У кого?

— У Кудеи. Почему она сидит на самой хорошей земле, а мы на камнях да болотах. Мы просим вас приехать и переделить землю.

Айдаров усмехнулся.

— Сначала научитесь работать.

Керек-Йок вспылил:

— У кого нам учиться! У Кудеи, которая сама никогда не работала? Мы будем учиться у тех, кто пользовался нашим трудом!?

Керек-Йок сунул в шалку подписанную бумагу и вышел, не попрощавшись.

2

Слух о племенном быке быстро разнесся по урочищам Ортолойского аймака.¹

— У Керек-Йока, наверное, в голове не все ладно. Слышали, привел для своих коровенок чужестранного быка. И что это за бык! Не тот ли это Туу Ээзи², о котором у нас рассказывают в сказках? Чудовище, а не бык. Задавит он коровенок Керек-Йока.

— Да, никогда еще этого на нашей земле не было. Кобылы с жеребцами, коровы с быками. А сын Йорыкина привел для коров заморского зверя.

— Ну, Керек-Йок ведь из рода Мундусов. А кто не знает поговорки: «Там, где быки без коров соберутся — новой корове не родиться, где одни мундусы соберутся — там жизнь прекращается».

¹ Аймак — район.

² Туу-Ээзи — хозяин гор, в представлении язычников принимавший образ быка.

— Если бы это случилось на Чуйском тракте, где день и ночь ходят машины, мне не пришлось бы так долго стоять. Проезжие шоферы дали бы запасные части. А здесь что я буду делать?

Кругом — песчаные просторы, холмистая степь. Не видно ни одного жилья.

Хотя время шло медленно, но осеннее солнце уже начало бороздить верхушки лысых гор, намереваясь упасть за далекие каменные шпильки. Кичемкей смотрел вдоль по тракту, не покажется ли где облачко пыли, поднятой автомобилем. Нигде ничего...

Спустились черные сумерки. На синем небе зажглись яркие звезды. Холмы и сопки исчезли. Тихо подкрадывалась ночь.

Мысли Кичемкея рассыпались, как звезды. Больше всего страшило его то, что он находится в безлюдном месте. Кто знает, что ждет ночью. Вдруг нападут грабители? Что тогда?.. Ведь груз в автомобиле — государственная собственность. Он не находил себе места. В правой руке сжимал заводной ключ от машины.

— Если кто попытается напасть на меня, я государственную собственность без борьбы не отдам...

Он залез в кузов и там прилег. Взгляд его был устремлен в темносинее небо. Яркие звезды сплошь покрыли небосклон, они лежали, как ячменная крупа в чугунном казане.

— Как много сегодня звезд на небе!

У Кичемкея в голове дум не меньше, чем звезд на небосклоне.

Прошло много времени. Как Кичемкей ни боролся с дремотой, сон одолел его. Вдруг ключ выпал из рук и загремел о железо кузова. Шофер вскочил, схватил ломик и зорким взглядом обвел машину.

Вскоре пришло утро, хмурое, нерадостное. Ни в той, ни в другой стороне не было видно ни одной машины, ни пыли, ни дымка.

Вот и солнце взлетело над далекими снеговыми вершинами. Кичемкей почувствовал жажду. Потом ему страшно захотелось есть. А кругом попрежнему ни души.

Черные мысли кидали парня в дрожь:

— Как я буду ночевать здесь вторую ночь? Вдруг узнают грабители?

Перед вечером со стороны Кобдо появился столб пыли. Кичемкей обрадовался. Но спустя полчаса по дороге с шумом промчался вихрь, и опять холмистой степью завладела тяжелая тишина.

Молчаливая машина казалась мертвой и огромной. Сколько ни бился молодой шофер, а без запасных частей не мог оживить ее.

Опять упало солнце за острые шпили. Небо покрылось тучами.

Кичемкея мучил голод. По всему телу разлилась усталость. Губы потрескались, язык опух. Парень открыл радиатор и, зажмурившись, пропустил глоток неприятной воды. От черных дум разламывалась голова.

— За что я здесь страдаю? Не лучше ли пешком отправиться в Кош-Агач.

Он туго подтянул опояску, нахлобучил шапку на голову и двинулся. Но, не сделав и пяти шагов, остановился, как будто кто-то схватил его за одежду. Укоризненно зазвенели чьи-то слова:

— Постой! Ты куда? Ведь тебя на эту работу выдвинул комсомол. Тебе поверили, что ты никаких трудностей не испугаешься. А ты...

Круто повернувшись, он пошагал к машине. С прежней твердостью повторял знакомую фразу:

— Если налетят грабители, буду отстаивать государственное добро до последней капли крови.

С ледников дул холодный ветер. Кичемкей не мог уснуть всю ночь. Веки, казалось, омертвели, глаза резало до боли.

На следующий день Кичемкей почувствовал сильную слабость в теле, руки и ноги отказывались двигаться.

Оттого, что он двое суток ничего не ел, дальние горы из черного камня казались ему теперь желто-красными.

Две бессонные ночи совсем ослабили Кичемкея. Ему казалось, что время остановилось. Он лежал на земле, смотрел на густые звезды и не видел их.

В полночь сон поборол его. Он не почувствовал, как наступил рассвет, поднялось солнце, теплые лучи обогрели парня.

Вдруг где-то у самой машины раздался громкий крик. Что это такое? Кичемкей вскочил, сжимая увесистый ключ, готовый расколоть врагу голову. Его била дрожь. Обернувшись, он увидел рядом с машиной секретаря комсомольской ячейки автобазы.

— Товарищ Ваня! — захлебываясь радостью, вскрикнул Кичемкей.

Позади машины секретаря стояло еще несколько грузовиков. Шоферы спешили к Кичемкею.

— Что случилось?

— Серьезная поломка?

— Трое суток на этом месте... — рассказывал Сондобосов. — Ни крошки хлеба, ни капли воды. Вы, наверно, услышали, что я здесь стою и приехали меня выручать?

Ваня Морозов осмотрел машину Кичемкея и пошел к своей за запасной частью. А высокий шофер с русым пухом на верхней губе притащил мешок с хлебом.

— Держи, только сразу много не ешь. Это теперь тебе вредно.

Не прошло и часа, как сердце серо-черного коня забилось уверенно. И сердце Кичемкея встрепенулось. Он подбежал к секретарю и крепко сжал его руку, а потом прыгнул в кабину и громко бросил:

— Три дня ты стоял на выстойке, негодяй! Теперь, наверно, быстрее стрижа полетишь?! Ну!..

Прошло больше года с тех пор, как Сондобосов покинул родные места.

Снова исчезло из долин горностаевоe одеяло снегов. Горы оделись в нарядные платья из шелковистых трав и густых россыпей цветов. Быстрые реки весело зарокотали. Птицы запели весенние песни.

Сотни раз промчался Кичемкей на своем железном коне по Чуйскому тракту, от Бийска до Кош-Агача, тысячи тонн грузов перевез.

Письма из дома он получал часто, но сам писал редко, — нехватало времени. Мать не раз упрекала его за то, что ни разу не приехал в гости. Когда Кичемкей узнал, что из аймачного села протянут до колхоза телефонный провод, он тотчас же побежал к аппарату. Попросил родной колхоз. Ответил знакомый старческий голос. Говорил Иркут. Они узнали друг друга. Кичемкей попросил его сходить за матерью.

Инчулай долго не хотела верить, что с ней разговаривает сын, живущий за полтора ста километров от колхоза. Но когда он напомнил о ночном разговоре и о последней чашке густого чая, приготовленной матерью, Инчулай почувствовала, что слышит дыхание сына и биение сердца его.

— Когда же ты приедешь в гости ко мне? — спросила она и, не удержавшись, укорила сына. — Совсем забыл старуху...

Прошло несколько недель. Кичемкей получил премию — экскурсионную путевку в Москву и в Ленинград. Получив путевку, Кичемкей заговорил о том, что давно не видел мать, и начальник автобазы сказал ему:

— Завтра Нюся Чистякова отправляется за грузом в Бийск. Я скажу, чтобы она по пути завезла тебя в колхоз.

Ровно в пять утра машина Нюси вышла в сторону

Бийска. За рулем сидел Кичемкей. А рядом с ним — Анна Васильевна.

— Счастливый ты, Кичемкей! — сказала девушка. — Скоро увидишь красную столицу. Посмотришь город Ленина. Побываешь в музеях. Не забудь в Москве съездить на автозавод.

— Ты, Нюся, тоже счастливая, — сказал парень. — Учиться поедешь.

— Откуда ты знаешь?

— Сам начальник сказал. А ты мне почему-то не хотела говорить об этом. Только зря так... Я тоже буду просить, чтобы меня послали учиться...

Машина мчалась по ровной Урскульской долине. Мелькали телеграфные столбы.

Впереди уже виднелась деревня Кастакту, а за ней знакомая остроконечная гора, разделяющая долину Бешпек и Садакту. Здесь Кичемкей провел свое детство. Здесь он, босой и полуголый, пас овец бая Манди. По этим тропам ездил на своем неразлучном друге — Рыжке. Теперь он по тем же тропам с быстротой птицы пролетел на своем новом друге — железном коне.

По правую сторону речки расположились юрты колхозников. Обитателей их, услышав незнакомый шум, бежали навстречу машине. От дальних юрт скакали на лошадях.

Кичемкей остановил автомобиль возле своей юрты. Рыжка, стоявший у коновязи, испугался железного коня, порвал повод и ускакал на гору. Мать Кичемкея, когда она увидела, что Рыжка убежал, бросило в дрожь. Она готова была обругать виновников.

Из кабины вышла Нюся. За девушкой выпрыгнул Кичемкей. Они направились в юрту.

— Здравствуйте, мама!

Парень в хромовой куртке, в новых сапогах, в шлеме и в кожаных перчатках подошел к Инчулай, протягивая руку.

Мать узнала сына, и от радости по морщинистым щекам ее потекли слезы. Утираясь концом опояски, она тихо спросила:

— Сынок, значит такой-то у тебя конь теперь?

— Мой конь остался в Куру-Кобе, а этот — товарища Чистяковой.

Кичемкея окружили друзья детства, расспрашивали о жизни, о работе. Возле машины стояли школьники. За ними старики, опершись на костыли; поодаль — женщины с грудными детьми на руках. Кичемкей с большим трудом пробрался сквозь толпу к автомобилю и надавил сигнальную кнопку. Толпа хлынула во все стороны. Люди падали, давя друг друга, кричали:

— Ой! ой! что это такое?

Степенные мужики медленно пятились и полушутя просили шофера:

— Кичемкей! Заставь своего коня еще немного поржать.

А потом, снова окружив машину, расспрашивали:

— Ты где сидишь во время пути? Где твое седло?

— А поводья где? Как ты его останавливаешь?

В стороне стояло несколько молодых парней. Они не поздоровались с Кичемкеем и не подходили близко к машине. Они боялись, что вот сейчас шофер громко и торжественно спросит их:

— А где ваши железные кони? Что вас заставило бежать с курсов? Убежав из Куру-Кобы, что вы хорошего сделали дома?

Нюся подошла к шоферу.

— Ну, Кичемкей, покажи колхозникам, как железный конь умеет быстро бегать.

Старики Еркемей и Иркит, перебивая друг друга, упрашивали:

— Покатай, Кичемкей! В старое время мы обучали диких байских лошадей... Знаешь? Сколько раз они нас калечили... Не пожалей своего коня, прокати...

— Садитесь, товарищи! — сказал Кичемкей. — Мама, вы садитесь вот сюда...

— Что ты! Что ты, сынок! — разохалась старуха. — У меня голова кружится, я не могу...

Ее никто не слушал. Колхозники подхватили старуху подмышки и посадили в автомобиль. В это мгновение она вспомнила старые пословицы: «Если упадешь с коня — подстилкой будет грива лошади, если упадешь с коровы — подстилкой будут рога коровы».

И с испугом спросила сына:

— А если упадешь с этого коня, что будет подстилкой?

Старик Иркит подумал:

«Правду говорили большие начальники, что придет время, колхозники будут из золотой чашки воду пить. Придет такое время! Вот я уже сейчас поеду на железном коне!»

Кичемкей занял место шофера, включил мотор. С правой стороны села Нюся.

Машина загудела и стремительно рванулась вверх по долине, навстречу улыбающемуся небу, голубым горам.

Всадники провожали ее криком, шумом, песнями. Некоторые пытались догнать, но это никому не удалось.

Перевод А. Коптелова.

СОДЕРЖАНИЕ.

С. Кожевников. Первые страницы алтайской литературы 3

І. СТИХИ

Зажглась золотая заря	26
Аркыт. Перевод Н. Алексеева	36
Арбачи. Перевод В. Непомнящих	41
Алтай. Перевод И. Мухачева	50
Катунь. Перевод И. Мухачева	53
Чемал. Перевод В. Непомнящих	54
Чепош. Перевод Е. Стюарт	56
На сенокосе. Перевод В. Непомнящих	58
Охотник. Перевод В. Непомнящих	59
Смерть Янар. Перевод Н. Голштейн	62
Она. Перевод Е. Стюарт	66

II. ПРОЗА

Чейнеш (пьеса). Перевод Г. Павлова	67
Аза-Ялан (повесть). Перевод Н. Добычина	107
Тойчи (рассказ). Перевод Г. Павлова	167
Ямы (рассказ). Перевод А. Коптелова	186
Железный конь (очерк). Перевод А. Коптелова	219

Н. Кучияк. В родных долинах. Новосибирское областное государственное издательство 1939 г. Индекс X-1-в. Изд. № 38.

Редактор С. Е. Кожевников. Технический редактор В. И. Лазарев.
Корректор С. С. Гайнетдинов. Художник И. В. Титков.

Сдано в набор 19/VI 39 г. Подписано к печати 19/IX-39 г. Формат 70×108/32. Объем: 3,75 бум. л., 7,5 печ. л., 12,2 уч.-изд. л., 65500 тип. зн. в печ. л. Тираж 10000.

Уполн. Обллита № Б-5199. Цена книги 3 р. 60 к. Переплет 1 р. 40 к.
Новосибирск, типография № 1 Облисполкома, Красный пр-кт, № 20.
Заказ № 108.

— Позавидовал сын Йорыкчина семье Кудай-Бергена. Богаче их захотел стать. Для этого и привел чужого быка.

Э-э! Куда ему тягаться с ними. Кто не знает про белый камень, который хранится в аиле Кудай-Бергена...

— Да уж, куда там Керек-Йоку с Кудай-Бергеном тягаться! Хотела ворона за дикими гусями в теплые страны лететь, да крылья обломала.

Так судачили враги, так говорили непонимающие, наученные в Аза-Ялан. Говорили и без Керек-Йока, заочно, не стеснялись и при нем — в глаза говорили. Керек-Йок чаще отделялся молчанием, а если уж очень кто больно заденет — ответит поговоркой:

— Тощий теленок хорошей коровой может стать, бедный человек сытой жизнью может зажить.

В животноводческое товарищество «Дяны-Дел» — «Новый путь» — пока всего восемь хозяйств вступило, но и это не убивало Керек-Йока. Чтобы приободрить смельчаков, он говорил:

— Ничего. Лучше иметь маленькую кучку зерна, чем большой ворох мякины. Из маленькой кучки целая гора зерна вырастет, к восьми членам товарищества тысячи других присоединятся. А когда нас много будет, тогда мы все сможем сделать.

— Верно, — поддерживал старик Челапан. — В связке дров тепла больше, у народа, собравшегося вместе, силы больше. Мы своего скота хотя и не имели, а ухаживать за ним умеем лучше Кудай-Бергена. Верно ведь?

...Керек-Йок лежит на спине, из трубки, зажатой в зубах, вьется коричневый дымок. В дымоходное отверстие видно ночное небо. И кажется Керек-Йоку, будто сказочный богатырь водой серебряной¹ в небо брызнул — брызги звездами по белому небу горят.

¹ Серебряной водой у алтайцев называется ртуть.

В такую же вот звездную ночь, в 1919 году, Керек-Йок провожал своего хозяина за границу. Лучших коней оседлал Кудай-Берген для жены и детей. А сам сел на темно-гнедого рысака, которого он купил у самого коннозаводчика Аргымая.

На шесть двухколесных таратаек нагрузил он свое имущество: меховую одежду, ковры, серебро и золото. Дети Кудай-Бергена плакали: «Когда же вернемся мы в родную Аза-Ялан?» Не вытерпели и Керек-Йок с Челапаном, заплакали.

Кудай-Берген плачущих детей своих не замечал, но у Керек-Йока и Челапана слезинки на глазах сразу заметил.

— Не плачьте, мои верные работники, силы своей напрасно в слезах не растрачивайте. На дела она вам пригодится. Тебе, Керек-Йок, поручаю я свои табуны. Охраняй их от жадности красных. Возьми вот эту винтовку трехлинейку. Нападут красные — не подпускай их к табунам, стреляй пока пули есть.

Кудай-Берген рукавом шелковой синей шубы пот с лица смахнул, еще раз посмотрел на своих батраков.

— Ну, прощайте, мои милые, пищи я вам надолго оставил. А будущим летом я вернусь из Монголии...

Дымок из трубки Керек-Йока струится, серебряные звезды на небе горят. «Какая дурь на нас с Челапаном нашла тогда, — в раздражении думает сейчас Керек-Йок. — Почему все обиды, оскорбления, всю жизнь свою на Кудай-Бергена затраченную, мы забыли тогда?»

Зашуршала лиственничная кора на аиле. На Керек-Йока пахнуло холодом. «Как тогда на вершине «Терехты», — поежился Керек-Йок.

Шестнадцать конских табунов, соединенные вместе, угнал тогда Керек-Йок на Терехту, под самые ледники, в крутую котловину. Со всех сторон суровые снежные горы неприступной крепостью окружают ее. Только одной дорогой можно проникнуть туда снизу. Но кто, кроме Керек-Йока, знал ее? Никто... И жил там Керек-Йок с хо-

зайскими табунами больше году, ни одного человека не видел. Зимой ветры, морозы лютые, но и летом не легче. Днем высокогорное солнце печет, ночью дыхание ледяных хребтов пронизывает...

Случилось это в июльскую ночь, на рассвете. Перед этим несколько суток подряд шли дожди. На Керек-Йоке насквозь промокла шуба. Как суслик, которого выливают водой из норы, дрожал он ночью. Костра разжечь нельзя: костер мог привлечь человека. Но очень уж холодно было в ту ночь Керек-Йоку, не вытерпел он, нарушил приказ Кудай-Бергена, разжег костер. Одежду просушил, согрелся и заснул. Но чуток сон пастуха — хрустнул где-то сухой можжевельник, вскочил Керек-Йок. За трехлинейку схватился.

— Бросай ружье! Руки вверх! — крикнул кто-то из предрассветного тумана.

Керек-Йок припал к земле и начал стрелять по чуть заметным в тумане пятнам. Несколько выстрелов сделал, и вдруг застрял в стволе раздувшийся патрон. Пока возился с ним Керек-Йок, люди тесным кольцом окружили его.

— Живым взять!

Керек-Йок отбросил ружье, метнулся к кедру, где на сучке висела его опояска с охотничьим ножом. Но только протянул руку, — кто-то ударил прикладом в спину.

— Расстрелять его! — услышал он над собой. — Бандит!

Керек-Йок лежал на земле, боясь открыть глаза. Вот кто-то взял его за плечи, чтобы поднять на ноги, но в это время раздался новый голос:

— Стойте. Откуда вы знаете, что он бандит?

Как видно, это был начальник, потому что сразу все послушно смолкли. Но Керек-Йока удивило не это — голос начальника показался ему знакомым. Где-то он уже слышал его. Керек-Йок открыл глаза. Вокруг были вооруженные люди. Ближе всех к нему стоял высокий белоку-

рый человек, опоясанный через плечо ремнем шашки. Где-то видел его Керек-Йок, но где?..

Белокурый пристально смотрел ему в глаза, спросил:
— Керек-Йок Йорыкчинов?

Керек-Йок кивнул головой. Теперь он узнал этого человека. Это был Василий Иванович Зырянов, который когда-то вместе с ним работал у Кудай-Бергена, а потом ушел в город и с тех пор его уже не видели в горах.

— Ты что же это, со своими воюешь? — строго спросил Зырянов, — что ты делаешь здесь?

Керек-Йок рассказал о поручении Кудай-Бергена.

— Ах вот оно что! — насмешливо протянул Зырянов, — за хозяйское добро воюешь?

— Он Каралдая ранил, смотрите, — крикнул один партизан по-алтайски.

— Расстрелять его, — подхватили другие.

Но Зырянов тут же оборвал их:

— Подождите, товарищи, нельзя обманутого пастуха расстреливать. Возьмем его с собой, а там посмотрим...

Так кончилась одинокая жизнь Керек-Йока на Терехте. Он оказался среди людей, которые имели право убить его, но не сделали этого. И никто из них больше не вспоминал этой встречи на Терехте. С ним приветливо обращался даже Каралдай, которого сам Керек-Йок ранил из трехлинейки Кудай-Бергена.

Керек-Йок долго не понимал, почему эти люди считают его своим, почему они простили ему его выстрелы. Он внимательно вслушивался в каждое слово. Ему хотелось понять, что объединяет их — алтайцев и русских, — что заставило их бросить дома и семьи, уйти в горы, где каждый камень угрожал смертью.

...Около юрты залаяла белая собачонка Керек-Йока. Керек-Йок прислушался. Когда собачонка ненадолго смолкла, послышался конский топот. К юрте кто-то подъехал. «Кто это ночью?» — вставая, подумал Керек-Йок.

Когда он открыл дверку, приехавший уже привязывал к коновязи лошадь. Керек-Йок прикрикнул на собаку и та, поджав хвост, спряталась за аил и смолкла. Гость, нагнувшись, вошел в аил, молча сел к очагу.

Керек-Йок собрал в кучу головешки на очаге, подложил сухого хвороста. Вспыхнувшее пламя заиграло в черном блестящем шелке, которым была покрыта шуба гостя, осветило широкий, по-овечьи загнутый вниз нос, румяное полное лицо. На губах у гостя блесло сало — следы жирного ужина.

— Что, не узнаете? — улыбнулся гость.

Он медленно вытянул из-за голенища кожаный кисет, достал трубку, набил ее табаком, прижег от уголька, три раза затянулся дымом — хорошо ли горит — и подал ее Керек-Йоку. Потом взял привезенный с собой тяжелый ташаур¹ и тоже протянул его хозяину. Керек-Йок молчал. Гость почтительно склонил голову.

— С тех пор, как умер за праницей мой отец, вы, с детства меня знающий, отца мне и старшего брата заменяете. Из молока вами же вскормленных коров эта арака приготовлена. Не откажитесь, выпейте.

Голос у Рыса густой и мягкий — медом слова текут.

Керек-Йок два раза руку к ташауру протягивал и снова, как от горячих углей, отдергивал ее. Только в третий раз он взял ташаур.

Когда горячая арака у него в крови заиграла, он осмелел.

— Ну, Рыс, чего ты от меня хочешь? Не скрывай, говори прямо.

— Я... Я... — Рыс заикался, — я приехал совета одного у вас попросить... — Рыс почти до шопота понизил свой голос, словно засыпающего ребенка увидел и боялся его разбудить, — мне кажется, что так, как мы сейчас живем, в будущем трудно жить. Вы начали большое и

¹ Ташаур — кожаный сосуд, в котором алтайцы возят араку — водку, приготовленную из кислого молока.

хорошее дело. Но мне кажется, надо иметь на руках очень много скота, чтобы товарищество стало крепким.

Керек-Йок перебил его:

— А какого совета ты хотел спросить? Про наше дело нам с тобой нечего говорить. Большое оно или маленькое — это время покажет.

— Я... я хотел спросить, примете ли вы меня в свое товарищество? Я половину своего скота в ваше стадо пригоню.

Сказав это, Рыс вынул из-за пазухи бумагу и подал ее Керек-Йоку. У Керек-Йока сдвинулись брови, задержались губы. Казалось ему — будто змею в руках держит.

— Один я не могу этого решить, — сдерживая гнев, ответил он гостю, — оставь заявление, посмотрим, что скажут мои товарищи.

Рыс снова почтительно поклонился.

— Заранее благодарю вас. Мы ведь, как дети ваши выросли. Никогда в помощи своей вы не отказывали нам. Надеюсь, и в будущем ваше доброе сердце отзовется на наши просьбы.

Он встал и вышел.

— Ха! «Как дети ваши выросли»! — вслух подумал Керек-Йок. — Стыда у человека нет. Забыл, как еще мальчишкой выстрелил в меня из дробовика за то, что я лошадь не во-время оседлал ему. Сейчас еще дробинка где-то в ноге у меня сидит. Забыл, как его отец к зайсану¹ меня вызывал.

Пришел тогда Керек-Йок к зайсану Тапы. Сидит, вокруг него шесть кудечи.²

— Почему ты, Керек-Йок, подать не платишь? спрашивает Тапы.

А Кудай-Берген услужливо улыбается:

— Керек-Йок заплатит, он может платить...

¹ Зайсан — родовой старшина.

² Кудечи — исполнители при зайсане.

К а р а (открывая глаза). Ан... Андрей... брат... Чей-неш!

Ч е й н е ш. Жив! Жив мой Кара!

К у р е е в (встал). Товарищи красноармейцы, уберите этот труп (показал на тело Козуйта).

(Красноармейцы унесли труп Козуйта.)

К а р а (приподнимаясь). Просчитались, подлые бандиты! Кара — живой!

Ч е й н е ш. Милый... родной мой! (Помогает ему встать.)

К у р е е в. Да. Мы — живы. Сильны. Непобедимы... И мы уничтожим всех врагов Советской власти!

З а н а в е с

Перевод Г. Павлова.

Не удержался тогда Керек-Йок:

— Чем я платить буду? Я скот ваш пасу, мне ничего от него не достается. Белку убью и ту вам отдаю. Мужское отличие свое, что ли, вам отдам?

Рассердился Зайсан.

— Ну-ка, кудечи мои, побрейте его сухим ножом.

Кудечи схватили Керек-Йока, слезы из глаз его ручьем текли, голова, как в огне, от боли горела...

— Почему Кудай-Берген не заступился за меня? «Как дети выросли»... Волки вы...

Керек-Йок бросил заявление Рыса в огонь и лег спать.

3

Медленно с'езжались жители урочищ Йолду и Марчале на собрание. Назначили на раннее утро, но вот солнце достигло уже зенита, а около юрты Керек-Йока не было еще и половины нужных людей. Да и те, кто приехал, начинали уже раскаиваться, в своей поспешности.

— Сидим здесь, ждем их, а они по аилам араку теперь пьют.

Лошадь с утра заседланная стоит, спина под потником сопреет.

— Да, сколько раз собираемся, никак решить не можем. Что за вопрос такой...

Люди сидели прямо на траве, поджав под себя ноги. Такие разговоры вызывали в них еще большее нетерпение. Они начинали передвигаться с места на место, шурша шубами, сердито сплевывая горькую от непрерывного курения слюну. В упреках этих прямо не называли имени Керек-Йока, но ему и без того было понятно, к кому они относятся. Он встал, поднял руку.

— Товарищи! Из двух урочищ должно собраться двести сорок хозяев, а из них половины еще нет. Как быть?

— Открывать! Открывайте собрание! — закричали алтайцы.

Керек-Йок, не возражая им, протянул еще несколько времени. Кое-как набралось сто сорок человек.

Доклад делал сам Керек-Йок. Начал он прямо с Аза-Ялан:

— Заведующий земельным отделом и наш аймачный землемер говорят, что Аза-Ялан не годится для деревни. Я думаю, — им оттуда плохо видно. По-моему, они ошибаются немножко! Попробуйте об'ехать весь наш аймак и вы не найдете такого удобного места, как Аза-Ялан. Я немножко думал об этом. По-моему, всю низину, где речки сливаются, надо огородить поскотиной. Пашню и сенокос там сделать... Землю разделим среди всех жителей Йолду и Морчале, а остальные места пустим под общие пастбища. Смотрите, сколько места захватил себе Кудай-Берген! Верхом не об'едешь. А где живете вы? В камни, в болота загнали. Правильно это?

До этого Керек-Йоку никогда еще не приходилось выступать перед собранием с такой длинной речью. А ведь он так много думал об этом, он так уверен в своей правоте... Керек-Йок замолчал. Вокруг завозились, закашляли. Какой-то старик, не прося слова, сердито сказал:

— В Аза-Ялан проезжие никогда не останавливаются, а вы деревню строить!

— Понятно, — закричал человек, которого Керек-Йок сразу узнал по голосу — это был Чалма, один из батраков Кудай-Бергена, — там же стоянка чорта!

Чалма вскочил на ноги, как будто он боялся, что его не услышат. Он поспешно перебросил на левое плечо рыжую косичку, которая всегда болталась у него перед глазами, схватился правой рукой за реденькую бороденку и все собрание увидело, что у него рукав замасленной шубенки оторвался и держится на одной ниточке. Когда Чалма поднял руку, у него обнажилась вся воло-

сатая подмышка. Но все-таки самым примечательным у Чалмы была нижняя губа.

Раньше Чалма обучал молодых лошадей Кудай-Бергена. Много лет назад один норовистый жеребчик лягнул его и рассек губу. Рана со временем зажила, но рубец так и остался. Это придавало лицу такое выражение, как-будто все время Чалма кого-то передразнивает. Вот этот самый Чалма и выступил сейчас против Керек-Йока и, что хуже всего, многие поддерживали его нелепые возражения. Керек-Йок терпеливо выждал, пока не улеглись крики. Заговорил он горячо и насмешливо:

— Я не знал, что Чалма так хорошо запомнил все сказки, услышанные от своего хозяина. Неужели вы не понимаете, что это сказки! Кудай-Берген прожил в Аза-Ялан больше сорока лет. А черти его взяли как раз в другом месте. За границей. Да что говорить о покойнике! Мы с Чалмой сами немало годов прожили в Аза-Ялан и все-таки живые, вот разговариваем здесь, спорим.

Керек-Йок разгорячился, ему легче стало говорить, слова непрерывным потоком лились с его языка. Но его почти никто не слушал. Одни дремали с открытыми глазами, другие передавали друг другу кисеты.

Были среди расположившихся на зеленой траве и такие, которые с завистью посматривали на голубые дымки, идущие из юрт урочища Йолду.

— Ай, арака свежая, наверное, начинает из аппарата капать. Кончал бы скорее, а то остынет арака, крепость свою потеряет...

Очень трудно было говорить Керек-Йоку, как будто он марала¹ по весеннему насту гнал. Поддержка пришла неожиданной. Поднялся старик Челапан.

Из седых, свалявшихся как овечья шерсть, волос у

¹ Марал — горный олень. Главная его ценность заключается в рогах, которые издавна применяются в тибетско-китайской медицине.

него торчала мышинным хвостиком заплетенная косичка. По морщинам лица, как по желобам, струился пот.

— Я вот семьдесят лет около Аза-Ялана прожил, а чорта ни разу не видел. А кто его видел? Сам Кудай-Берген выдумал его, чтобы в долине сидеть. Помолчал бы лучше Чалма, не показывал бы народу свою глупость!..

Челапан передохнул и закончил:

— По-моему, правильно Керек-Йок говорил. Надо городить поскотину и жить в Аза-Ялан самим.

Челапан, продолжая стоять на ногах, близоруко осмотрел сидящих вокруг себя алтайцев, словно проверяя — какое впечатление произвели его слова. Вот из среды женщин встала делегатка Эзе. Она выставила вперед правую руку с дымящейся трубкой, опустила вниз покрасневшее от волнения лицо.

— Женщины наши всю жизнь мяли для Кудай-Бергена кожи, стригли его овец, доили его коров, одежду ему шили, варили араку... Если женщины боятся чорта, можно бы еще слушать. А когда мужчины про чорта болтают... противно слушать... Тьфу! — Эзе плюнула и села на место.

Среди сидящих началось движение. Люди, смеясь, переглядывались, пускали в сторону Эзе острые шутки.

— В мужское дело ты бы хоть не лезла, — ворчали женщины, молчала бы, что тебе надо?..

Керек-Йок спросил, хочет ли еще кто-нибудь говорить. Желающих не нашлось, Керек-Йок пожалел, что нет Кюньдыбей — его вызвали в аймак. А уж Кюньдыбей обязательно за него сказал бы! И говорит он хорошо. Но делать было нечего, пришлось Керек-Йоку ставить свое предложение на голосование:

Кто за то, чтобы требовать передела Аза-Ялан — поднимите руки.

Руки подняли все до одного. Керек-Йока это удивило.

— А кто протів? Поднимите руки!

И опять руки подняло все собрание.

— Не понимают еще, — с огорчением подумал Керек-Йок.

Тогда Керек-Йок сделал иначе: он еще раз рассказал свой план и попросил согласных на раздел Аза-Ялана и городьбу своей поскотины отойти вправо, а не согласных — влево. Алтайцы, шурша загрузевшими от дождей шубами, поднялись с земли.

В правую сторону отошли двадцать человек, все остальные сгрудились в левой стороне, вокруг Чалмы

4

С собрания Керек-Йок вернулся больным. У него стучало в висках, ныло в коленях. Словно оттягивая минуточку одиночества, он зашел сначала в наскоро построенный сарай, где стоял племенной бык. Алып¹ (так называли быка) вытянул навстречу дымчатую шею, посмотрел большими влажными глазами. Керек-Йок ласково потрепал его по загривку.

Ничего, Алып, все равно возьмем Аза-Ялан. Там земля хорошая. Овес будет расти, душистое сено. Ты ведь любишь это, я знаю.

Как будто в знак согласия, Алып открыл розовую свою пасть, высунул жирный шершавый язык, лизнул Керек-Йока в щеку.

В аиле было сумрачно и неуютно. «Чаю бы сейчас горячего, — с грустью подумал Керек-Йок. — Была бы жива Ногон»... От этого воспоминания Керек-Йоку стало еще грустнее... Он раскурил трубку, сел около холодного очага, посмотрел на грудку белесосерой золы. Он знал — не надо в такие минуты думать о Ногон, но все мысли помимо его воли возвращались к ней, к молодости...

¹ Алып — богатырь, силач.

В молодости Керек-Йок был красивым парнем. Энергичное смуглое лицо, черные глаза, на редкость для алтайца большие и круглые. И, несмотря на сросшиеся на переносьи темные брови, лицо у Керек-Йока было веселое и приветливое. Он всех встречал улыбкой. Только серьги в ушах немножко портили его — не к лицу мужчине такое украшение. Но сделать с этим Керек-Йок ничего не мог — родители повесили ему серьги, когда он был младенцем. Дело в том, что до Керек-Йока у них родилось уже три мальчика и все умерли. «Злые духи всех мальчишек к себе берут», — думали родители, когда у них родился четвертый. Они решили обмануть злых духов и превратили мальчика в девочку. А имя ему нарочно похуже дали — Керек-Йок — ненужный, чтобы злое внимание духов отвратить...

Керек-Йок вырос в сильного, красивого парня. На него даже Базым, молодая дочь Кудай-Бергена, не раз заглядывалась.

И один раз она заговорила с ним.

— Керек-Йок, ты женишься на мне? — спросила она.

Керек-Йок принял это за насмешку. Он сел на коня и, ничего не сказав, поехал. Базым не ожидала этого. Она в злобе вырвала из косы шелковую кисточку и бросила ее в след Керек-Йоку.

А Керек-Йок и не думал о женитьбе. Куда ему, батраку, жениться! У него и аила-то нет.

Как-то Керек-Йок спускался верхом с гор, где он пас лошадей. Он ехал в Аза-Ялан за табаком и сырчиками. Спускается в долину и видит — в стороне от аила Кудай-Бергена стоит старый кошечный аил, которого раньше здесь не было. Керек-Йок не обратил на это особого внимания. Кудай-Берген сколько захочет, столько и наставит аилов в Аза-Ялан. Батраков не спросится!

Подъезжает Керек-Йок к хозяйскому аилу. Вышел оттуда к нему навстречу сам Кудай-Берген.

— Зачем же ты, милый сынок, сюда едешь? — лас-

ково заговорил он, — поезжай в свой аил теперь, там тебя жена ждет.

Керек-Йок от неожиданности повод из рук выпустил. По телу у него озноб пробежал... Никогда не видал девушку, не знает — какая она. А нарушить волю хозяина нельзя...

Подъехал к аилу, с трудом привязал лошадь к коню-вязи — руки не слушаются. Вошел в аил.

На женской стороне сидит девушка. Она закрыла рукавом шубы лицо, но Керек-Йок узнал ее. Это была Ногон, тоже батрачка Кудай-Бергена. Так же, как и Керек-Йок, Ногон рано осталась сиротой. Они знали друг друга с детства, общая участь сдружила их, но о любви они никогда не думали.

Керек-Йок смущенно посмотрел на девушку. По рукаву ее шубы катилась слезинка.

— Якши ба?¹ — тихо поздоровался Керек-Йок.

— Якши, — еще тише ответила Ногон...

Восемнадцать лет они прожили вместе и ни разу сердце Керек-Йока не загоралось большим чувством любви к этой женщине. Разлука никогда не вызывала у Керек-Йока тоски по жене.

Не очень он тосковал о ней и на Терехте, когда больше года жил там один с табунами Кудай-Бергена. А потом — встреча с партизанами. Через месяц пребывания в отряде, он попросил у Зырянова ружье и сам стал партизаном. А когда кончилась война, вернулся домой Керек-Йок, но Ногон уже больше не видел. Пришли без него бандиты в Аза-Ялан. Схватили они ни в чем неповинную Ногон. «Твой муж хозяина предал? Это он с партизанами связался?» Долго они издевались над Ногон. Уже полумертвую повесили на дереве. Так больше и не видел ее

¹ Якши-ба? — т. е. «хорошо ли все?» или «как живете?»

Керек-Йок. Только когда выслушал от соседей эту страшную весть, почувствовал Керек-Йок, как дорога и близка была ему эта женщина, разделившая с ним восемнадцать лет тусклой безрадостной жизни.

Была бы жива Нюгон... Легче бы вместе было. Сколько огорчений, неудач приходится переносить одному. Разве сказала бы Нюгон то, что сказал ему вчера сосед Кознаш:

— У тебя же, Керек-Йок, нет ни детей, ни братьев. Ты один, тебе места и без Аза-Ялан хватит. Зря ты затеял это.

Керек-Йок горячо ответил:

— У меня нет, а у тебя есть, у других есть. Не за себя, за всех надо стараться.

...Долго сидел Керек-Йок с такими мыслями. Чай пить не хотелось. Поставил Керек-Йок перед собой чашку, трубку снова набил табаком. Густой коричневый дым закружился из нее. «Из ста сорока только двадцать на моей стороне»...

Керек-Йок еще раз затянулся дымом, и у него как-то неожиданно возникло решение: «Завтра поеду в Ортолой, в аймачный комитет пойду. К Василию Ивановичу. Он поможет».

Керек-Йок хотел уже укладываться спать, чтобы утром раньше подняться, но в дверь постучали.

— Кто там?

— Откройте, это я, Малтас, — услышал он в ответ взволнованный голос.

Керек-Йок впустил Малтаса, подбросил в очаг хвороста.

— Что так поздно? Полночь уже...

Малтас сел к очагу.

— Ну, рассказывай, что у тебя за дело.

— У меня коней нет, вы знаете. Мне Кудея дала одну лошадь. «Езди — говорит, — на ней, сено за это будешь ставить». Ладно. Я ставил им сено. Всею семьей ко-

сили... А сегодня приехал Рыс и отобрал у меня лошадь. Врагом теперь меня считает за то, что я на собрании на твою сторону перешел... Как теперь жить буду?..

Малтас повернулся к Керек-Йоку. Лицо у него бледное, испуганное.

— Зря вы вражду с ней ватеяди, — тихо сказал он, не поднимая на Керек-Йока глаз. — Аза-Ялан у нее все равно не взять.

Керек-Йок насмешливо покачал головой.

— Ах, ты! «Не взять!» «Как жить без них буду?» Да что это за слова!.. Ты сколько лет у Кудай-Бергена батрачил? А что получил за это? Ничего. И сено опять, говоришь, Кудее ставил. Так ты посчитай, кто кому должен-то...

Малтас молчал.

— Не отдавай лошадь, — продолжал Керек-Йок, — ничего они с тобой не сделают. Пускай судятся. Наша власть на их сторону не встанет...

Керек-Йок говорил горячо и уверенно, но успокоить Малтаса ему никак не удавалось.

Малтас попрежнему сидел молча, уставившись глазами в огонь. У него давно уже погасла трубка, но он не замечал этого.

Керек-Йок прав. Малтас не даром пользовался лошадью Кудеи. И корову, которую дала ему Кудея, держа он у себя не даром. Он брал от нее молоко, но всех ее телят выкармливал и отдавал Кудее. Но все-таки со стороны Кудеи это была помощь. Керек-Йок думает, что Малтас пришел сейчас жаловаться на Кудею и Рыса. Нет, разве он имеет право жаловаться на них? Разве от них или от него зависит жизнь человека? Так уж сотворил всевышний Ульгень. Одних он сделал богатыми, других — бедными, но все они одинаковы перед Ульгением. Разница только в кровном роду — в сеоке. Одни из сеока Мундусов, другие — Чоросов. А они вот, и Кудея и он, Малтас, из сеока Маймандаров. Они все составляют

как бы одну большую семью. И Кудея — самая старшая и сильная в семье, она — мать. Пойти против нее — большое преступление. Этим вызовешь гнев Ульгения, отдашь себя во власть злых духов. Страшные несчастья и беды постигнут тогда человека. Об этом говорила сама Кудея, об этом же всегда говорят и шаманы, которым дана сила общаться с богами.

Как мог Малтас забыть все это и перейти на сторону Керек-Йока... Он сделал это вчера сгоряча, под влиянием плохих людей, и только уже оставшись наедине с собой он понял — на какой страшный шаг толкнул его Керек-Йок. Но может быть Керек-Йок тоже сгоряча пошел против своих бывших хозяев? Или его не так поняли? Когда Малтас шел к Керек-Йоку, у него была надежда, что так оно и есть. Но он услышал, как Керек-Йок еще раз, открыто и без всяких оговорок, объявляет себя врагом Кудеи. Ее врагом он считает и его, Малтаса. Малтас совершил тяжелое преступление. Что будет теперь? Наказания уж начинаются. Сегодня приехал Рыс и отобрал лошадь, потом он отберет и корову. Люди, около которых жил Малтас, отвернулись от него и он остается на земле один, без скота, без денег, в ожидании еще более горьких бед. У Малтаса в голове все шло кругом.

Малтас встал, сунул за голенище трубку.

— Куда ты? — спросил встревоженный Керек-Йок, — оставайся у меня, ночуй.

Малтас даже не взглянул на Керек-Йока. Он вышел сгорбившись, словно тяжело больной.

Керек-Йок долго не мог заснуть после его ухода. Он досадовал на себя, что не мог успокоить человека, объяснить ему.

Может быть он вернется еще?..

Но Малтас не вернулся.

В эту ночь он повесился на сухой лиственнице в Аза-Ялан, внутри изгороди.

Труп его нашли утром.

АЗА-ЯЛАН

1

Затихли овцы в пригоне, сбившись в тесный кружок. Дожевывают в полусне свою жвачку коровы. Пахнет парным молоком и кислой шерстью.

Поздний вечер... Алтайцы закрылись в своих конусообразных аилах¹ и спят вокруг остывающих очагов. Ложатся рано: скот отощал за долгую холодную зиму и теперь его надо подольше держать на очистившихся от снега пастбищах.

Не спит только Керек-Йок. Он лежит в своем одиноком аиле и смотрит в открытую дверь.

Черная ночь ползет из Марчалийского ущелья. Тяже-

¹ Аил — жилище, то же, что и юрта.

Словно круги от брошенного в воду камня, разошлись по алтайским долинам слухи о самоубийстве Малтаса. Они переходили от человека к человеку, из аила в аил, обрастали подробностями — странными и малоправдоподобными.

Вот встретились на тропинке двое верховых, остановились в тени одинокого косматого кедра.

Они стараются говорить тише, прикрывают ладонями рты, чтобы ветром не унесло их слов. Солнышко давно уже скрылось за горами, пастухи гонят овец к аилу, а они все еще говорят. Это шаман Айду и Чалма.

Айду уже стар стал, сгорбился, глаза у него слезятся. И голос стал еще тише прежнего.

— Все это дурной сын Йорыкчина. Это он в Аза-Ялан тянется. Да разве можно там жить... Вот увидите, и сам Керек-Йок вслед за Малтасом пойдет.

— Да, — соглашался Чалма, — хорошо, что я на его сторону не пошел...

Такие разговоры шли после смерти Малтаса по урочищам Йолду и Марчале.

Как апрельские ночные заморозки не останавливают весны, так никакие слухи не могли остановить людей, вышедших отвоевать долину Аза-Ялан. Но были случаи, когда на враждебные разговоры поддавались и такие, на которых больше всего надеялся Керек-Йок. Как-то встретился с ним старик Челапан, отозвал его в сторону:

— Скажи, Керек-Йок, я новость одну слышал, правда ли это?

— Какую новость?

— А вот говорят люди... Теперь для наших коров чужого быка привели. Порода чтобы другая пошла... А потом и для наших женщин мужчин чужих...

Керек-Йок даже договорить старику не дал, настолько рассердило его это.

— Ты! Старый человек, первый член товарищества, как не стыдно тебе повторять разговоры врагов...

— У меня ведь уши-то есть, куда денешься? Слушаешь... — пытался оправдаться Челапан. — Знаешь, ведь, старый, как малый. Всему верит, пока умный человек правду не скажет.

Больше Челапан не заводил таких разговоров.

Рыса в товарищество не приняли, хотя некоторые настаивали:

«У него скота много, и деньгами богат. Без него трудно будет. Из одних бедняков какой толк!» А некоторые даже предлагали председателем его сделать:

— Он грамотный. И отец у него из зайсанского рода был. Они знают, как надо большие дела вести. Да если и с быком что случится, ему заплатить легче.

Сам Рыс о себе никогда ничего не говорил. «За меня пускай люди говорят, это лучше», — решил он. Но чтобы люди за него высказывались, для этого он немало старался.

— Кто хочет курить? Вот, пожалуйста, хороший табак, курите, — с такими словами частенько протягивал он алтайцам свой кожаный кисет.

При отце сам Рыс не курил. Но он хорошо знал, как еще его отцу помогал табак налаживать хорошие отношения с людьми. Уж баи умели расположить к себе, когда хотели!

Отец Рыса, Кудай-Берген, всячески старался упрочить за собой звание хорошего человека.

Часто он предлагал:

— Чем эту бересту березовую пить, — приходи ко мне, китайский чай возмешь. Чем стебли табачные курить, — листового табаку у меня возьми.

Рыс очень хорошо изучил все эти приемы отца. Отдав кисет, даже не смотрел, у кого он. Чем дальше кисет уходил от Рыса, тем Рыс больше радовался... «Пусть угощаются, каждая табачная крупинка хорошим словом

ко мне вернется». Беспокоил его только Керек-Йок. Этого за табак не купишь. Как с ним быть?

— Товарищи, — говорил однажды Керек-Йок на собрании в своем аиле, — Рыс человек грамотный, бывалый, капитал у него есть. И, все-таки, пара ли нам он — бывший наш хозяин?

— Мы ведь не у него, а у его отца батрачили, — возразил кто-то.

— Правильно, — спокойно ответил Керек-Йок. Но ведь богатство отца перешло к нему, а не к нам.

— Пускай богатые с богатыми об'единяются, а бедные с бедными, — как будто соглашаясь с Керек-Йоком, говорил кто-нибудь, — и в поговорке говорится: сила — с силой, лыжа — с лыжей. У нас сила между собой одинаковая. Мы в одну сторону, а Рыс пускай по своей силе себе товарищей находит.

— Правильно, — соглашалась Эзе.

Тогда вскакивает со своего места Кюньдыбей и зло кричит:

— Нет, неправильно! Нечего говорить загадками и путать самих себя. Бойтесь сказать ему прямо? Бойтесь обидеть... Как же, сын Кудеи, хозяин... Посоветуем ему по своим силам товарищей подобрать. Авось согласится, не будет к нам больше проситься... А кто ему позволит кулацкое товарищество собирать? Советская власть не глупая. Мы собираем товарищества из бедняков и середняков, чтобы легче было бороться с кулаками, чтобы жить и работать на самих себя. А тут приходит этот матерый кулак и просится в товарищество, или возьмет да по вашему совету свое организует... Вот до чего довели вас ласковые загадки! Да его на ружейный выстрел не надо к себе пускать! И сказать об этом прямо! Бояться нечего.

Кюньдыбей сел на место. Аил Керек-Йока, где происходило это собрание, погрузился в глубокую тишину. Слышно, как на огне потрескивают лиственничные дро-

ва. Алтайцы молчали. Но уже не из боязни перед Рысом — им стыдно за самих себя...

И Рыс это понял. Он посмотрел кругом. Глаза у него злые, зелеными огоньками горят, губы судорогой сводит. — У кого мой кисет? Верните, пожалуйста.

Вернули ему кисет — тощий, сморщившийся. Рыс три раза мимо голенища сунул его и только в четвертый раз попал. Глубоко, до щиколотки, засунул. Встал. Полы шубы запахнул, подтянул опояску и вышел из юрты.

6

Эзе проснулась от холода. Она высунула из-под шубы лицо; посмотрела на дымное отверстие. Солнце еще, как видно, не взошло. Небо было темносерое, сумрачное.

Эзе встала. Дети, все трое, лежали под одной шубой, плотно прижавшись друг к другу. У младшей девочки из-под шубы торчала голая нога, посиневшая от холода. Эзе поспешно укутала девочку, поправила под детьми кошму.

Тарбаган, ее муж, спал около самого очага, он даже не открыл глаз, когда Эзе поправила на нем сбившуюся на затылок шапку.

Эзе склонилась над очагом. На головешках виднелись белые пятна, словно они были посыпаны солью. Эзе тронула их рукой — снег...

— Да, — вслух сказала Эзе, — зима с длинной шеей пришла.

И тут же она подумала: «Как-то там Алып в сарае. Бык нездешний, не привык к нашим холодам».

Она поспешно накинула на себя шубу, вышла из аила. Вся долина, горные склоны, деревья — все кругом было покрыто молочно-белым шелком. Сверху, медленно, вкось, падали крупные редкие снежинки. Небо висело низко, покрытое серо-белесыми тучами. Только на востоке, над вершиной Казан-Ту, похожей на опрокинутый

вверх дном котел, тучи были багрово-красные. «К несчастью», — вспомнила Эзе примету.

Недалеко от аила, прямо на земле, лежали коровы. От коров шел пар, шерсть у них была забита влажным снегом и все они казались одноцветными-светлосерыми. Под боками у них снег таял, видна была темнорыжая земля.

Эзе не подошла к коровам с ласковым словом, как это она делала всегда. Эзе беспокоил Алып, за которым ей был поручен уход.

По мягкому скрипучему снегу Эзе прошла к сараю. На двухскатной крыше сарая толстым слоем лежал снег. Снег пушистыми хвостами свешивался с косяков, лежал в пазах между бревнами. Эзе взялась за скобку и охлопок снега упал с верхнего косяка ей на голову, проник за ворот шубы. Поеживаясь, Эзе вошла в сарай.

Она любила утром навещать Алып. Стоило ей только открыть дверь, как бык вставал со своей теплой подстилки, мыча, вытягивал ей навстречу свою жирную шею.

Но на этот раз Алып почему-то не встал. Эзе встревоженно всматривалась в синеватую темень сарая. Подождала. Ни звука. Эзе поспешно прошла к стойлу. Алып привязывали к столбу железной цепью. Цепь была на столбе, но второй ее конец оказался заброшенным за бревенчатую перегородку, отделяющую сарай от сенника. Эзе тронула его рукой. Цепь врезалась в дерево. Она даже не дрогнула — как будто была вылита из одного куска железа. Эзе привстала на цыпочки, заглянула за перегородку. Алып всей своей тяжестью висел на цепи с той стороны перегородки. Передние ноги у него не доставали до земли. Эзе заглянула в его мутные остеклявшиеся глаза. Алып был мертв.

Эзе долго стояла в оцепенении. Фиолетовые круги плыли перед глазами.

— Куда теперь идти? Что делать?.. Керек-Йок вчера еще уехал в Ортолой и не возвратился.

Эзе словно пьяная вышла из сарая.

...Керек-Йок в это время говорил с председателем аймачного исполнительного комитета Зыряновым о постройке теплого скотного двора. Зырянов отнесся к этому очень одобрительно.

— Хорошее дело, — говорил он, — не зря ваше товарищество называется «Новый путь». Будете умело и бережно быка содержать, — на год английского жеребца дадим.

Керек-Йок был так обрадован обещанием, что всю ночь не спал — ночевать ему пришлось в Ортолое — лежал и думал:

— Хорошо будет. На будущий год породистые телки пойдут у нас, а еще через год будут и жеребята от английского жеребца. Поймут тогда алтайцы, пойдут в товарищество. А хозяйств сто будет, тогда посмотрим, кому достанется Аза-Ялан...

Домой Керек-Йок вернулся около обеда. Еще из-за речки увидел он толпу около сарая. «Что там такое? — подумал Керек-Йок, — стоят, сгорбившись, на землю все смотрят...» Подъехал ближе — увидел трех дерущихся собак, перелетающих с кола на кол сорок. Но и тут в голову ему не пришло, что это с Алыпом что-нибудь плохое случилось. А когда к самому сараю подъехал, с быка уже половину кожи содрали. Остановился Керек-Йок, молча смотрит. Повернулся к нему Челапан. Правую руку с окровавленным ножом в сторону отвел, левой пот со лба смахнул, глазами замигал. А рядом с ним на коленях стоит Эзе. Из глаз у нее падают слезы.

Долго молчал Керек-Йок. Наконец, спросил:

— Раны есть?

— Нет, — разом трое ему ответили, — на изгороди задавился.

— Как нет! — рассердился Челапан, — а на спину ему посмотрите. Палкой, наверное, били. Сквозь кожу кровь не вышла, а под кожей синяки, смотрите,

— Вот! — сынишка Эзе протянул ему толстую березовую дубину в аршин длиной, — вот она, этой, наверное, били.

Дубина пошла по рукам. Все рассматривали ее, ощупывали, как будто она могла рассказать что-нибудь.

Керек-Йок стоял и думал: «Палки такой около сарая никогда не было». Он каждую соринку здесь помнит. Да и бык всегда стоял спокойно. Но кто мог бить его этой палкой? И зачем?

...Как встревоженные пчелы улей свой покидают, так члены товарищества, двумя несчастьями напуганные, из товарищества стали выходить. Они приходили по одному к Керек-Йоку, не глядя ему в глаза, просили:

— Вычеркните меня из списка.

Из двадцати семи хозяйств в товариществе осталось только шесть. Среди них — старик Челапан.

Эзе тоже осталась в товариществе, несмотря на ругань мужа.

А злые языки не унимались. На Керек-Йока со всех сторон сыпались насмешки и обвинения.

— Как муравьев скота у Кудеи, ни одна голова не погибнет, а Керек-Йок одного быка завел и тот удавился.

— Разве не говорили ему: «Не летай ворона за дикими гусями, крылья обломаешь»...

— Да, старики не зря говорят: «Сегодняшняя печенка слаще завтрашнего сала». Так оно и выходит.

Не осталась равнодушной к этому событию и Кудея — вдова Кудай-Бергена. Она собирала вокруг себя людей и, поглаживая правую косу, дрожащим голосом говорила:

— Эх, жаль чудаков. Да как же это они взялись разводить скот! Это ведь не от нашего желания, это от бога все зависит, от всевышнего духа Алтая...

Горе — к горю, забота — к заботе. Будто пожар в сухостойном лесу распространилось по алтайским урочищам известие о новом несчастье.

Семь месяцев землю покрывающий снег растаял от жаркого весеннего солнца, от едких ветров. Забурлили по ущельям и долинам ручьи и реки, как будто они в быстроте между собой состязались.

Освобожденные от снега горные склоны и долины покрылись зеленой травой, цветами. Огромными пожарами горели на лугах оранжево-огненные Кюнын-Гельди — снохи солнца, на жирных стеблях покачивались густо-алые цветы чейне. Пахучей белой пеной цветения закипали кусты черемухи, таволожника и калины. Сочно шелестели молодой листвой березы и осины. В ярко-зеленый шелк оделись медноствольные лиственницы. Даже кедры и сосны стали ярче и нежнее. Загудели на лугах пчелы, залетали яркие бабочки.

Особенно радостной была эта весна для товарищества «Дяны-Дел» — «Новый путь». В десятках гладкошерстных крепконогих телят возродился этой весной образ погибшего симментала.

Появился теленок и у рыжей коровы старика Челапана. Счастливый хозяин показывал его всем, кто бы, ни побывал у него.

— Видел какой! Один десяти стоит.

Появились такие телята не только в хозяйствах, оставшихся в товариществе, но и у тех, кто из него вышел. Эти радовались в тиши, про себя, — стыдясь своих опрометчивых поступков.

— Вот как получилось, — смущенно думали они.

Облегченно вздохнул Керек-Йок. Спина у него прямее стала, глаза повеселели, как будто он помолодел на десять лет.

— Вот теперь можно и к Зырянову поехать. Насчет английского жеребца поговорить... Пусть приедет, посмотрит...

Вечером поднялся ветер. Дым не поднимался через дымоходное отверстие — он весь оставался в аиле. В аиле было душно и сумрачно. У людей видны были только красные лица, освещенные пламенем костра. Чалму с трудом держали трое мужчин, он яростно бился у них в руках, обливался потом.

— Пустите меня! — кричал он надорванным голосом, — я в воду пойду брошусь. Пустите!

Он на минуту затихал, но потом снова начинал метаться и кричать.

— Кто из воды меня вытащил? Кто в огонь меня бросил? Кто в лед меня сунул? Кто?..

— Керек-Йок из воды тебя вытащил, — успокаивала его жена Балай, — он спас тебя, домой привез, ты дома, Чалма, очнись.

У Балай глазные впадины слезами наполнены, обычно выпуклые щеки ввалились от бессонных ночей, как у старухи. Как над ребенком сидит она день и ночь около бьющегося в горячке мужа.

Три дня тому назад Чалма гнал с гор лошадей Кудеи. В табуне было много маленьких жеребят. Табун надо было перепнуть через реку Урсул. Урсул — река буйная, каменистая. Поскользнулся о камень один жеребенок, подхватила его шальная волна и понесла. Испугался Чалма, не раздеваясь, с лошади в воду бросился... Но слишком легок и слаб человек, чтобы урскульскую воду осилить. Сбило Чалму водой, закружило, потащило вниз, прямо к белопенным ревущим порогам. Кое-как уцепился Чалма за острый, выдающийся из воды камень... Но как на берег выбраться? Стоит только оторваться от камня, — подхватит волна и унесет в пороги. А там смерть... Никто еще никогда не выбирался из ревущих порогов.

Долго кричал Чалма с камня, звал на помощь... Первым услышал его возвращавшийся из Ортолая Керек-Йок. С берега ему была видна только голова Чалмы. Ке-

рек-Йок поспешно направил свою лошадь в воду. Подехать к самому Чалме было нельзя. Лошадь еле-еле держалась на ногах, еще два-три шага — и ее сбило бы с ног... Керек-Йок установил ее головой против течения, быстро развязал тороки¹, достал аркан и бросил его Чалме. Так, на аркане, он и вытащил Чалму на берег, посадил его впереди себя на лошадь и привез домой.

Ночью у Чалмы началась горячка. Балай плакала:

— Чужой скот спасая, жизнь свою не жалел. А за единственной своей коровой посмотреть некому. Я больна, и ты вот слег... увязла в болоте корова и подохла. Как жить теперь будем?

Чалма семь суток лежал без памяти.

Ночами он бредил, выкрикивал какие-то непонятные слова, порывался куда-то бежать. Соседям с трудом удавалось успокоить его и уложить в постель. Керек-Йок вызвал из Ортолая врача...

Только через месяц встал Чалма с постели. У него осунулось, вытянулось лицо, он еле держался на ослабевших ногах.

— Поеду к Кудее, — сказал он, — буду просить у нее корову. Надо ведь чем-нибудь кормиться. Из-за ее жеребенка все это случилось.

Кудея встретила его ласковая, печальная.

— Дорогой ты мой, знаю, какие страдания выпали на твою долю. Знаю.

А когда он заговорил о корове, она нахмурила брови, взяла в правую руку тяжелую серебряную серьгу, потянула ее вниз, чуть мочку уха не оторвала.

— Неблагодарный ты, Чалма, ах какой неблагодарный! Ты моего лучшего жеребенка в Урсуле утопил, я ничего тебе не сказала. И корову бы, может быть, дала тебе. Мне для бедняков ничего не жалко... Но ты знаешь, сколько уже раздала я их, сколько в налог сдала, сколь-

¹ Тороки — ремешки, которыми привязывают к седлу вещи.

лая и густая, она расползается по широкой долине. Из аила кажется, что этой влажной тьмой набухает земля в долине. Земля поднимается вверх, сливается с темными склонами гор. Тьма не дошла еще до вершин и они верблюдными горбами стоят в мутно-сером небе.

Но вот постепенно растаяли во тьме и верхушки гор. Квадрат незакрытой двери стал непроницаемо черным...

Ночь. Чуть слышно потрескивают дрова на очаге. Из ночной тьмы доносится протяжная песня. Какой-то молодой парень тоскует о своей возлюбленной:

Все звезды в небе зажглись —
Только полуночной звезды нет.
Все девушки на оин¹ сошлись —
Только милой моей нет...

Слабый ночной ветерок унес эту песню вниз по течению речки Марчале и снова затихло все... Но неустойчива тишина весенней ночи. Из леса, который темной стеной подступал сзади к аилу, доносились новые звуки — тихие, нежные, как будто сыплются камушки в глубокую воду. Это крылатый зверок бабырган², плавно перелетая с дерева на дерево, ищет свою пушистую подругу.

За рекой, в долине Аза-Ялан, хрипло залаяли собаки. Керек-Йок насторожился, словно этого лая он только и ждал.

Он знал — это лают огромные черные псы вдовы богача Кудай-Бергена.

Сам Кудай-Берген умер в Монголии. В гражданскую войну он сбежал туда от красных партизан. Но его вдо-

¹ Оин — алтайская групповая игра. Парни и девушки рассаживаются в круг и поют по очереди, раскачиваясь всем телом в такт песне.

² Бабырган — зверок-грызун. У русских, в Сибири, он называется летягой. Ноги у бабыргана соединены с телом широкой перепонкой. Прыгая, он разбрасывает ноги, и растянутые перепонки, как крылья, держат его в воздухе.

ко на мясные заготовки зарезала... Самим теперь без молока придется сидеть.

Так и вернулся Чалма домой ни с чем. С тех пор характер у него стал совсем другим, как будто болезнь какую-то рану оставила в его сердце. Ходит он мрачный, почти ни с кем не говорит, все о чем-то думает. И спать беспокойно стал — как будто страшные сны ему все время снятся, как будто тяжесть его давит какая-то. Только днем иногда не надолго рассеется, заговорит с Балай.

— В речку Керек-Йок свалился бы, или с коня упал бы... Или бревном бы его в лесу придавило...

— Зачем ты зла ему желаешь? — удивлялась Балай, — разве не он спас тебя? Разве не он врача к тебе вызвал?

— Я знаю, что много он для меня добра сделал... Но чем я отплачу ему за это? Чем?.. В речку бы он упал — я на берег бы его вытащил. С коня бы упал — я на ноги поднял бы его. Бревно бы на него упало — я сам бы на себя это бревно принял.

Балай только вздыхала, слушая мужа. Она не знала, как ответить на его странные слова.

... Как-то в летний день около юрты Керек-Йока, под жарким солнцем, собрались алтайцы из Йолду и Марчале. Среди них был и Чалма. Он три раза с места на место пересаживался, как будто под ним вода была, сухого места не мог найти. Он даже не слышал, о чем говорили на собрании. Его мучила какая-то своя мысль. Но вот он быстро пересел на четвертое место, поближе к столу, решительно поднял руку:

— Товарищ Керек-Йок, можно мне слово сказать?

Все алтайцы удивленно повернулись к нему... «О чем он сказать хочет? Никогда на собраниях не говорил»... А сидящая среди женщин Кудея даже улыбалась во все свое полное белое лицо. Приподнялся на колени и Рыс, сидящий среди парней. Он распахнул шубу с лисьим во-

ротником, поправил на голове черную бархатную шапку с опушкой из выдры, с красной шелковой кистью на макушке.

Чалма медленно встал, подошел к столу, за которым сидел Керек-Йок. Ему было жарко, он хотел распахнуть свою рваную овчинную шубенку, но долго не мог найти пуговицу.

Собрание затихло. Все ждали.

— Товарищи, — заговорил, наконец, Чалма, — может быть мое слово не относится к тому, что здесь говорится. Но все-таки я хочу сказать... Вот за столом сидит Керек-Йок Йорыкчинов. Мы с малых лет с ним вместе у Кудай-Бергена работали. Он никогда ничего мне худого не сделал. Он жизнь мне спас. Это все знают. Но я... Я большое зло против него сделал. И против всех вас, теперь я знаю это...

Алтайцы с мест приподнялись, настороженно шеи вытянули. У многих трубки во рту погасли, но никто не замечал этого. «О чем хочет сказать Чалма?.. Какое зло?»...

Чалма опустил глаза вниз. Голос его стал глуше.

— Вы все помните, как погиб у нас племенной бык... Люди азаяланских чертей еще больше испугались... Начали из товарищества выходить... Большой вред это несчастье принесло товариществу, а больше всего — его председателю, Керек-Йоку. Вот и теперь... Товарищество сильнее стало. Дела у них хорошо идут... И все-таки многие еще быком его попрекают. Не могу я слушать этого... Я — чорт из Аза-Ялан... Моя рука березовую дубину держала... Я задавил быка... Своих прежних хозяев послушался. Вот... Хотите — прощайте меня, хотите — накажите... Не могу я больше так жить...

У Чалмы подогнулись в коленях ноги, он упал на табуретку, уронил голову на стол, заплакал...

Все молчали. Рыс в испуге переглянулся с матерью. Ему хотелось сейчас, чтобы под ним земля провалилась и поглотила его. Кудея молча встала, подошла к коновя-

зи, где среди других лошадей стоял ее рыжий, под серебряной сбруей, конь.

— Вот они, какие черти хозяйствуют в Аза-Ялан! — тихо сказал кто-то.

Эти слова, как искра в сухую траву, упали. Поднялся шум, крики. Кричали все — старики, дети, женщины. Одни требовали немедленного суда над Кудеей и Рысом, другие слали проклятья в сторону Чалмы.

Тогда встал со стула Керек-Йок. Он подошел к Чалме, взял его за плечи, повернул к себе лицом. Собрание затихло. Все ждали, что скажет Керек-Йок, сын Йорыкина.

8

Разбросала осень на весь Алтай свои наряды. В бледно-желтые, оранжевые и багряные покрывала оделись на горных склонах леса. Ощетинились колючим жнивьем редкие полоски убранного ячменя. Пожелтела, засохла трава на пастбищах. Только в Аза-Ялан, по берегам Йолду и Марчале, словно наперекор осени, ярко зазеленела отава. Почерневшие от дождей стога сена еще больше подчеркивали эту яркую зелень.

Отава зеленела в Аза-Ялан и в прошлую осень, и в позапрошлую. Но какая польза от этого была жителям соседних урочищ? Никакой. Они не имели права пустить туда ни одной козы: там пасся скот Кудеи.

Теперь дела обстояли иначе. Кудею с Рысом осудили за преступления против колхоза. Их выслали из Аза-Ялан, и эта просторная плодородная долина теперь принадлежала всем.

Как только на высокогорных пастбищах пожухла трава, все алтайцы устремились со своим скотом в Аза-Ялан. Скот гнали со всех сторон. Каждый спешил первым попасть на отаву. Многие тащили с собой свои аилы и ставили их по берегам рек, тут же, где пасся их скот.

С утра до вечера в Аза-Ялан раздавался стук топоров, звучали оживленные голоса, смех, песни. Всюду из конусообразных, вновь поставленных аилов струился голубой дым. Пахло перегаром араки...

Как чувствовал себя Керек-Йок? В страшные сказки о чертях Аза-Ялан теперь никто не верил. Несчастье, которое раньше приписывали дурному характеру Керек-Йока, объяснялось. Народ стал верить в успех дела, затеянного Керек-Йоком. К нему каждый день приезжали люди и просили записать их в «Дяны-Дел». Теперь это было уже не товарищество из нескольких человек, живших, по существу, как раньше — каждый по-своему, — это была сельскохозяйственная артель. Шестьдесят семь хозяйств слились вместе. У каждого в отдельности было немного скота, но у всех вместе получились изрядные табуны. А если прибавить сюда все то, что Керек-Йоку удалось в кредит получить в Ортолое... Плуги, сеялки, соломорезки, сепараторы... Племенной бык, диковинное погибшего Алып... Английский жеребец... Да, хозяйство получилось богатое. А придет время, в табунах появятся десятки новых породистых телят и жеребят. Начнутся посевы ячменя и овса...

Колхозу было чем жить сегодня, есть чего ожидать и завтра. И, несмотря на все это, Керек-Йоку не все нравилось из того, что творилось сейчас в Аза-Ялан. Он старался делать иначе.

В то время, как все бросились со скотом на отаву, Керек-Йок продолжал держать колхозные табуны в горах. Он собирался держать их до тех пор, пока в горах не упадет глубокий снег. Тогда можно перегнать стада на отаву в Аза-Ялан, где снега не бывает почти всю зиму: его уносит ветром. Так можно продержать скот лишних полтора месяца на подножном корму. На остальное время до новых пастбищ хватит сена, которое успели заготовить колхозники. Заготовили его, кто не ленился, и единоличники. Но они плохо рассчитывали. Отава вскры-

жила им головы, и они хотели стравить ее как можно скорее, словно боялись возвращения Кудеи.

Керек-Йок мог бы установить свой порядок, хотя бы на своей колхозной земле, но дело в том, что аймачный земельный отдел до сих пор не провел землеустройства.

Айдаров давно обещал это сделать, но пришел сенокос, во время которого было немало споров, настало время перегонять скот на отаву, надо начинать зяблевую вспашку, а земля все еще не разделена. Когда Керек-Йок снова поехал к Айдарову, тот рассердился.

— Куда вы спешите! Да и зачем вам нужны обязательно какие-то документы? Пашите, где нравится, и все. Потом сделаем.

Ждать было нельзя. В колхозе организовали бригаду пахарей и та начала пахоту за речкой. Но вот с отавой получилось плохо. Никто не хотел слушать Керек-Йока. А его бывший сосед Кознаш даже огрызнулся:

— Что ты пристаешь к нам! Раньше Кудея нам жить не давала, теперь вы хотите всю землю забрать! Айдаров сказал: пасите скот где хотите, земля вся ваша.

Керек-Йока это очень удивило: «Неужели он так сказал им? Разве можно налаживать большое культурное хозяйство, не имея определенного участка!»

Керек-Йок расстроился, но колхозного дела все же не приостанавливал. Перестроили и переданный колхозу дом Кудеи и предназначили его под школу. Кюньдыбей Чаптыев поговорил в отделе народного образования и в колхоз прислали учительницу. Колхозники купили в одном из отдельных урочищ избу, перевезли ее в Аза-Ялан и устроили в ней контору. Отремонтировали и расширили амбары.

Дело шло.

Стоял ясный осенний день. Старик Челапан с десятью пастухами пас в горах табуны. Чалма, которого освободили, как только окончился суд, с тремя колхозниками пахал за речкой пар. Кюньдыбей с молодежью заготов-

лял в верховьях Йолду лес для теплых дворов. Керек-Йок с учительницей составляли в конторе сведения для аймачного исполкома. По столу, по разложенным широким листам бумаги бегали золотые солнечные зайчики.

Керек-Йок был доволен своей новой помощницей. Ялакай окончила в Ойрот-Туре педагогический техникум. Была членом бюро аймачного комитета, комсомолка, и считалась по аймаку одним из сильных культурных работников. Она не раз уже доказала это в колхозе «Дяны-Дел». Но держалась девушка всегда скромно, даже застенчиво. Керек-Йоку это очень нравилось. Ему приятно было смотреть, как она пишет. Цифры красивые и четкие, сбегали с кончика ее пера и становились на свои места.

— Хорошо грамотному человеку, — неожиданно вслух подумал Керек-Йок.

Ялакай подняла голову, встряхнула сбившиеся на глаза стриженные темные волосы, удивленно посмотрела на Керек-Йока. Дело в том, что они с Кюньдыбеем не раз уже приставали к Керек-Йоку с тем, чтобы он начал учиться грамоте, но он всегда обращал в шутку эти разговоры. А когда они стали настойчивей, он даже рассердился и попросил больше не заводить таких разговоров, потому что учиться ему и поздно и некогда. И вот не прошло с тех пор и недели, он заговорил об этом сам. «Значит, не зря мы с Кюньдыбеем тратили время»...

— С каких это пор вы, товарищ Йорыкчинов, начали завидовать грамотным? — слегка насмешливо, чтобы за этим скрыть свою радость, спросила Ялакай.

— Я всегда им завидовал.

— Так почему же вы не хотите учиться?

— Я говорил вам... Поздно уже мне учиться. Мозги у меня теперь твердые, ничего ведь не пойму.

Возраст был всегдашним и основным возражением Керек-Йока. Но сейчас он высказал его так, словно не совсем был уверен в нем, словно он спрашивал у Ялакай:

«А может быть это неправда? Может быть и не так уж сильно загрузели мои мозги?» Это еще больше обрадовало Ялакай. Она поняла — стоит ей сейчас сказать несколько каких-то теплых и убедительных слов и Керек-Йок возьмется за азбуку. И она нашла бы такие слова, но в это время в раскрытую форточку донеслись громкие голоса. Кто-то скандалил за речкой, где делали зяблевую вспашку.

Керек-Йок выбежал на крыльцо. От речки к Марчальскому горному хребту отлого поднимались черные полосы пахоты. Около десяти человек, окружив лошадей Чалмы, кричали о чем-то, размахивая руками. Другие пахари тоже остановили своих лошадей и наблюдали за их скандалом. Керек-Йок побежал туда.

Единоличники соседних урочищ все приехали на лошадях, лошади ходили тут же, с распушенными поводьями.

При появлении Керек-Йока единоличники немного стихли, расступились и из их круга вышел смущенный Чалма.

— Чего не поделили? — спросил Керек-Йок.

Единоличники посмотрели на Кознаша, как будто приглашая его ответить за всех. Кознаш вышел вперед.

— Кто приказал вам пахать народную землю?

— Нам никто не приказывает, мы по своей воле работаем.

— А если эта земля нам достанется?

— Они всю хотят забрать, — крикнул кто-то из единоличников, — не лучше Кудеи.

Керек-Йоку с трудом удалось заставить их выслушать себя. Он говорил спокойно и миролюбиво. Да, земля Кудеи теперь принадлежит всем, это верно. И колхоз не собирается ее забирать всю. Он имеет право только на землю своих членов. Всем известно, что усадьба Кудеи передана колхозу, который состоит из бедняков двух здешних урочищ. И неужели колхозники поедут пахать

за урочище Марчале, а марчальцы приедут сюда? Так могли бы поступить только лентяи, потому что тогда пришлось бы только ездить взад-вперед с сохой, а пахать было бы некогда. А земля ведь во всей долине одинаковая. Любой из теперешних единоличников завтра же может стать колхозником. Неужели мы будем драться между собой и мешать друг другу работать?..

Алтайцы молча вытягивали из-за голенищ трубки, закуривали. Лица у них были жесткие и холодные. Кто-то снова напомнил о каком-то неизвестном Керек-Йоку разговоре с Айдаровым.

«Что он такое сказал им? — еще больше удивился Керек-Йок, — не мог он указать им землю, которую уже указал колхозу»...

На западный склон гор легла большая черная тень. Она медленно поползла вниз, затемняя долину. Керек Йок посмотрел на смущенных пахарей, перевел взгляд на угрюмо выжидающих единоличников.

Туча надвигалась все ближе и ближе. С верховьев Йолду холодный ветер. И вместе с ветром донеслась сверху молодая комсомольская песня. Все подняли головы. Туча над долиной уже прошла. Сначала ярким предвечерним солнцем озарилась седловина Йолдинского перевала, откуда неслась песня. И чем громче становилась песня, тем дальше отступала тучевая тень. Она уходила от песни... Солнечный свет сползал все ниже и ниже в долину.

На озаренном солнцем перевале показался комсомольский обоз. Лошади были запряжены в двухколесные тележные передки. На каждой лошади сидел комсомолец. Бревен на передках было почти не видно, снизу казалось, что это идет конное войско. На многих дугах развевались красные флажки. Комсомольцы пели:

Когда жеребенком был вороной,
Пешеходами были мы.
Когда царь управлял страной,

Мы жили во власти кнута и тьмы.
Вороной жеребенок стал конем,
Все мы — лихие наездники.
Баев прогнали вслед за царем,
Колхозные дни — веселые праздники.

Обоз был уже на мостике, когда от него отделились два человека. Сойдя с лошадей, они направились прямо к месту пахоты. Один был низенький, коренастый парень в пиджаке и в конусообразной сусликовой шапке с яркой голубой кистью. Второй — высокий, в шинели, в красном кожаном картузе. Это были Кюньдыбей и председатель аймачного исполнительного комитета — Зырянов.

Зырянов весело поздоровался со всеми. Ему почти никто не ответил.

— Что это вы такие сердитые? — удивился он. — Может быть ребятам завидуете? Позавидовать есть чему, смотрите, какие орлы. Бревна сами идут...

Керек-Йок горько усмехнулся. Он был рад приезду Зырянова, но его смущала эта история с единоличниками. Как будто он сам вызвал их на ссору.

— Делают ребята хорошо, — сказал он Зырянову, — да не пришлось бы, Василий Иванович, обратно эти бревна везти.

— Как так?

Керек-Йок рассказал о том, что здесь произошло. Зырянов даже не дослушал его до конца.

— Знаю об этом, слышал. Поэтому и приехал.

Зырянов пригласил всех поближе. Колхозники и единоличники, переглядываясь, подошли, расселись вокруг Зырянова и Кюньдыбея.

Зырянов часто бывал в Аза-Ялан. Говорил он горячо и просто, слушать его любили. Задавали всегда много вопросов... Ждали с нетерпением его речи и сейчас. Но он начал прямо с вопроса.

— Так что такое говорил вам Айдаров?

Сначала многие не поняли, к кому обращен этот вопрос. Может быть к Керек-Йоку? Нет, Зырянов смотрел на единоличников. Те снова выдвинули Кознаша. Кознаш был немного смущен.

— Ну-ну, Кознаш, говори, не бойся. Что он сказал вам?

— Сказал, что земля теперь вся общая.

— Верно, земля общая, дальше что сказал?

— Сказал, что неизвестно, еще кому где достанется. Колхоз самовольно пашет... А если мне эта земля достанется? А она уже вспахана. Как тогда? Айдаров ведь начальник. Почему Керек-Йок не слушается его?

Единоличники закивали головами. Зырянов нахмурился, голос его стал строгим.

— Был начальником, только теперь он больше не начальник.

Все удивленно посмотрели на Зырянова. Даже Керек-Йок не понял его.

Зырянов рассказал:

— Айдаров несколько раз говорил в аймачном исполнительном комитете, что в колхозах проводится землеустройство, но он обманывал нас. Он нарочно тянул с этим. Не давал работать ни колхозу, ни единоличникам. Он ссорил вас. Зачем он так делал? Это станет понятным, если мы посмотрим — кто такой Айдаров. Вы слышали, что его старший брат когда-то служил скупщиком у Кудай-Бергена? Это ведь он за бесценок скупал у алтайцев Чолтойского аймака белку, орех... За осьмушку табаку двухлетнего быка покупал. Жилось ему хорошо. Недаром он потом три года воевал против красных. Когда бандитов прижали, он вместе с ними подался в Монголию...

— Там и подох, — зло сказал кто-то из единоличников.

— Вот в том-то и дело, что он не подох, — возразил Зырянов, — теперь выяснилось, что этот наш бывший

ва Кудея с сыном вскоре вернулись на Алтай и снова поселились в Аза-Ялан.

Аза-Ялан... Долина чорта... Здесь, при слиянии двух горных речек — Йолду и Марчале — долина была широкой и ровной. Весной речки выходили из берегов и заливали почти все междуречье. А когда вода сбывала, долина покрывалась пышной зеленой травой. Редко где можно было найти такие хорошие пастбища.

Первым из алтайцев сюда перекочевал, лет сорок тому назад, со своим стареньким аилом и десятком голов скота, отец Керек-Йока, по имени Йорыкчи. Это был робкий и тихий человек. Его везде преследовали неудачи и беды. Не оставили они его и в Аза-Ялан. Не успел он как следует устроиться, — в долину приехал шаман Айду. Керек-Йок тогда был маленьким парнишкой, но до сих пор помнит этого низенького, с худощавым лисьим лицом, человека. Приехал он встревоженный и ласковый. Говорил тоненьким дрожащим голоском и при этом хрустел суставами пальцев.

— Ой, Йорыкчи, глупый ты человек, — говорил он отцу, — зачем ты перекочевал в Аза-Ялан? Разве ты не знаешь, что здесь главная стоянка чорта? Кочуй скорее обратно. Чорт рассердится и тебя погубит и потомства твоего на земле не оставит.

Йорыкчи испугался, но новое несчастье помешало ему тут же выполнить совет шамана: у него тяжело заболела жена. Шаман Айду принес в жертву злым духам единственного жеребенка Йорыкчи, взял себе за камлание овцу и сказал, что мать Керек-Йок скоро встанет. Но не прошло и трех дней, как она умерла. Айду, узнав об этом, развел руками.

— Ничего не поделаешь, Йорыкчи. Чорт взял у тебя жену. Возьмет и сына и тебя. Он наслет на твой аил страшные болезни. Нельзя здесь жить, кочуй скорее обратно.

Не успел перепуганный Йорыкчи разобрать свой

заведующий АЗО и есть тот самый Айдаров из Чолтой-ского аймака.

Многие даже привстали от неожиданности.

— Так вот кто такой наш зав. АЗО, товарищи. В АЗО его теперь нет, но задержать его не удалось. Он снова сумел скрыться... Но это другое дело. Далеко от нас он не уйдет. Плохо, что вот ссоримся. Поддались на удочку врага... Надо кончать с этим. Завтра сюда приедут землеустроители. Каждому будет отведен определенный участок. Обиженным никто не останется.

Через несколько времени колхозники и единоличники дружелюбно простились с Зыряновым и раз'ехались по домам.

Пахари вернулись к своим лошадям и взялись за плуги. Комсомолы у реки шумно складывали в штабеля бревна.

9

Всю ночь за окнами завывала снежная метель. Ветер свистел в трубе, в пазах стен, словно он хотел разметать всю избу. Эзе не спалось. Ее беспокоили дети. Ей все время казалось, что они замерзают.

Она встала, зажгла керосиновую лампу. В избе было тепло и тихо. Дети спали на широкой деревянной кровати. Мягкое стеганое одеяло было у них в ногах. Лица у всех спокойные, розовые. Дети и не подозревали о том, что за окнами свирепствует метель.

Эзе присела на край кровати. Ей вспомнилось свое детство.

Кроме Эзе в семье было еще пятеро детей. Спали все на земле, на облезлых козлиных шкурах. Накрывались одной рваной шубенкой матери. Как бы тесно они ни сбивались, шубы на всех нехватало. Тепло было только тем, кто попадал в середину. Эзе была самой старшей, поэтому в середине ей лежать никогда не приходилось. Она уступала это счастье младшим.

Эзе помнит — в течение ночи мать много раз вставала, чтобы развести огонь в очаге, поправить на детях шубу. Но несмотря на все ее заботы, спать было холодно. Ядовитый мороз пробирался в юрту, и дети свертывались под своей шубой, как собачонки.

Эзе еще раз посмотрела на своих детей. Обвела взглядом всю избу. Хотя они жили в ней уже полгода, Эзе до сих пор не могла побороть в себе чувства боязни за детей. Ей казалось, что они живут в юрте, и это заставляло ее часто просыпаться.

Сейчас она успокоилась за детей. Но спать уже не легла. Новые мысли и заботы овладели ее беспокойной головой.

В колхозе «Дяны-Дел» выстроили маслозавод. Это был чистенький, из свежееобструганных бревен, домик, наполненный удивительными вещами. Огромные, сияющие масляной краской и никелем сепараторы, коричневые вращающиеся бочки, блестящие цинковые фляги, беленый камелек с котлом. Все это нелегко далось колхозу. В завод много положено труда и забот. Теперь завод уже готов. Рано утром особая комиссия должна принять его и пустить в ход. Эзе была председателем этой комиссии. Специалист из Ортолая приехал еще вчера.

И тут же Эзе вспомнилось почему-то, что в Аза-Ялан многие единоличники начинают резать коров. Шел слух: «Завод бесплатно будет брать все молоко и портить его адскими машинами. А коров переходниц будут отбирать на мясозаготовки».

Кто пускает такие слухи среди жителей Йолду и Марчале? Эзе часто охватывал гнев против этих людей. Казалось, попади такой шептун, она вырвала бы ему язык...

Эзе не спала уже больше до самого рассвета. Когда рассветало, она потушила лампу, сдвинув на окне голубую ситцевую занавеску, раскрыла форточку. В избу струился свежий морозный воздух.

На кровати завожился муж — Тарбаган.

Опять окошко открываешь, поспать не даешь, — заворчал он.

Он накрыл правой рукой глаза, словно боялся, что сон покинет его.

Тарбаган всегда придирался к жене, когда она открывала форточку. Эзе уже не считала нужным вступать с ним в спор. Поворчит и затихнет. Он частенько ругался с Эзе, говорил ей немало грубостей, но в то же время он был сильно привязан к ней и в душе уважал ее за то, за что часто ругал. Ему льстило, что Эзе считают в колхозе передовой женщиной.

Эзе первой из всех алтаек Йолду и Марчале сняла унижающий достоинство женщин чегедек,¹ была первой, кто решился мыться в построенной в «Дяны-Дел» бане. Она пошла туда с учительницей Ялакай, с которой у них завязалась большая дружба. Около сорока лет неумывавшаяся Эзе вышла из бани неузнаваемой. Вся она была чистая, розовая, пахнувшая душистым мылом. Тарбаган надеялся, что она хоть за ушами и под подбородком оставит грязь. По старому алтайскому поверию в этой грязи кроется счастье человека и смывать ее нельзя. Но Эзе смыла и это «счастье».

А вскоре Тарбаган должен был пережить еще один удар. Эзе послали в село Ортолой на курсы домашних хозяек. Там алтаек учили грамоте, шитью, стирке белья, приготовлению пищи. Тарбагану все эти науки не казались полезными, он пробовал отговорить Эзе. Она ссылалась на правление колхоза: «Они посылают». Тарбаган подал на правление в народный суд, но из этого ничего не вышло. Со временем он примирился и с этим. Наобо-

¹ Чегедек — дополнение к одежде замужней женщины, делается в виде крылатой накидки из нескольких рядов холста, склеенного клейстером и покрытого бархатом. Длина чегедека до земли, весом иногда достигает полпуда. Одевается сверх шубы. Чегедек символизирует собой рабское подчинение женщины мужу.

рот, ему даже нравилось теперь, что Эзе умеет все делать не хуже русских городских женщин и что все алтайки идут к ней за советами. Так вот и с форточкой. Поворчал Тарбаган на Эзе и смолк.

Эзе прибралась в избе, накормила ребят, отправила их в школу и начала одеваться сама.

По правде сказать, она нравилась Тарбагану в синем суконном жакете с серым каракулевым воротником, в шапке из лисьих лапок с пышной зеленой кистью, которая очень красиво перелетала с одного плеча на другое, как только Эзе поворачивала голову. Но такой уж человек был Тарбаган. Он считал необходимым поворчать при любом случае.

— Опять по общественным делам собираешься? Дома-то делать нечего?

Эзе ответила спокойно:

— Ты же знаешь, что я в комиссии по приемке маслозавода.

— Маслозавод... маслозавод... — еще злее передразнил Тарбаган, — ложками скоро нечего будет мешать, а вы еще машинами собираетесь...

Эзе вздрогнула, испытующе посмотрела в глаза Тарбагана.

— Это почему нечего будет машиной мешать? Ты о чем это?

Не успел Тарбаган ответить, открылась дверь и в избу медленно, в облаке пара, вошла жена Чалмы — Балай. Эзе очень удивилась: Балай почти никогда не бывала у них.

Балай была одета в облезлую козлиную шубу, на ногах у нее были кисы из козьих лапок. Кисы ст подошв до кошмных чулок были забиты снегом.

— Это что вы так рано? — спросила хозяйка.

Балай ответила не сразу. Как будто у нее губы морозом свело.

— Я... Меня женщины послали к вам. Они боятся ва-

шего маслозавода. Мы, говорят, не будем туда сдавать молоко, потому что там моют водой посуду и вымывают все счастье.

— Ну вот, — оживился Тарбаган, — я говорил, что нечего будет лить в ваши машины.

— Молчи ты, — обрезала его Эзе, — а ты, Балай, иди пока домой. Сейчас я очень тороплюсь и не могу с тобой говорить. Об этом мы поговорим сегодня вечером на женском собрании.

Эзе и Балай вышли из избы и пошли каждая своей дорогой.

Стоял легкий мартовский мороз. Солнце уже взошло, на склонах гор снег отливал молочным блеском.

Колхозники запрягали лошадей, чтобы ехать за сеном. Старики и старухи разметали около изб снег, молодые колхозники несли в дет'ясли детей.

Дет'ясли открыли в «Дяны-Дел» еще прошлым летом. Для этого построили новую просторную избу с большими окнами.

По дороге Эзе встретила старика Челапана. Он гнал к речке, на водопой, свободных от работы лошадей.

Эзе спешила к Керек-Йоку. Она уже подходила к его избе, когда увидела на льду речки Марчале четыре подводы с сеном. Среди людей, окруживших возы, Эзе узнала Керек-Йока и Кюньдыбей Чаптыева. Эзе поспешила туда.

— Что это за базар? — спросила она у Керек-Йока, — не собираетесь ли вы покупать это сено?

Керек-Йок пожал плечами:

Сена нам своего хватит, это Кюньдыбей что-то выдумывает.

Эзе прошла поближе к возам. На переднем возу сидел Кознаш, оставшийся единоличником. На заднем возу, скорчившись, сидел шаман Айду. Он был в старой плисовой шубе, подпоясанной черной монгольской опояской с кисточками на концах. У обоих у них был такой

вид, словно они спешили ехать, и эта задержка была им неприятна.

Кюньдыбей в сопровождении нескольких комсомольцев подошел вплотную к возу Айду. Он выдернул клочок сена, понюхал его. Айду закричал:

— Зачем дергаешь сено? Весь воз раздергал.

Кюньдыбей переглянулся с комсомольцами.

— А как же, может быть оно гнилое у тебя!

Кюньдыбей еще глубже запустил в сено руку. Айду схватился за живот, застонал.

— Поезжай, Кознаш, поезжай скорее, видишь — смеются люди...

Кознаш взялся за вожжи, но в это время Кюньдыбей закричал:

— Стой! Смотрите, ребята, коровья нога торчит.

— Верно! — подтвердили ребята.

Керек-Йок и Эзе бросились к возу. Они только теперь поняли затею комсомольцев.

— Вот как, — протянул Керек-Йок, — на базар коров везете, сеном только прикрываете.

Он строго посмотрел на Кознаша, перевел взгляд на Айду.

— Куда везете?

Кознаш отвернулся. Айду схватился за живот и еще громче застонал:

— В город еду, в больницу.

— Я спрашиваю — чьи это коровы и куда их везете?

Айду замигал.

— Не знаю, не знаю, я попросил меня довезти до города.

Пока Керек-Йок разговаривал с Айду и Кознашем, комсомольцы за это время посмотрели остальные воза. Во всех возах оказалось по коровьей туше.

От проруби прибежал Челапан. Он сердито размахивал костылем над самым Айду, словно хотел ударить его.

— Ах ты, старая лисица, — кричал Челапан, — днем

ты в постели лежишь, больным прикидываешься, а утром на базар с мясом едешь. Коров решили погубить!

Керек-Йок потребовал от Кознаша ответа.

— Не знаю, — растерялся Кознаш, — это Айду все. Письмо какое-то было: мясо скорее надо везти.

— А чьи коровы?

— Мои, — быстро вмешался Айду, — своих я зарезал. Колхозники требовали, чтобы он показал письмо.

— Какое письмо? Нет у меня никакого письма, откуда он выдумал.

— Обыскать его надо! — закричала Эзе.

— Правильно, обыскать!

Старика Айду заставили слезть с воза, распоясаться. Кряхтя и стоная, Айду распахнул шубу, развязал висевший на шее кожаный мешочек, достал из него связку замасленных бумажек.

— Вот видите — квитанции. Мне их дали, когда я уплатил налог.

Да, это были налоговые квитанции. Но среди них Кюньдыбею удалось найти еще одну маленькую бумажку. Это была частная записка, без печати и номера, написанная карандашом. Кюньдыбей прочитал вслух:

«Старику Айду. Я работаю в том же магазине, на базаре. Дела у нас идут хорошо. Постарайтесь, пока не испортилась дорога, привезти еще туш десять. Я думаю, вы понимаете, что везти мясо надо не в магазин, где я работаю, а прямо ко мне домой. Насчет цен не скупитесь. Старайтесь подороже давать за молочных коров. Чем больше их зарежут, тем лучше.

Ваш А...»

Кончив читать, Кюньдыбей посмотрел на Эзе, на Керек-Йока. Все молчали.

— А что это за «ваш А...»? — спросил Челапан.

— Почерк знакомый, — ответил Кюньдыбей, — по моему это Айдаров пишет.

— Какой Айдаров! — засуетился перепуганный Айду, — все знают, что Айдаров скрылся.

— Ладно, ладно, — резко оборвал его Керек-Йок, — в аймаке разберемся. Поворачивай лошадей!

10

Над желтой безлесной вершиной горы уже поднялось солнце. А ниже, над густым кедром, еще крутился белесый туман. Влага стеклянными бисеринками унижает иглы кедровой хвои, бисеринки горят белыми звездочками и кажется, что это брызги солнца.

Недалеко от дороги, в лесу, поет свою протяжную и звонкую песню иволга. Если всмотреться в чащу леса, можно даже увидеть ее желтоогненную грудь, освещенную всепроникающим солнцем. А где-то выше, в скалах, ревет рогатый куран, и эхо разносит его рев далеко по горам.

По обе стороны от дороги, из земли поднимаются пышные цветы. Они тянутся к солнцу, подставляя ему свои отягощенные росой головки.

Мотор стучит все глуше, напряженнее, но машина от этого не идет быстрее: начинается подъем на перевал.

И, подобно мотору, все сильнее, напряженнее стучит у Керек-Йока сердце. От перевала недалеко до Аза-Ялан, до родного колхоза «Дяны-Дел».

С тех пор, как Керек-Йок уехал в город, прошло уже девять месяцев.

Шоссейная дорога тогда еще не была готова. Керек-Йок ехал верхом, по прямым таежным тропам. И все-таки в Ойрот-Туру он попал только на четвертый день. А обратно... Ему даже не верилось, что он только еще сегодня в три часа утра был в Ойрот-Туре. И вот они уже на перевале.

Сколько раз по этим местам вьется блестящая шоссе-
сейная дорога. И как мчится по ней автомобиль! Ветер

в ушах свистит, дыхание захватывает! Не зря когда-то сложили старики пословицу-предсказание: человек будущих поколений от дойки до дойки кобылиц¹ в Москву сможет съездить, а от дойки до дойки коров — из Петербурга будет возвращаться.

— Теперь вы грамотный человек, вам легко будет работать, — услышал Керек-Йок над самым ухом. Он повернулся. С ним в машине сидел Василий Иванович Зырянов, который больше года уже работал в области и теперь ехал по делам в Ортолой.

Керек-Йок смутился.

— Какой я грамотный человек! Не говорите... Трудно пожилому учиться грамоте. Читать, ничего, научился, а писать — напишу, как глухарь крыльями по снегу нацарапаю.

— Это ничего, сначала — как глухарь крыльями, а потом — как кабарга копытами. Знаете, какой у нее след — прямой, тоненький, так что не расстраивайтесь, товарищ Йорыкчинов.

Но Керек-Йок и не расстраивался. Он говорил это сейчас просто по привычке. Ялакай не зря считала его одним из способнейших своих учеников. Несмотря на большую занятость по колхозу, Керек-Йок через полтора-два месяца уже подписывал свою фамилию, а через три мог написать небольшую расписку. Зырянов, который тогда еще работал в Ортолое, очень радовался успехам Керек-Йока, но советовал не останавливаться на этом. Он говорил, уметь разбираться в любом общественно-политическом вопросе. Иначе он скоро отстанет даже от своих рядовых колхозников и потеряет у них авторитет руководителя. Керек-Йок соглашался с этим, но предложения Зырянова поехать в город на курсы отверг.

¹ Кобылиц обычно доят пять раз в день, коров — два раза. Разница в расстоянии от Алтая до Москвы и Ленинграда значительно преувеличена, что вполне свойственно пословице.

«Как же я оставлю колхоз, — думал он, — не справиться им без меня».

Но время шло. Колхозники все больше и больше набирались опыта, знаний. Росло хозяйство. Усложнялись отчетность и планирование. Увеличивалась переписка с различными учреждениями и организациями. И в то же время в колхоз приходили новые люди, несущие с собой старые привычки и навыки. Руководить становилось труднее. А Керек-Йок, как никак, был еще плохим грамотеем.

Ему уже не раз приходилось обращаться за помощью к своему заместителю Кюньдыбею Чаптыеву. И когда прошлой осенью Керек-Йоку снова предложили поехать на курсы колхозных председателей, он уже больше не раздумывал. За него остался Кюньдыбей. Первое время Керек-Йок очень беспокоился за колхоз: как-то у них там? Но в колхозе все шло хорошо. Об этом ему писал Кюньдыбей. А раз он прочитал даже о своем колхозе хвалебную заметку в газете.

Вспомнив сейчас обо всем этом, Керек-Йок невольно улыбнулся и громко сказал:

— Вот летучая мышь!..

— Где? — удивился Зырянов.

— Сказка у нас такая есть. Надоел зверям царь-медведь, решили они переизбрать его. Объявили всеобщее собрание. Все звери собрались, не явилась только летучая мышь. Послали за ней. Она в темном ущелье сидит, крылья-когти по скале распластала. «Почему на собрание не являешься?» — спросили ее. «Не могу я днем летать, — ответила летучая мышь, — я скалу держу, без меня она обвалится». Вот так же и я тогда: «Не могу ехать учиться, без меня колхоз развалится».

Зырянову очень понравилась сказка. Он долго и от души смеялся. Потом начал расспрашивать Керек-Йока о новостях, которые тот получил из «Дяны-Дел». Он интересовался колхозниками, которых знал всех по именам.

аил, — появился в Аза-Ялан со своими неисчислимыми стадами и просторными кошемными аилами Кудай-Берген.

Говорили люди, что сам всевышний Ульгень¹ покровительствует этому человеку, недаром и имя у него Кудай-Берген — богом данный.

Отец Керек-Йока — Йорыкчи — стал свой аил разбирать, чтобы кочевать в другое место, но аил весь прахом рассыпался — до того он стар. Да и это старье везти не на чем — лошади нет.

«Пожалел» Кудай-Берген Йорыкчи.

— Не довезти тебе его до места. Так уж и быть, дам я тебе кошемный...

А потом подумал Кудай-Берген и по другому решил:

— Оставайся здесь, со мной — ничего не будет. Лошадь я тебе дам — езди на ней, а понадобится мне твоя помощь — я тебя попрошу...

Так стал Йорыкчи батраком Кудай-Бергена. А когда умер Йорыкчи, его место занял Керек-Йок. Тридцать шесть лет отдавал он Кудай-Бергену всю свою силу, все свое здоровье... А за что?..

Собаки за речкой смолкли. На некоторое время воцарилась тишина. Керек-Йок закрыл глаза, чтобы заснуть, но его чуткие уши уловили новый звук. Керек-Йок сразу понял в чем дело. Так протяжно и гулко поют жерди, бьющиеся о мерзлую землю.

Не первую ночь алтайцы, живущие в урочищах Йолду и Марчале, возят с горы жерди в Аза-Ялан. Изгородь, которой когда-то Кудай-Берген обнес лучшие пастбища, изветшала за эти годы. Кудея решила подновить ее. И вот бедняки, оседлав лошадей, возят жерди.

Кудея знает, что открыто иметь батраков теперь невыгодно. Она делает вид, что живет своим трудом. Днем никто никогда не увидит в Аза-Ялан за работой постороннего человека. Все работы выполняются ночью. Это

¹ Ульгень — главное доброе божество.

— А как старик? — спросил он.

— Старик? — не сразу понял Керек-Йок. — Вы о Челапане, наверное, спрашиваете?

— Да, да, о Челапане. Горячий старик.

— Да, — вздохнул Керек-Йок, — как острый топор старик был.

— А теперь он где?

— Умер Челапан... этой зимой умер. Мне и на похоронах не пришлось быть...

Вершина перевала давно уже осталась позади. Дорога идет вниз. Машина мчится все быстрее и быстрее. Деревья и камни проносятся мимо. Даже кажется, что слова, сходящие с языка, подхватываются ветром и уносятся далеко назад к мелкающим деревьям. Керек-Йок узнает места, где он когда-то дневал со скотом, останавливался на ночевки.

Крутой поворот — и машина легко взбегаёт на каменный отрог горы, далеко выступающей в долину. С него видна вся Аза-Ялан.

— Дадим «коню» отдых? Посмотрим на вашу деревню? — спросил Василий Иванович.

Керек-Йок согласился. Шофер остановил машину. Они вышли и сели на большой копнообразный камень. Приятной теплотой пахнуло снизу. Керек-Йок, не скрывая волнения, влажными глазами смотрел на свою родную землю.

Семь лет назад при слиянии речек Йолду и Марчале стоял один двухэтажный дом Кудай-Бергена, да сорока сажень в длину амбар, в который он собирал все труды окрестных алтайцев... Теперь там стоял большой красивый поселок. Вдоль речки Йолду тянулась прямая широкая улица новых домиков из лиственничных обструганных бревен. Свежие, с тесовыми крышами, они казались сверху вылитыми из меди, а окна, отсвечивающие на солнце — золотыми пластинками. Рядом с каждой избой стояла конусообразная юрта, покрытая лиственничной корой.

Дойдя до слияния Йолду с Марчале, улица ломалась под прямым углом и шла уже берегом речки Марчале.

Поселок был похож на емир — нагрудный запах алтайской шубы, края которого отделяются бархатом.

В самом углу стоял дом, из которого когда-то Кудай-Берген властвовал над всей округой. Но как изменили этот дом его теперешние хозяева! С него содрали темную обомшелую крышу из дранья и заменили ее железной. Мрачные подслеповатые окна расширили почти вдвое, и солнце пронизывает теперь весь дом насквозь. Там живут сейчас дети-сироты. Это интернат. А рядом с ним совсем новый дом — это школа семилетка.

— Это дюртсовет. Перед самым моим отъездом его закончили. А вот радио при мне не было.

— Может быть, это премия за маслозаготовки?

— Да и на самом деле. Они хотели деньгами, а Кюньдыбей попросил, чтобы установили радио.

Керек-Йок и Зырянов достали трубки, закурили. Их взгляды приковал новый бревенчатый мостик через Марчале. Там, за рекой, был виден другой поселок. Только вместо маленьких домиков и юрт там тянулись один за другим низкие длинные сооружения. Это были теплые скотные дворы колхоза «Дяны-Дел». Первый двор им строил приехавший из Ортолоя техник. А потом со скотом стало тесно, техник оказался занятым где-то в другом месте и колхозники решили строить двор сами. Они неплохо справились с этим. Их дворы ничем не отличались от тех, что строил техник.

За скотными дворами, по отлогому склону, шли желтоватые полосы ячменя, яркозеленые квадраты овса. А в стороне от посевов, чуть заметные на черном поле свежей пахоты, ползли два трактора. Изредка ветерок доносил шум работающих моторов.

— Ага, — обрадовался Керек-Йок, — значит, не обманула нас МТС, ранний пар прислали пахать...

Выше склон становился все круче и круче, кончаясь вверху темносерыми каменными зубцами.

Керек-Йок и Василий Иванович повернули головы вправо и стали смотреть вдоль реки Марчале. Там, насколько хватал глаз, лежала зеленая, слегка пожелтевшая от знойного летнего солнца равнина. Кое-где на равнине видны были светлосерые острова. Но стоило внимательнее в них всмотреться и можно было заметить, что острова эти с каждой минутой меняют свою форму. То они принимают форму правильного круга, то вытягиваются в длину...

— Стада баранов, — сказал Керек-Йок, — около трех тысяч их у нас теперь... А коров... Весь наш скот не скоро пересчитаешь.

— Да, богатое стало хозяйство, — согласился Зырянов. — Богатое...

— А ведь было время, когда многие алтайцы не верили, что так будем жить. Как дети, опустив в землю глаза, перед Кудеей ходили. Слова против нее боялись сказать, как будто у них языки в узел завязаны...

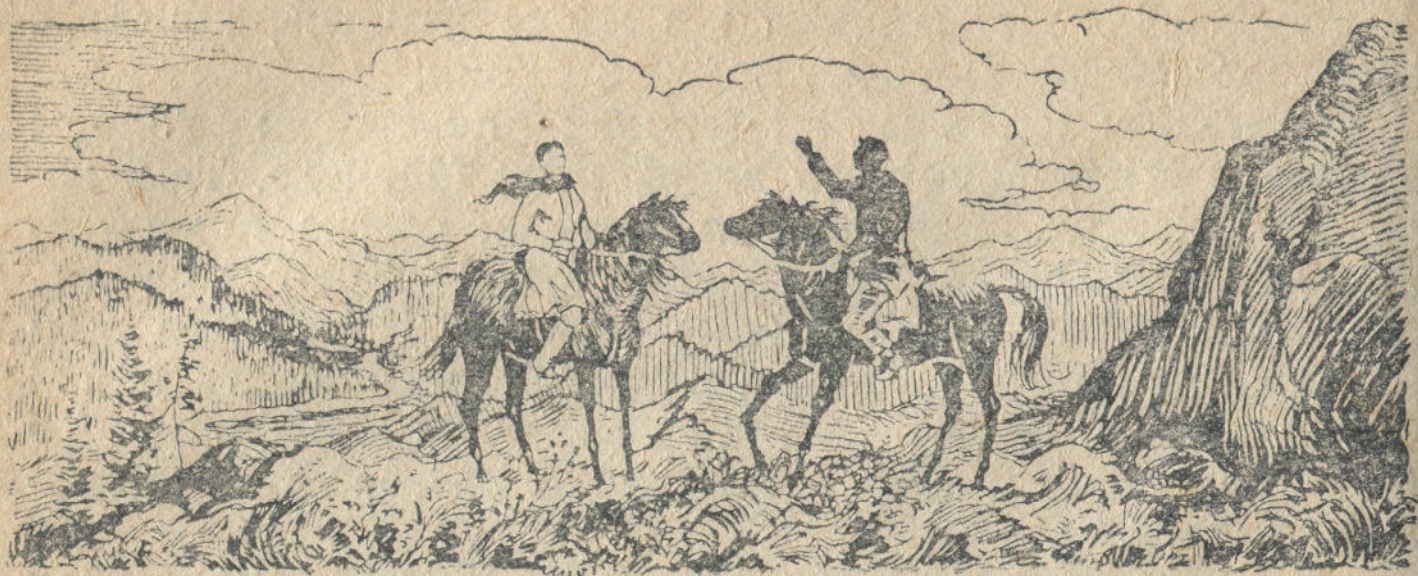
Керек-Йок затянулся табачным дымом, помолчал и заговорил снова:

— Знаете, сказка у нас старинная есть. Родился у одного богатыря сын. На второй день своей жизни он сказал «мама». Через шесть дней выговорил «отец», а через десять на ноги встал и пошел сражаться с врагами. И победил. Так вот и мы.

Из долины подул теплый ветерок. Мягко зашелестела над головами людей кудрявая береза. Зашуршал повыше молодой кедр.

Керек-Йок и Василий Иванович медленно встали и пошли к машине.

Перевод Н. Добычина.

Т О Й Ч И

Тойчи Торколаевой уже переваливало за шестьдесят. Но подойдите к ней, поговорите и вы сбросите половину прожитых ею лет. Голос звонкий, слова произносит четко, садится или встает проворно — молодым не уступит!

— Ейт, она неладная, рано родилась!.. Или бы советская власть раньше пришла.

Эти фразы часто говорит Тойчи.

Эркелей, единственную дочь Тойчи, в прошлом году, осенью командировали в город на колхозные курсы. Мать хотела возражать против отправки Эркелей на учебу. Но дочь спросила:

— Вы хотите, чтобы я осталась неграмотной, как и вы?

Тойчи замолчала и только во время проводов дочери уронила слезу.

Весной она пришла однажды в правление колхоза и сказала председателю:

— Я за шестьдесят лет жизни дальше урочища Корумдоя нигде не была... Я поведу для Эркелей коня и город посмотрю.

Председатель ответил не сразу, сначала о чем-то подумал, потом улыбнулся.

— Просьба ваша будет выполнена... По окончании учебы на курсах пошлем вас за дочерью.

По правде говоря, Тойчи хотела попасть в город не без цели. Недавно приезжала из соседней деревни жена покойного бая Яжная — Баланка, еще пятнадцать лет назад сосватавшая Эркелей. (Эркелей сейчас двадцать лет.) Сватья сидела на женской стороне очага. Лицо у нее, как промытая дождем старая береста, бледное, из-под плисовой шапки торчат седые волосы. Она пять трубок табаку выкурила, выпила чашку чая. А перед уходом сказала:

— Пятнадцать лет прошло, как мой сын Чичкан наречен женихом твоей дочери Эркелей... Честный человек никогда не нарушает свое слово... У нас в роду бесчестных еще не было...

Тойчи поняла тонкий, как шелковая нитка, намек Баланки и поспешно ответила:

— В нашем роду тоже...

Баланка уехала. Тойчи решила:

— Девке воли не дам. Ее много учить не следует, надо скорее поехать за ней...

Но приехав в город, Тойчи совсем забыла об этом последнем разговоре с Баланкой. Все в городе было для нее новым и она, как маленькая, ко всему внимательно присматривалась.

Однажды она трубку хотела закурить в студенческой столовой. «Здесь не курят», — тихо сказала Эркелей. В другой раз она хотела закурить в кино. Опять Эркелей сказала: «Нельзя курить».

— Что же это такое? Неужели городские не курят? Там нельзя, тут нельзя, где же тогда курить-то?!

Эркелей объяснила, где не курят и где можно курить.

— Зачем этого чорта здесь на виду поставили, надо его в огонь бросить! — с раздражением крикнула Тойчи, увидев в областном музее чучело шамана. — У нас в колхозе шаманов нет, а в городах их показывают людям. Зачем это?

Эркелей терпеливо объяснила матери значение музея, кое-как убедила ее, что здесь стоят чучела, а не живые люди, звери и птицы.

Сейчас они ехали через Чолмонский хребет.

— Какой колхоз здесь табуны пасет, ты знаешь? — спросила мать, заметив на траве свежие следы.

— Не знаю, мама, — ответила Эркелей и стала беспокойно оглядываться по сторонам.

«Он ведь писал, что летом со своими табунами будет на Чолмоне. Может, он совсем недалеко... сидит где-нибудь около мохнатого кедра, не замечая, что трубка давно погасла. А он все сосет ее... А я будто нарочно его не замечаю, проезжаю мимо, словно его не люблю»...

Глаза Эркелей заблестели, она усмехнулась. Она, довольная, продолжала рисовать картину встречи: как он вдруг увидит ее, поднимется...

Повод выскользнул из рук Эркелей, лошадь внезапно за что-то загнулась, и Эркелей чуть не вывернулась из седла.

— Что это ты, как ребенок маленький, повод не умеешь держать? — упрекнула мать.

Эркелей остановила лошадь, подняла повод и ласково хлестнула коня зеленым прутиком. Лошадь прибавила шаг.

Недалеко от тропинки хором куковали кукушки. Тро-

пинка вилась окруженная тучными травами и цветами. Эркелей сорвала огненный цветок и, прижимая его к груди, запела:

Среди цветов виднеется широкий брод,
Для моего бурого коня славный брод..
Любимый друг мой неизменный,
Словно вот этот горящий цветок..

— Когда большие горы переваливаешь, кричать и петь нельзя, — сказала сердито мать.

Эркелей замолчала. Думы снова завладели ею.

«Неужели Шонкор здесь пасет табуны? Напрасно по этой дороге поехали», — печально подумала мать и стала торопить коня.

Вскоре Эркелей и мать услышали мужской голос. Он пел протяжную песню. Тойчи прислушалась и вдруг крепко натянула повод. До ее ушей долетели последние слова песни:

Самая красивая девушка на свете
Будет ли моим другом милым?..

Еще не утихла песня, как недалеко от дороги фыркнули лошади.

«На священной горе табуны пасет и не боится песни петь, какое сердце у этого человека?» — с удивлением подумала Тойчи и решила не смотреть назад.

Эркелей замедлила шаг коня. Не слезая, она стала рвать козлиные пучки и есть их. Постепенно она отстала от матери.

На белом коне, с ружьем за плечами и темносерым глухарем выехал из лесу Шонкор. Его смуглое лицо от солнца еще больше почернело, толстые губы стали темносиними.

— Якшиба кару, Эркелей?... Здравствуй, уважаемая Эркелей, — поздоровался Шонкор, подъезжая ближе.

— Ой!.. Якшиба-якшиба? Ой, как я испугалась!.. Как же я не заметила...

Эркелей не договорила и опустила глаза. Некоторое время они ехали молча.

— Сегодня откуда едете? — смущенно спросил, наконец, Шонкор.

Эркелей ответила обиженным тоном:

— Вместо того, чтобы спросить, как училась, успешно-ли курс окончила, — тебе понадобилось спросить о нашей ночевке?

Эркелей спрыгнула с коня. Она сделала это неожиданно, Шонкор не сразу остановился. Привязывая коня к старой пихте, он чувствовал на себе глаза Эркелей.

Шонкор подошел к ней. Их взгляды встретились. И, словно отвечая на прочитанный в глазах Эркелей вопрос, заговорил Шонкор о своей жизни в этих молчаливых горах, о том, как он ночами, сидя около костра, сочиняет и поет песни.

— Эти песни я посвящаю тебе, — сказал Шонкор и густым, как звуки комуса¹, голосом запел:

Высоко в поднебесье птицы плывут,
Поднимусь ли я выше их?
Самая красивая девушка на свете
Будет ли моим другом милым?

Эркелей посмотрела на дорогу и тихо сказала:

— Надо ехать... Мама будет ругаться, что я осталась.

Шонкор взял Эркелей за руку и спросил:

— Что мешает нам жить вместе?

— Мама!

— Неужели ты веришь в проклятье?

— Я не верю ни в проклятье, ни в благословение.

— Значит с Чичканом хочешь жить. Ладно, живите! — вспыхливо сказал Шонкор и повернулся к коню.

— Чем с Чичканом жить, лучше по этой земле пусть не ходят мои ноги, — ответила Эркелей сквозь слезы, обнимая шею своего коня.

¹ Комус — музыкальный инструмент (губно-зубной).

Шонкор прыгнул в седло и, взявшись за повод, проговорил:

— Ну, дорогая, дай руку, попрощаемся, будем живы-здоровы, через месяц...

Он не закончил фразу. Зажглись яркие лучи в его черных глазах. Хотел Шонкор под'ехать поближе к Эркелей, но белый конь заупрямился.

«Видно, мать Эркелей такая же упрямая, как мой серк».

...Эркелей догнала мать около деревни на последнем небольшом перевальчике.

Тойчи, дожидаясь на дороге Эркелей, рассуждала по привычке вслух:

— Шонкора никак с Чичканом не сравнишь!.. В нашем роду никто еще не нарушил данного слова... Никто!..

Эркелей еще в прошлом году выгнала Чичкана из своего аила. «Чем с Чичканом жить — лучше не жить», — эти слова мать не раз слышала от Эркелей.

Шонкор и Эркелей выросли на разных урочищах. Они встречались только на собраниях. Возможно, они близко и не узнали друг друга, если бы не случай.

Однажды летом Эркелей поехала в город на бричке. В городе представители сельпо попросили ее увезти товары. Эркелей согласилась. Дорогу размыли дожди. Эркелей торопилась, хотела доехать до своего колхоза без ночевки. Было уже темно, когда она под'езжала к деревне, где жил Шонкор. Вдруг как будто кто вытолкнул заднее колесо из колеи и оно соскользнуло с дороги. Бричка медленно покатилась под обрыв. Эркелей прыгнула на землю, схватила лошадь под уздцы. Лошадь рванула вперед и упала. Эркелей выпустила уздцы из рук, осмотрелась. По счастливой случайности переднее колесо зацепилось за низкий придорожный столб. Бричка висела над обрывом.

Эркелей несколько раз крикнула, призывая на по-

мощь. Гулкое эхо многократно повторило в ночной тишине ее призыв, но никто живой не отозвался на него.

Снять с брички товары, вытащить бричку на дорогу — все это было не под силу Эркелей одной. Она стояла около лошади и время от времени кричала:

— Э-эй! Сюда идите! Сюда!

Так прошло минут десять — пятнадцать. Наконец, Эркелей услышала чьи-то шаги. Мужской голос громко спросил:

— Что здесь случилось?

Это был Шонкор, но Эркелей узнала его только тогда, когда уже бричка вновь стояла на дороге.

В эту же осень они встретились на аймачном совещании ударников по животноводству. Вместе сидели в президиуме. Эркелей премировали шерстяным костюмом, Шонкора — патефоном. На этом совещании Эркелей вызвала Шонкора на социалистическое соревнование.

Тойчи твердо решила не оглядываться, пока не доедут до дома. Но решение это выполнить ей не удалось. Не выехали они еще из густого леса, как недалеко от дороги раздался басистый крик курана¹, и земля словно качнулась от этого крика.

— Кто едет с ружьем, тот не кричит около дороги, — испуганно забормотала Тойчи.

— Вы когда-нибудь в козла стреляли или нет? — спросила Эркелей.

— Ейт! — нехотя ответила Тойчи и вдруг повернулась назад. — Бабы раньше разве могли взять ружье? Раньше мы, женщины, не только козлов стрелять, даже ружья мужского взять в руки не имели права.

Тут голос Тойчи понизился.

— Давно это было... Мы от зимней стоянки к летней собирались кочевать. Отец твой на дворе навьючивал последнее старье. Во всем аиле только у твоего отца

¹ Куран — самец дикого козла.

темными ночами около аила Кудеи вырастают поленицы дров, это ночами по всей долине появляются стога сена... Кто делает все это? «Лучше бы не знать мне этого», — думает Керек-Йок, прислушиваясь к гулкой песне жердей. А жерди звенят, поют... Седла скрипят на навьюченных лошадях.

И вот как-то разом смолкает все. От неожиданной тишины Керек-Йок даже привстал.

— Ну, милые, хватит сегодня, скоро расчет...

Это Кудея говорит своим тайным батракам.

Не мог Керек-Йок равнодушно слышать этого деланно-ласкового голоса... Он сердито отбросил шубу, уставился глазами в огонь.

— Сами в жадную волчью пасть лезут. Что с ними сделаешь?

Из темноты снова доносится голос Кудеи:

— Заходите в аил! Чтобы ни один не уезжал от меня голодным...

Притихли собаки. Давно уже смолкла и песня жердей... Только слышно изредка, как покашливают идущие к аилу алтайцы. Керек-Йок безошибочно определяет: «Не в хозяйский аил идут». Немного в стороне стоит рваный аил для батраков. Туда идут.

— Поставила для них ловушку, они и лезут в нее. За чашку густого чая, за трубку горького табаку силы свои отдают. Сколько раз говорил я им — разные у нас с Кудеей дороги: слушать не хотят. Что делать с ними? Как их из ловушки этой высвободить?

Долго сидел Керек-Йок с такими думами перед затухающим костром. Сон окончательно покинул его. Встал, обулся, оделся, набил трубку табаком, прикурил от уголька, головешки золой засыпал и вышел из аила.

Видно было, как за речкой, из аила Кудеи, вылетают золотые искры и гаснут в темном небе. В щели аила пробивался слабый красноватый свет.

Керек-Йок пошел вверх по реке. Темная весенняя ночь

было ружье. Я совсем не ожидала беды, хотела помочь ему вынести ружье из аила... Дальше ничего не помню... Когда опомнилась, правая моя щека была разбита прикладом...

На этом рассказ матери оборвался.

— Почему женщины не могли брать в руки ружье, в чем тут грех?

— Раньше женщины погаными считались... Ружья нельзя было им в руках держать, божков-идолов нельзя было руками касаться, на коня, обрызганного кобыльим молоком и окуренного можжевельником, нельзя было садиться...

Эркелей, заметив, что мать смягчилась, спросила:

— Вы мама, с моим отцом любя сошлись или вас насильно женили?

— Ейт! Какие у тебя вопросы? Об этом, что ли, думаю, — ответила Тойчи, передернула повод и лошадь поскакала рысью.

Солнце скрылось за гору. Тойчи взяла подойник, хотела отлить воды в медный чайник, поставить его на очаг и итти доить коров. В это время она увидела свое отражение в воде...

Когда она была молодой, люди говорили: «Тойчи лучше всех девушек».

«Кто верхом проезжает мимо моей дочери — слезает с коня, чтобы на красоту ее посмотреть. Кто пешком идет — останавливается, чтобы посмотреть на Тойчи. Пятьсот рублей деньгами и пять хороших лошадей возму, когда замуж отдам свою дочь», — распевала когда-то с гордостью мать Тойчи.

Вскоре после выхода Тойчи замуж к свекру приехал купец. Перед отъездом он подарил хозяину маленькое зеркало. Свекор подарил купцу четырехлетнего вола. Сначала свекор показывал зеркало только своей семье. Потом стали приезжать соседи, чтобы увидеть себя в волшебном стекле. Когда же охотников оказалось очень

много, свекор сказал своей жене: «Спрячь, пожалуйста, зеркало в ящик».

Тойчи тогда впервые увидела себя в зеркале. У нее было румяное лицо, брови дугами, глаза блестели, как черные бусы. Нос не приплюснутый, а высокий, с горбинкой: мать назвала ее — «овечий нос». Косы спускались ниже пояса.

Силой Тойчи не уступала любому мужчине. Жеребят она ловила как барашков.

А вот сегодня она увидела в воде совсем другую Тойчи. Румянец словно ветром унесло. Вместо него остались на лице только темные шрамы — следы от побоев мужа. Глубокие складки легли на лбу. Черные глаза словно пеплом заволокло. Волосы поседели...

— Эх, где моя молодость? — вздохнула она.

Подойдя к коров, она вошла в аил. Эркелей уже ушла на заседание правления колхоза. Тойчи одна осталась, села пить чай.

Она думала о своей жизни — настоящей и прошедшей.

Ее сын Бичик в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии, охраняет социалистическую родину. Ее дочь Эркелей уже несколько лет в колхозе ударницей. И сама она, несмотря на преклонные годы, на работе — пример молодежи. Она доярка и вырабатывает до трехсот трудодней.

Родители Тойчи были бедные. С семи лет Тойчи баям коров доила, с десяти — глину месила, араку варила. Ей не было еще и шестнадцати лет, когда ее силой выдали замуж за богатого алтайца. Во время свадьбы молодые женщины и мужчины, держа в руках трубки, пели похвальные песни, а Тойчи с раздражением смотрела на своего молодого мужа.

Эркелей не было еще года, когда муж однажды утром явился пьяным.

— Арака есть!? закричал он.

Тойчи кормила Эркелей, ответила дрожащим голосом:

— Откуда у нас арака?

Пьяный и грязный муж схватил головешку и стал избивать жену.

Тойчи, чтобы спасти Эркелей, выбежала из аила, хотела спрятаться у соседей. Но соседка вышла из своего аила тоже с заплаканным лицом...

— Вот жизнь женщины при зайсанах и баях была какая, — сказала вслух Тойчи и сбросила с себя шубу.

«Если бы меня силой замуж не отдали, наверное, мои дети все были бы живы... Сколько бы родни у меня было!..»

Защебетали ласточки, свившие гнезда около дымохода. Тойчи взглянула вверх: небо уже потемнело. Тойчи медленно встала, собрала горячие угли в кучу, и яркое пламя осветило аил.

**
**

По скользкой тропинке конь скатился метра на три вниз, словно на лыжах, не упал.

— Молодец мой гнедой, — похвалил Шонкор коня.

Недавно прошел дождь, но солнце уже снова ослепительно блистало в ясном небе. Зеленели шелковые травы, красно-белые цветы горели, как огни.

Богатая земля!

«Пасти скот надо умеючи. Вот в таких чашеобразных долинах табуны хорошо пасти зимой. До первого снега — на горных лугах. Тогда колхозный скот будет сытый, здоровый». Так думал, спускаясь с горы, бригадир-животновод Шонкор.

На этот участок его недавно выдвинули сами колхозники.

Как во сне помнил Шонкор своего отца. Он тридцать

пять лет ходил за байскими табунами, редко жил дома. Когда Шонкору было девять лет, отец погиб под снежным обвалом. А через год умерла и мать. С тех пор Шонкор сам стал пастухом у бая Саныша. Холодными ночами Шонкор грелся, прижимаясь к спавшим овцам. И овцы, словно жалели его, ласково смотрели на него своими бронзовыми глазами.

Шонкор полюбил животных, как лучших друзей своего детства.

Семнадцать лет Шонкор пришел в колхоз и сказал:

— Я хочу быть у вас пастухом.

Лучшего колхозного пастуха в районе нельзя было найти. Шонкора много раз премировали. Минувшей осенью ему дали новую избу с обстановкой.

Вот тогда и сказал Шонкор самому себе:

— Что я буду делать в этом доме один? Я не буду жить в нем один...

Сегодня Шонкор ехал поговорить с председателем колхоза.

Когда он был с табуном на горе, чего только не приходило Шонкору в голову. Вот в горнице, рядом с большой кроватью, стоит маленькая, окрашенная зеленой краской, кроватка. Там лежит такой же, как сам Шонкор, смуглый ребенок. Шонкор — отец! Года через два — три Шонкор будет рассказывать своему сыну сказки. Потом, когда сын подрастет и будет учиться, Шонкор расскажет ему, как жили бедные люди до революции, при баях. Быль расскажет, правду...

Приезду Шонкора председатель колхоза обрадовался.

— Мы уж собирались за тобой посылать, хорошо, что приехал сам. Ты теперь животновод, член правления, должен быть поближе к нам.

После продолжительного разговора на всякие темы председатель спросил:

— Жениться тебе, брат, надо! А то — дом большой у тебя, а пустует.

— Как вы смотрите на Эркелей? — после некоторого молчания спросил Шонкор председателя.

— Хорошая девушка. Кто скажет что-либо против Эркелей, тот найдет щербинку в небе, — смеясь сказал председатель. — Я голосую! — и поднял обе руки.

Шонкор вышел из конторы. Направо от конторы колхоза стоял покрытый тесом пятистенный дом. Шонкор направился к нему.

Когда из капкана вырвется соболь, очень огорчается охотник. Так сегодня Тойчи огорчена тем, что Эркелей выгнала из аила Баланку с сыном Чичканом.

Тойчи поздно вернулась домой с работы. Сегодня стригли овец. Она не успела выпить чашку чаю, как вдруг открылась дверь аила, впереди шла Баланка, сзади сын Чичкан. Они несли кожаные ташауры, в которых булькала арака. Тойчи поняла, что они уже приехали за Эркелей.

Чичкан был одет в белую, покрытую шелком, мерлушковую шубу, привезенную его отцом из Монголии еще тогда, когда он был приказчиком Боробоша. Выдровая опушка блестела на шапке. Сам Чичкан был печален, задумчив и это заметила Тойчи. Баланка улыбалась всеми своими морщинами. Обе косы она спустила через плечо, ее губы были согреты аракой. Она весело разговаривала.

Открылась дверь и вошла в аил Эркелей.

Она задержалась на мгновение на пороге. Потом молча прошла по женской стороне аила, перешла на мужскую и, строго смотря на мать, спросила:

— Кого ты продала, мама, с кем ты выпиваешь?

Мать не нашлась что ответить, встала, глотая слезы, и подошла к Эркелей, чтобы обнять ее. Но Эркелей отошла к выходу.

— Дитя... дитя мое!.. Это наши родные. Они раньше за тебя одного коня дали...

— Я ухожу из этого аила, — сказала Эркелей.

Тойчи почувствовала, что дочь говорит это совершенно серьезно, в последний раз.

Она уцепилась за подол платья Эркелей и, вся в слезах, заговорила, показывая глазами на Баланку и Чичкана.

— Они наши родные... Не уходи, мое дитя! Я сама просила, чтобы они тебя сватали. Пойми же, моя глупенькая, — ты должна пойти сегодня с ними в дом, где уже пятнадцать лет горит ярко твой огонь и постель твоя никогда не остывает!..

Эркелей вырвалась из рук матери, как вырывается выдра из слабого капкана и, подойдя к двери, твердо произнесла:

— Дверь открыта!

Баланка молча посмотрела тусклыми глазами на сына, дрожащей рукой подняла ташаур с кислой аракой и направилась к двери. За ней, тяжело ступая, последовал Чичкан.

Когда они ушли, Эркелей сказала матери:

— Милая мама, вы преклонились перед кислой аракой, перед старой проклятой привычкой. Неужели вы забыли свою прошлую жизнь? Скоро вы ее забыли! Неужели исчезли раны на вашем лице?

Мать ничего не ответила. Она забыла, что у ней в трубке нет табаку, беспрестанно подносила к трубке головешку, растерянно сосала мундштук.

Этот вечер показался Тойчи самым тяжелым в ее жизни.

Был у Тойчи в молодости любимый. Но байская воля решила судьбу Тойчи. Ее продали нелюбимому человеку. Через месяц Тойчи пришла к отцу с матерью с синяком под левым глазом. Они сквозь слезы сказали:

— Ты теперь не наша. Твой хозяин — муж.

Муж после смерти отца пропил и проиграл в карты все имущество.

Тойчи выделявала овчины, шубы шила, овец стригла. Так вскормила двух детей. Однажды она баю Ярык-Каланчу двадцать овчин отделявала. За это бай обещал дать обноски для шестилетнего ребенка. Все лето она провозилась с овчинами. Когда принесла их баю, попросила обещанную шубенку.

— Ваш муж у нас полтора рубля денег получил. Если возвратите, получите шубенку, нет — тогда я не могу вам шубу дать, — ответила жена бая.

**

Прошел месяц, Алтай уже стал красно-желтым. Вершины высоких гор поседели.

Тойчи готовилась к зиме. Она сшила из семи овчин новую шубу.

Сегодня свадьба Шонкор и Эркелей.

— Вы обязательно вместе с нами поедете на свадьбу, — говорил Тойчи несколько раз председатель колхоза.

Но Тойчи твердо решила остаться дома. Нет такого обычая у алтайцев, чтобы мать присутствовала на свадьбе своей дочери! Кроме того, Тойчи занята работой. Затем вот сын приедет...

Сегодня старик Артыш привел Тойчи в хорошей серебряной сбруе оседланного вороного коня.

— Я еду на свадьбу Эркелей. Для тебя коня хорошего привел...

— Не беспокойтесь, — перебила Тойчи старика. — Коня уведите обратно и расседлайте, я не поеду.

Тойчи зря не посмотрела на Артыша. Если бы она взглянула на него, она заметила бы, как жаркая кровь играла на морщинистом лице Артыша, молодила его.

Потом сам председатель приехал и тоже приглашал Тойчи на свадьбу.

Тойчи попрежнему безучастно говорила:

— Не беспокойтесь. Я занята. Зима недалеко.

— Тогда не обижайтесь на нас, — сказал председатель и ушел.

Когда колхозники уехали на свадьбу, прибежал мальчик и с удивлением спросил Тойчи:

— Вы не поехали на свадьбу, тетя?

— А тебе что за дело до этого? — неприветливо отозвалась Тойчи.

Мальчик растерялся, даже покраснел.

— Я так просто... Я только хотел вам сказать, что они погнали для Эркелей за трудодни двадцать шесть овец. Да еще много других подарков...

Тойчи поднялась. Что-то словно встревожило ее.

— Ах, ты, неладный, уйди отсюда... Почему же ты раньше ко мне не пришел и не сказал об этом. Я бы им показала трудодни!

Тойчи бросила шубу, распахнула дверь избы.

Она забыла, что у нее стоит в коновязи оседланная лошадь, и бегом направилась за колхозниками...

Сначала ей казалось, что она бежит очень быстро. Даже сорока, летающая вдоль дороги, отстает. Потом она увидела, что впереди нее корова идет очень медленным шагом, а она не может ее обогнать. Тут только Тойчи поняла, что ноги не слушают ее. И она вспомнила о вороном коне, которого привел старик Артыш. Но возвращаться не хотела.

Тойчи рисовала себе картину своего прихода на свадьбу.

Прежде всего она побьет костылем дочь за то, что Эркелей велела пригнать овец. Затем Тойчи, сквозь слезы и обиду, во всеуслышание скажет:

— Я тебя девять месяцев в утробе носила. До двадцати лет кормила, воспитывала. На твое лицо садиться мухам не давала, ноги твои берегла от укусов мурашей. Потом тебя, пятилетнюю, сватал жених... А ты... ты

ушла к нелюбимому мною Шонкору. Я все же не прокляла тебя... А ты... ты даже части своих трудодней не оставила матери! Нет, ты забрала всех овец себе! Теперь — иди домой. Я буду распоряжаться по-своему.

Так, бормоча, Тойчи дошла до поворота. Навстречу показалась тройка рыжих коней, запряженных в тележку на железном ходу.

В ходке сидел молодой алтаец и две молодые алтайки. Тойчи не обратила на них внимания, прошла мимо. Но они повернули коней и, догнав Тойчи, предложили ей сесть в тележку.

— Не уговаривайте, — ответила Тойчи. — Я не маленькая девочка, словами меня не возьмете. — Она помолчала и немного мягче проговорила: — Как пить хочется!

Молодые колхозники проворно достали из-под белой кошмы кожаный ташаур. Теплая, едва заметная улыбка скользнула по тонким губам Тойчи. Она присела на бугорок.

— Пешком немного трудно итти старой женщине, — сказала она, взяв от колхозников чашку араки.

Но все-таки сердце Тойчи не смягчилось. Она пила араку по привычке. Украдкой взглянула на цветущих, как пионы, колхозниц, на молодого колхозника, румяного, как алый маральник, и отвернулась...

Она опять думала о дочери. Разве можно простить Эркелей, что она ушла из дому тайком, не простившись даже с матерью? Разве не обижен тот шум, что своим уходом подняла Эркелей во всей колхозной деревне? Разве это справедливо, что дочь ничего не оставила матери из своих трудодней?

Тойчи встала сегодня рано, но Эркелей уже не было дома, и Тойчи пошла к старику, сторожу Артышу.

— Ты видел Эркелей? — войдя в аил и остановившись около порога, спросила Тойчи.

Артыш еще не вставал.

— Нет, не видел. Разве потерялась? — ответил он, улыбаясь, и накрыл голову шубой.

Тойчи стала тормошить Артыша, спрашивая:

— Ты видел Эркелей? Видел?

Артыш несколько минут лежал будто глухой. Потом сбросил с себя шубу, быстро встал. Его седые волосы поднялись дыбом. Он, словно петух, приготовившийся к бою, стоял перед Тойчи.

— Пойдем! Я покажу тебе все амбары. Ищи свою Эркелей, где хочешь! — сказал он и, взяв за руку Тойчи, вышел с нею из аила.

Прибежали колхозники. Артыш и Тойчи обходили амбары. Колхозники сначала подумали, что сторож Артыш проспал и воры утащили колхозное добро.

— Где моя Эркелей? — спрашивала Тойчи, вытирая слезы рукавом и дергая за руку старика.

— Откуда я знаю!.. Я тысячу раз говорю тебе одно и то же. Я ведь амбары караулю, а не людей.

Колхозники поняли в чем дело.

— Не ищите, — сказали они. — Мы скоро поедем на свадьбу нашей любимой Эркелей. Не волнуйтесь, она живая!

Все это вспомнила Тойчи сейчас, сидя на бугорке с чашкой араки в руках.

Колхозники опять пригласили Тойчи поехать с ними.

— Нет, мой отец не видел следов колес и я не желаю садиться в тележку, — упрямо заявила Тойчи и дошла до колхоза «Кызыл-Тандак» пешком.

И тут навстречу Тойчи вышли с музыкой и пением колхозницы и колхозники.

Тойчи остановилась. Пот струился по ее морщинистым щекам. Некоторое время она не знала, что ей делать, что говорить.

Потом, не глядя никому в глаза, она пошла прямо.

— Мама, мама!.. — вдруг раздался голос Эркелей.

Дочь бросилась к матери, хотела ее обнять, но Той-

в горах, на шаг ничего не видно. Но Керек-Йок ни разу не споткнулся. Как охотник, подкрадывающийся к дичи, неслышно подошел он к аилу своего молодого друга Кюньдыбей Чаптыева. Осторожно потянул к себе дверку. Закрыто.

— Спишь Кюньдыбей? — тихо спросил он.

— Кто там? Это вы, Йорыкчинов? Входите.

— Я, Кюньдыбей, я, — ответил Керек-Йок, входя в аил, — какой ты чуткий...

— Да я и не спал еще. С вечера не могу заснуть.

— Уж не заболел ли? Или влюбился, может быть?

— Влюбился. В Кудею влюбился. Лежу вот всю ночь и слушаю, что у нее там делается. — Кюньдыбей темными блестящими глазами посмотрел на Керек-Йока. Со лба до самого носа у него свешивался спутанный чуб, лез в глаза, но Кюньдыбей не замечал этого. Он накинул на плечи шубу, подогнув под себя короткие крепкие ноги, сел перед очагом.

Керек-Йока очень обрадовало, что у них с Кюньдыбеем одна причина бессонницы. И все-таки он не находил слов, чтобы ответить на шутку Кюньдыбей. Они сидели друг перед другом молча, как будто недавно поссорились. Наконец, Керек-Йок не выдержал:

— Что же будем делать?

— С чем?

— А с этим, — Керек-Йок рукой махнул в сторону Аза-Ялан.

— Не знаю. Вы председатель дюртсовета¹, вы больше знаете.

— Я одно могу сказать: Кудея опять сидит на лучших пастбищах. А наши бедняки в отрогах, в камнях живут. Поневоле на нее придешь работать. Надо взять у Кудеи Аза-Ялан.

— А как?

¹ Сельсовета.

чи отстранила ее от себя. Она твердо решила, войдя в дом, выложить все свои обиды, так твердо, что никакой снежный обвал не опрокинет ее, ни одна бурная река не собьет с ног, никакой богатырь не остановит. И она шла вперед, к дому Шонкора.

Колхозники расступились. Двери пятистенного дома распахнулись. Запахи цветов овеяли Тойчи. Но Тойчи ни на что не обращала внимания. Она видела только стол, покрытый белой вышитой скатертью, на которой стояли кушанья.

Почему она шла к столу, Тойчи и сама не знала. Она уже схватилась за край скатерти и потянула ее к себе, когда услышала знакомый голос:

— Что вы делаете, мама? Здравствуйте, мама!

Это был голос любимого сына — Бичика. Когда Бичик уезжал в Красную Армию, на нем была полуизношенная куртка, на голове алтайская шапка с кисточкой. А теперь он был в форме пограничника: зеленая фуражка, зеленые петлицы с двумя треугольниками. Лицо полное, веселое.

Он, приблизившись к матери, взял ее за руку. Тойчи растерялась. Ее тонкие губы коснулись щеки сына.

Она заговорила:

— Ты почему прямо домой не поехал, остановился здесь?

— Разве такой радостный праздник можно мимо проехать? — ответил Бичик.

В избе стало тихо. Все ждали, что будет дальше...

Тойчи оглянулась кругом. Она увидела на окнах длинные тюлевые шторы, мягкий диван, мягкие стулья, цветы. Она забыла, зачем бежала сюда пять километров. Она села на мягкий диван, посадила рядом сына и тогда заметила, что по другую сторону, рядом с ней, сидит председатель аймакисполкома Кудрин.

Тойчи спросила его.

— Ты куда поехал, товарищ Кандр?

— Я приглашен на свадьбу двух знатных людей нашей области, — ответил Никандр Иванович.

Наконец, столы были все накрыты. Колхозники сели за них. Председатель колхоза выступил с приветственной речью. Затем говорили колхозники. Они вручили невесте и жениху подарки.

Тойчи много видела алтайских свадеб на своем веку. На самом почетном месте сидели зайсаны, баи, камы, а бедняки, держа в руках чашку с аракой, пели стоя похвальные песни им. Много было крику, шуму и всегда были драки.

Не то увидела Тойчи сегодня.

Все сидят, у всех веселые лица.

Поднялся Никандр Иванович Кудрин.

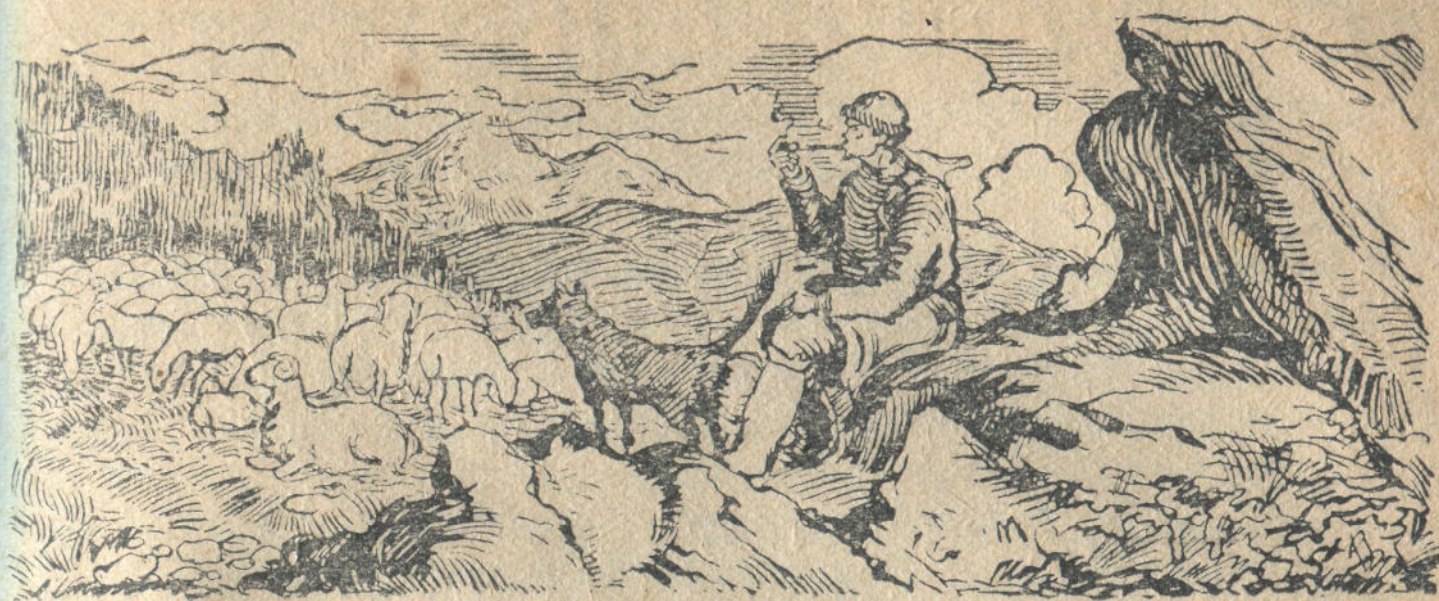
— Я свой тост поднимаю, — сказал он, — за счастливую мать нашей любимой Эркелей!

— Правильно! — поднял чашку Артыш. — Я тоже за нее и за пятикилометровый пеший переход шестидесятилетней женщины!

Тойчи машинально взяла чашку, стоявшую перед ней, и звонко произнесла:

— Разве пять километров большое расстояние? На такой счастливый праздник можно пройти пешком и пятьдесят километров!

Перевод Г. Павлова.

Я М Ы

Р а с с к а з

1

Ясное утро спустилось с серебристых хребтов, разбудило говорливых перепелок в долине вокруг колхозного селения, заглянуло в избу Эптешкенова.

В избе горела маленькая лампа с закопченным стеклом.

На лавках у стола сидели трое: председатель колхоза «Вперед» Сюмелю Эптешкенов, уполномоченный земельного управления Тильмарган Тойбосов и колхозный пастух Темир Амыров. Эптешкенов выделялся высоким ростом, широкими прямыми плечами и столь короткой шеей, что казалось, его стукнули по голове чем-то тяжелым, отчего шея вдавилась в неуклюжее туловище. Глаза

у него были узкие, хитроватые. Рыжая борода казалась подвешенной к мягкому смуглому лицу. Тойбосов был низенький, круглый, как лиственничный пенёк. В рыхлом лице его прятались маленькие смородинки жалостливых глаз.

Амыров был самым молодым, коренастым и крепким. Глаза у него — открытые, ясные, на безбородом лице — давнишний здоровый загар. Веки у всех были воспалены, — сказалась бессонница. Всю ночь они проговорили о несчастье, постигшем Темира.

— Ты — известный пастух, — говорил Сюмелю приглушенным баском, будто масло лил. — Тебя в Ойрот-Туре знают, в Барнауле знают. На каждом празднике животноводства тебе премии выдавали. По всем горам о тебе прошла добрая слава: от твоих глаз ни один вор не уйдет, из твоей отары ни один волк барана не вырвет. Как могла случиться с тобой эта большая беда?

— Четыре породистых мериносовых барана — это тысяча шестьсот рублей, — тихо заметил Тильмарган.

— Удивительнее всего то, что они потерялись в течение этих четырех дней — каждый день по барану.

— На тебя, конечно, никто не подумает. Но все-таки... баранов-то нет, — Тильмарган развел руками и покачал головой.

А потом он вспомнил Амыра, темирова отца. Хороший был человек! Тяжелую жизнь пронес на своих крепких плечах. Никто его не видел унылым. Если бы не белая банда, налетевшая на долину в 1920 г., теперь был бы Амыр первым колхозником. Рано умер, сына оставил семи лет сиротою...

— Да, все говорят, что хороший, смелый был мужик! — подтвердил Сюмелю. — Силу имел богатырскую, а жил бедно, потому что честным был и зайсанов¹ с баями словами жег, как огнем!

¹ Зайсан — родовой старшина, князек.

Темир удивленно посмотрел в глаза тому и другому, спросил:

— Кому отару передать?

— Ты останешься на месте... пока дело выясняется, — сказал Тильмарган.

— Лучше тебя мы никого в пастухи не найдем, — добавил Сюмелю.

Эти мягкие слова еще больше удивили Темира. Он знал Эптешкенова требовательным и строгим. Не раз этот человек набрасывался на пастуха с руганью. И, обычно, за какие-нибудь маленькие недоделки. Не зря колхозники дали ему прозвище — «Чадырт».² Сюмелю знал об этом и убеждал колхозников:

— Не для себя, для вас стараюсь, колхоз поднять хочу. Мне самому ничего не нужно...

Почему же сегодня он такой вежливый, даже ласковый? — заинтересовался Темир. — Неужели он боится накричать на меня при уполномоченном из Ойрот-Туры?»...

— Ты хорошо знаешь своих предков по роду? — спросил приезжий.

— Совсем не знаю, — ответил пастух.

— Это маленько нехорошо, — мягко укорил Тильмарган.

Зачем он говорит об этом?.. И почему так тихо и вкрадчиво? Легче было бы, если бы они оба обругали сейчас самыми грубыми словами. Как бы там ни было, а он виновен в потере баранов. Он их не продал, не зарезал... Но он их не уберег. И в этом он виновен. За это его нужно ругать, а не вести с ним такой добродушный, тягучий разговор. За это он будет отвечать. Если бы вот эти уважаемые товарищи потеряли четырех баранов, Темир стал бы их обвинять, настоял бы, чтобы их привлекли к ответственности.

² «Гроза».

Темир не понимает, что тут происходит. Он благодарен им за сочувствие и ласковые слова. Но ведь в таком несчастье председатель колхоза и уполномоченный из города не должны сочувствовать. Они же не знают, потерял пастух баранов или съел.

— Как я могу оставаться пастухом? — спросил Темир. — Я принес колхозу большой убыток... Теперь колхозники не будут доверять мне...

— Ты не расстраивайся, — перебил его Сюмелю. — Ты — ценный, нужный человек. Правда твой поступок очень нехороший. Если дело в суд попадет, сам знаешь — меньше десяти лет не дадут. А какая кара выше десяти лет — тоже известно тебе... Но, если ты будешь вести себя хорошо, то выход для тебя найдется, — из воды, как выдра, сухим вынырнешь...

— Вы согласны покрыть вора?.. Отдавайте меня...

— погоди, товарищ Амыров, — остановил его Тильмарган. — Послушай меня. В лесу так бывает: ветер пошатнул слабое дерево, оно повалилось, но — на счастье! — вершиной задело за другое дерево, за крепкое и здоровое. Крепкое дерево удержало брата, и оба продолжают расти. Среди народа так бывает: один, безумный, хочет броситься с высокой скалы, чтобы разбиться насмерть, а другой, добрый человек, во-время подхватывает его и спасает от гибели. И они начинают жить, как братья.

— Но, я не считаю себя...

— Послушай, как раньше люди жили, — не дал говорить пастуху Тильмарган; положив руку на его плечо, осторожно упрекнул. — Печально, что ты не знаешь историю нашего народа. Наш славный хан Ойрот поступал так: украдет у него человек одного коня, он дает ему десять коней, украдет одного барана, он дает ему двадцать баранов...

— В премию за хитрое воровство?.. Я этому делу не учился. Отдавайте меня под суд, и я докажу, что я не

трогал баранов. — Темир ударил себя кулаком в грудь, вскочил с лавки и бросился к двери.

— Нет, не докажешь, — остановил его Сюмелю грозным окриком. — Будешь орать, мы скажем правду. Есть свидетели. Подтвердят, что ты своими руками резал баранов...

— Свидетели?! — Темир подбежал к столу, оперся о край его и посмотрел в глаза председателя. — Ведите их сюда... ваших свидетелей.

— Не торопись, родной... Когда нужно будет, они сами придут, — сказал Сюмелю и, достав трубку из-за голенища, начал набивать табаком. — Но нам жаль тебя, Темир. Мы надеемся, что когда-нибудь ты будешь полезен алтайскому народу.

— Хан Ойрот жалел своих людей, — заговорил Тильмарган. — Когда он оставлял наших предков, то предупредил русского царя: «У моих людей косы не отрезай, цвет лица их не меняй. Если изменишь их облик, то во время второго пришествия своего на землю я по бровям их узнаю. Я всегда буду заступаться за своих людей». Вот какой был хан Ойрот! Мы все от него произошли. Поэтому мы и не можем быть к тебе строгими. Ты об этом хорошенько подумай...

У Темира в голове будто молоты стучали. Он никак не мог понять, к чему это все говорит уважаемый человек, приехавший из города. Он тихо повернулся и пошел к двери. Легкий утренний ветерок, неся приятный, бодрящий аромат горных цветов, встретил его на дворе.

2

Едва затихли шаги Амырова на дворе, как в избе погасла тусклая лампа.

Эптешкенов и Тойбосов посмотрели друг на друга. Щеки их помрачнели, глаза подернулись усталостью.

— Настойчивый парень, — заговорил Тильмарган. — От своего слова не отступает. Такие кремни нам очень

нужны. Нелегко их склонять на свою сторону, но затраты окупятся в будущем. Медлить нельзя, председатель. Начало положено удачно...

Эптешкенов молча смотрел в окно, затянутое густой паутиной.

— Как ты думаешь, он понял хотя бы половину того, что я говорил ему? — Тильмарган качнул председателя за плечо.

Сюмелю повернулся к другу, попросил повторить вопрос, а потом, выслушав его, скрипнул зубами.

— Если бы он ничего не понял, для нас было бы лучше. Поймет — реку опрокинет на наши головы. Я тебя предостерегал...

— Не волнуйся, друг мой. Ты мало знаешь людей... Если он сегодня не поднимет шума, будет с нами. А задумает шум поднять, во-время рот ему зажми и — головой в реку..

— Сейчас он еще сам не знает, что с ним происходит и что он будет делать, — продолжал Тойбосов. — И мы имеем время, чтобы выпить по чашке араки. Но потом наши глаза должны пойти по его следам, как пара волков.

— Пойдем в юрту, — пригласил хозяин городского гостя. — Жена ждет: я чую запах араки и шашлыка.

И они устало шагнули через высокий порог, направляясь к низким косым дверям дымной юрты.

3

Вечером Темир сдал отару ночному сторожу, а сам направился к бурной Койдоме, гремевшей в крутых берегах, в лесу за селом. Там он сел на низкий сосновый пенек.

Вечер мягко опускался в долину. Теплый ветерок стекал с невысоких ближних гор, ласково гладил лицо и шею.

Под обрывом ревел Койдома, напоминая ватагу пьяных парней. Иногда оттуда доносился то стук тяжелых молотов, то звон бубна. В этом шуме едва была слышна трель соловья, сидевшего над головой на ветке черемухи...

Тяжелые думы склонили голову Темира. Четыре дня он искал потерянных баранов. Ноги его десятки раз наливались свинцовой усталостью. Серые камни заманчиво преграждали путь. Но он быстро обходил их, — ему не до отдыха.

По всему колхозу расплозлось это позорное слово — «вор». Даже самые близкие друзья — комсомолка Тойу и старик Чокуш, лучший табунщик — отвернулись от него.

Вчера слышал, как на лужайке у села разговаривали женщины, занятые шитьем шуб:

— От области премию получал, от края премию получал и еще ему мало. Воровать принялся...

— Другой бы попался в такую беду, давно бы живого с'ели. А этого зубы не берут, — хваленый, как же...

Казалось, целый день женщины шли по пятам и повторяли эти слова. Хорошо бы спрятаться от них в сырую, тесную пещеру. Но разве можно спрятаться от навязчивых, мучительных дум. Да и горы теперь не схоронят его. Изменились они, попрустнели. И травы поблекли, и леса стали серыми. А бурные реки грозно рокочут за всех:

— Вор, во-ри-ще...

Воспоминания о ночном разговоре не покидали пастуха.

«Один выход для тебя... — шмелями жужжали слова Эптешкенова. — Ты, как выдра, сухим вынырнешь из воды».

— Какой же это выход? Где искать его? — спрашивал Темир и сам себе отвечал. — Нет у меня выхода... Чем я докажу, что я не трогал баранов, что исчезли они, сам не знаю, куда и когда? Никто же этому не поверит...

Комсомольцы, близкие люди, и те не верят. Вчера на собрании долго настаивали на том, чтобы немедленно исключить из комсомола и отдать под суд. Но пришли Тойбосов с Эптешкеновым и, как коммунисты, отстояли. Они даже набросились на тех комсомольцев, которые требовали самых суровых мер для «вора».

— А может быть, бараны еще и найдутся, — сказал на собрании Тильмарган. — Зачем человека раньше времени в пропасть толкать? Он, может быть, ни в чем не виновен....

Как понять этих людей?

— На собрании они меня защищают, — разговаривал Темир с самим собою, — а наедине обвиняют... в воровстве... Что это за люди такие?..

Темир вдруг почувствовал, будто кто-то сильной рукой крепко сжал ему горло. Он готов был сразбега удариться головой о скалу или броситься с утеса в реку...

Он встал и, пошатываясь, пошел по лужайке; медленно опустился к круглому камню и положил голову на него, как на подушку; смотрел на синий свод неба, где одна за другой загорались крупные звезды. Высоко над лесом купался в густом воздухе бекас — небесный барашек. Растопырив крылья, он стремительно падал вниз, и перо его долго звенело. Казалось, что где-то в лесу блеял заблудившийся козленок.

Припомнилась сказка про небесного барашка. Каждую весну эта птичка сносила по четыре яйца, из которых высиживала четырех птенцов. Целые дни она хлопотала около них, без устали носила им корм. Птенцы быстро росли, а потом, во время короткой отлучки матери, бесследно исчезали. Долго не знала птичка-мать, кто похищает ее птенцов. Но однажды ей удалось заметить змею, которая ползла из теплого птичьего гнезда.

— Опять я лишилась любимых деток... — Маленькое птичье сердце не могло вместить безысходного горя. Несчастливая мать взлетела высоко в небо, чтобы там горе

— Один я не возьму. И ты не возьмешь. А если товарищество животноводческое составим — возьмем. Ты в школе учился, комсомолец, как ты думаешь? Молодежь учение нас, стариков.

Кюньдыбей грустно посмотрел на Керек-Йока.

— Это верно, Йорыкчинов, только не совсем. Вы сами знаете, какая у нас молодежь. Меня в ячейке слушают, как будто соглашаются, а домой уйдут, совсем по другому делают. Что хозяева скажут, то и выполняют. Никто не осмеливается ослушаться. Разве вот в товариществе поймут... Это вы хорошо надумали.

Через некоторое время, постукивая березовым костылем, в аил вошел старик Челапан. После темноты ему трудно было смотреть на свет костра. Он приложил ко лбу трясущуюся руку, взглянул из-под нее на Кюньдыбея и Керек-Йока.

— Вы что это сегодня так рано встали?

— А вы почему рано? Старому человеку спать надо, а вы бродите.

— А может быть я у Кудеи сегодня работал...

— А вы слышали, как там жерди поют?

— Слышал. Не первую уж ночь это... Тайно стали работать, чтобы никто не видел. А?

Керек-Йок и Кюньдыбей переглянулись, но ничего не сказали.

— Чего же вы молчите? — обиделся старик. — Вы — коммунист и комсомолец... Долго ли это будет? Обрадуйте мои уши, скажите.

Но когда Керек-Йок сообщил ему свой план, Челапан недоверчиво качал головой.

— Ай, Керек-Йок, разве ты не знаешь наших людей, что говоришь о товариществе... Вчера я встретил Чалму. Он тоже жерди Кудее возит. Я шутя спросил: «Не хочешь, ли ты, Чалма, воскресить Кудай-Бергена?» Так он чуть горло мне не перегрыз! «Тебе, говорит, умирать пора, а ты на чужую землю метишь. В Аза-Ялан собираешься по-

свое выплакать. — У перепелки птенцов — в пастушью шапку не сложить, у коростеля — в мешок не собрать. А у меня, бедной, больше четырех птенцов никогда не бывало да и те — змее на обед. С горя на камень упаду — разобьюсь, о ледяную вершину ударюсь — умру. Кр-р-р-у-у!.. Кр-р-р-у-у!..

Маленькая птичка бросилась камнем вниз, но над самыми скалами вдруг задержалась, расправила крылышки.

— Жить хочу, жить хочу! — вскрикнула она и опять взлетела высоко в небо.

— Жить хочу, жить хочу! — прошептали губы Темира. — Советская власть поможет мне правду найти...

— Холодный камень — худая подушка, — прозвенел где-то рядом знакомый девичий голос. — Почему ты улегся тут?..

Темир вскочил. В двух шагах от него стояла Тойу. Парень смущенно взглянул на нее, отвернулся и провел тыльной стороной ладони по мокрому лбу.

«Зачем она пришла сюда? Что ей надо от меня?..» — подумал он, уронив голову на грудь.

— Ну, хватит тебе киснуть... — заговорила девушка. — Я пришла... Меня послал к тебе старик Ялтанбасов...

— Чокуш?!

— Да... Он послал...

— И ты не испугалась, что о тебе пойдет дурная слава? Будут болтать: «С вором дружит!»

Девушка опустилась на толстую буреломину, молча смотрела на лицо парня, тусклое от густых сумерек. Он сел рядом с нею и нерешительно поднял на нее грустные глаза.

— Я пришла... Мне старик Ялтанбасов сказал: «Иди и передай Темиру, что я верю в его честность больше, чем в свою», — заговорила Тойу. — Старик думает, что в нашем колхозе орудует ловкая вражья лапа. И эта лапа будет зажата в стальной капкан!..

— Значит он мне... — пастух схватил руку девушки и крепко сжал. — Он мне верит?.. Это правда?.. Хотя один человек есть на свете...

— Почему один?.. Как тебе не стыдно говорить?.. Я, по-твоему, не верю тебе?..

— Я... я боялся этой мысли... Но... но меня зовут... вором. Не найдутся бараны, судить будут...

— Это еще что за старушья слабость? — Девушка тряхнула парня за плечо. — Будь твердым, и все пойдет хорошо.

Будто большим черпаком Тойу вычерпала горький яд из сердца Темира. Он поднял голову и, посмотрев в ее открытые, добрые и озабоченные глаза, улыбнулся впервые за все эти дни.

— Спасибо, Тойу. Твое доверие для меня — жизнь!..

На румянном, круглом лице девушки расцвела улыбка.

Помолчав, Темир спросил Тойу:

— Скажи, кто мог из рук у меня баранов незаметно вырвать?

Девушка заговорила не сразу. Она долго находилась под впечатлением радостного удовлетворения тем, что ей так быстро удалось рассеять горькие думы парня.

— У тебя с Карчагой какие отношения сейчас? — спросила она.

— С Карчагой?!. Ты же знаешь, что мы с детства были друзьями. Но в прошлом году, когда он зарезал колхозного барана, нашей дружбе пришел конец. Он все время льнул ко мне, как сосновая сера, да я уже больше не мог разговаривать с ним по-душам.

— Сегодня он с утра до вечера вился около Тойбосова. Ходили они по юртам, по дворам... А вечером отправились куда-то за маслозавод. И Эптешкенов с ними.

— Эптешкенов так близок к Карчаге, что воду лей — не пройдет между ними. А на меня Карчага теперь, как на солнце, прямо смотреть не может.

— Ты... ты — ясное солнышко, это верно... — говорила Тойу и, опустив глаза, смущенно улыбнулась.

Они разговаривали долго. Темир рассказал ей о ночи, проведенной в избе Эптешкенова. Тойу настойчиво переспрашивала парня обо всем, что там говорили ему, но так и не могла понять, на какой выход намекнул председатель.

— Неужели он, в самом деле, знает того человека, который подстроил тебе эту беду? — спросила она. — Может быть, с ним следует быть поласковее, попросить его?..

— Надо подумать... Возможно, он добра мне желает, но... почета ждет, покорности...

Глубоко вздохнув, девушка сказала:

— Учти, что Эптешкенов — хитрый человек. Неосмотрительного шага не делай. Ты можешь не заметить, как он подцепит тебя семью удочками... Мы его знаем мало... Как доверяться человеку, переброшенному невесть откуда?

— В областном городе проверяли его, знают... Так бы не послали к нам...

— Проверщики тоже разные бывают...

— Это ты говоришь правильно... дорогая Тойу!

Девушка встрепенулась, посмотрела в глаза парня и встала. Темир взял ее под руку, и они медленно пошагали в сторону села.

В ту ночь по другую сторону села, на скале над тропой, где росли три лиственницы, сидели трое. Они приехали в сумерки. Лошадей оставили в лесочке. Костра не разводили. Спички для прикурки трубок зажигали в шапках. Кашляли даже не в руку, а в мягкий мох на скале. Так тихо сидят на горах в весенние ночи только охотники, поджидающие на тропах чутких косуль. Но то были

необычные охотники. У ног их лежал мешок с аракой. Шопот их походил на шелест мягкой, как шелк, хвои лиственниц.

— Помнишь, Сюмелю, пятнадцать лет тому назад эти лиственницы были совсем маленькими, — говорил Тойбосов. — А сейчас под ними в дождливые дни табун лошадей может спастись.

— Да, теперь и деревья стареют раньше своего срока, — сказал Эптешкенов. — А они ведь никакой беды не видят. Чего им недостает? Неужели воздух на Алтае стал другим?..

Но Тильмарган уже смотрел вниз, под скалу, где при лунном свете была едва заметна колесная дорога. Он думал о прошлом. Тогда там вилась узкая тропинка. Длинной вереницей двигались кавалеристы в серых шлемах. Небо было чистое, на скалах отдыхала тишина, и всадники не ждали громового удара и каменного дождя. Много винтовок собрали тогда под этой скалой. А Сюмелю в тот день надел себе на грудь дорогой бинокль... Если сейчас порыться в каменной россыпи ниже дороги, то, пожалуй, можно насобирать не один десяток черепов...

— В наше время человек стареет очень рано, — продолжал Эптешкенов, повернувшись лицом к Карчаге. — Ты — молодой, жизни еще можно сказать, не видел. Но, если бы не я, ты бы уже давно гнил в тюрьме.

Карчага налил из кожаного мешка чашку араки и с низким поклоном подал Сюмелю.

— Всю жизнь буду вас благодарить...

— Будешь послушным парнем, никому не позволю толкнуть тебя в яму. Станешь делать все так, как я советую, комару не дам тебя укусить, шиповнику не разрешу тебя уколоть.

— Я стараюсь: в моей работе недостатки может найти только тот, кто на яйце находит хребты и ущелья.

— Не перехваливай себя. Знаешь пословицу — «У хвастуна подошва тонка».

Карчага улыбался всем лицом. Да и как ему было не радоваться? Он вырос в жестокой бедности. Никто его не знал, ни у кого он не пользовался уважением. А теперь он с самым председателем колхоза и с большим советским работником, посланным областью, пьет араку. Он благодарен им, особенно — Эптешкенову. В прошлом году этот рыжебородый человек, казавшийся самым строгим на земле, выручил из беды. Тогда Карчага, выпив лишнюю чашку араки, по глупости своей зарезал на закуску колхозного барана. За это хотели исключить из колхоза и отдать под суд, но вступился Эптешкенов.

— Надо учесть, что Карчага — из бедняков, что в колхозе он совершил первый проступок, — сказал председатель. — Пусть он уплатит стоимость барана, и мы простим ему...

Баран был породистый. Полагалось внести за него четыреста рублей. Карчага уже собирался продать корову, но Сюмелю вдруг принес ему квитанцию, подписанную счетоводом.

— Я внес за тебя деньги, — сказал он. — А за это ты мне потом кое в чем поможешь...

Спустя несколько дней председатель пришел к нему поздним вечером.

— Ну, Карчага, едва я отстоял тебя. Крикун и клеветник, Амыров Темир требовал, чтобы тебя немедленно отправили в тюрьму.

— Темир?! Да ведь он был моим другом с детства!..

— Такие, как он, не только друга, мать родную готовы толкнуть в яму.

Они проговорили до полночи. Уходя от Карчаги, председатель сказал:

— Амыров на ухо чуткий, как собака, на глаз зоркий, как беркут. Другого такого пастуха нет... Учти это...

...Карчага наполнил чашки аракой. Тойбосов выпил

первым. Заговорил о себе. Зачем-то рассказал, как с партизанами ездил по горам, как в 1923 году вступил в партию.

— За все эти годы я не получил ни замечания, ни выговора. А русские за это время выговорами облипли, как конские хвосты репьем... — говорил он. — Нам нужны смелые люди из алтайцев, тогда мы без русских обойдемся. У нас есть такие смелые и сильные люди, каким был хан Ойрот.

И Тильмарган опять с увлечением заговорил о далеком прошлом, будто сказку рассказывал. Слушая его, Карчага так забылся, что ему вдруг показалось, что хан Ойрот сидит под одной из лиственниц и вместе с ними, простыми людьми, пьет араку, пахнущую дымом. Завтра хан Ойрот объявит по всему Алтаю, что он вернулся управлять своим народом. Он так добр, что будет пить араку с бедными, и с богатыми. Трубка его пойдет из зубов в зубы, пока не вернется обратно к повелителю. Карчага Агытманов будет его правой рукой, большим зайсаном поедет по Алтаю. Везде Карчагу станут встречать низкими поклонами, с коня под локти снимать, подарки подносить...

— Я слышал, что у вас с Амыровым дружба нарушилась? — спросил вдруг Тойбосов, разбивая заманчивые думы Карчаги. — Правда это?

— Да, с прошлого года...

— Нехорошо так жить. Алтайцы должны быть дружными. — Тойбосов взглянул на Эптешкенова. — А председатель не поинтересовался тем, что два лучших парня в ссоре?

— Я думал, что они снова подружились, — пробормотал Сюмелю.

— Думал... Ты должен знать, как относятся друг к другу твои люди. Поссорились из-за каких-то пустяков — помирить их надо.

Тойбосов положил руку на плечо Карчаги.

— Завтра, друг мой, повидай Темира и поклонись ему от меня, скажи, что я забочусь о нем и избавлю его от тюрьмы. Он — хороший парень. Так ему и передай.

Пощупал кожаный мешок, — в нем уже не булькала арака. Встал на кривые ноги.

— Поедемте домой.

Карчага бросился в лесок, чтобы подвести коней.

— Молодец! знаешь старый алтайский порядок! — похвалил его Тильмарган, когда поднялся в седло.

5

Над горами стоял знойный день.

Отара отдыхала в тени вековых лиственниц. Животы овец вздымались, как кузнечные меха. Сухие языки их вывалились изо ртов.

Налево — пологий склон, засыпанный цветами, похожий на дорогой ковер. Направо — густой кедрач. Там громко трещат дрозды, охраняя от ворон гнезда с птенцами. Высоко в небе парят два беркута, высматривая добычу.

Пастух спешил, посмотрел вокруг себя. У старой лиственницы муравейник, высокий, словно копна свежего сена. Муравьи на нем — как пена в кипящем котле. Во все стороны широкие дороги. Вот по одной из дорог муравей тащит сухой обломок лиственничной веточки, часто останавливается. Навстречу другой муравей.

Остановился возле первого, потом вцепился в другой конец тяжелой ноши, и они вдвоем быстро потащили ветку к муравейнику.

— Дружные ребята!.. — воскликнул пастух. — Наверно, из беды выручают друг друга?..

На длинный аркан привязал коня за дерево, сел.

— У меня теперь нет друзей. Никому я не нужен, кроме вас... — Взглянул на овец, которые покрыли собою землю, как большой кошмой. — Вас я оберегаю от вол-

ков, ягнят ваших — от беркутов... Если бы вы умели говорить человеческим языком, вы бы сказали мне, куда исчезли четыре барана. Я знаю, что сказали бы... У нас с вами — старая, долгая дружба. А будет ли долгой дружба с Тойу, этого я не знаю. Я даже не знаю, правда ли то, что она верит в мою честность. Может быть, она присматривается ко мне, испытывает? И правда ли, что старик Чокуш попрежнему уважает меня, я тоже не знаю. Может, Тойу наболтала...

В лесу хрустнул сухой сук. Пастух вскочил и повернулся туда лицом.

Из леса выехал Карчага на сером коне и, приветливо улыбнувшись, спросил пастуха:

— Испугался, дружок?.. В следующий раз я с песней поеду...

Не ответив ему, Темир спросил себя:

«Зачем он приехал сюда? Бросил работу в колхозе... За мной послан?.. Ну, что ж?.. Скорей узнаю, что меня ждет...»

Карчага слез с коня, подал руку пастуху.

Темир поднял глаза на лицо приезжего, отметил, что улыбка на губах его — вынужденная, а веки часто моргают, будто его ослепило солнце.

— Куда поехал? — спросил жестко, неприветливо.

— Меня послали Тойбосов с Эптешкеновым. — Карчага немного помялся и добавил: — Они заботятся о тебе, говорят, что до суда не допустят.

— У меня нет денег, чтобы заплатить колхозу.

— Может, бараны найдутся. Председатель с Тойбосовым помогают искать...

— Много дней прошло, — не найдутся бараны. Я знаю... — Пастух посмотрел на лицо Карчаги, но не заметил, что шея у него слегка порозовела. — Не найдутся, волк успел переварить их мясо...

Карчага молчал.

— Ты меня знаешь с детства, — продолжал Темир, —

знаешь, что я даже иголки ни у кого не украл. И я тебя знаю, как честного человека...

— Арака меня портит... В прошлом году... ведь я честное слово, не помню, как пьяный барана зарезал...

— У лошади четыре ноги и то спотыкается... Тебя вовремя Эптешкенов выручил...

— Да, спасибо ему, добрый он человек... Зря мы его «Грозой» прозвали. Теперь он тебя выручить хочет. Он обо всех...

— погоди хвалить, вдруг прикрикнул Темир. — Когда волк хочет жеребенка зарезать, он катается по земле, дурашливый, ласковый такой. Жеребенок подойдет посмотреть, а волк ему — зубы в горло.

— Какие ты слова говоришь...

— Сюмелю для меня темный человек. Где он родился, я не знаю, как жил, мне не известно. Первое время в колхозе был настоящей «Грозой», а теперь стал мягким, как шелк. Почему это так?

Карчага не нашел, что ответить пастуху. А тот вдруг припомнил детские годы, полуголодную жизнь, пастьбу байских стад и горячую дружбу двух мальчуганов. Не проходило дня, чтобы их не обидели байские сынки. Бездельники придумывали одно издевательство за другим.

Однажды они схватили маленького Карчагу и крепкими арканами привязали к дереву, возле которого на шиповнике висело осиное гнездо. Истошный крик мальчугана был слышен на расстоянии нескольких ружейных выстрелов. С обнаженным ножом Темир бросился на помощь, двумя взмахами перерубил арканы...

— Мы с тобой хорошо знаем звериные морды баев... — сказал он в заключение, а затем спросил строго. — Подумай, мог ли я после этого поднять руку на колхозное добро?..

Агыманов низко опустил голову.

— Можешь передать Тойбосову с Эптешкеновым

спасибо, — снова заговорил Темир, — но пусть они обо мне не беспокоятся, — сумею доказать, что я не вор.

Медленно поставив ногу в стремя, Карчага тяжело поднялся в седло, словно у него за поясом лежали свинцовые чушки. Конь понес его в долину, к селу.

— Уговаривать послали... — Темир долго смотрел на удаляющегося всадника.

6

Тойбосов пробыл в колхозе четыре дня. Он заходил в избы и юрты колхозников, подолгу разговаривал о работе, о жизни, о семейных делах, и всем он показался внимательным и заботливым человеком. На прощанье он говорил, что ему очень понравился колхоз и его председатель, энергичный и хлопотливый Сумелю.

С председателем Тойбосов прощался наедине, сказал ему:

— С Амыровым осторожно. У него есть этакое собачье чутье. Как бы на след не попал, — все вверх дном перевернет. Не склонишь его к себе, ставь вопрос об аресте.

Тильмарган сел в автомобиль, захлопнул дверку. Смуглое лицо его просияло. Он был доволен результатами своей поездки, как охотник изрядной добычей. В душе он хвалил Сумелю, который уже успел обрасти такими доверчивыми и послушными парнями, как Карчага. Если бы в каждой долине были такие Эптешкеновы, скоро бы все удалось перевернуть! Но, к несчастью, в колхозах очень много упрямцев вроде этого Темира. Три раза сам разговаривал с ним — все без толку. Сколь ни гнул его, он остался прямым, как стальная игла. Неужели Эптешкенову не удастся подогреть эту иглу и согнуть в кольцо?..

Самые худшие предположения Тойбосова оправда-